

А.В. ИШИН

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРЫМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ: К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКОЙ АССР

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА:
ИСТОРИЯ И НАСЛЕДИЕ

К 100-ЛЕТИЮ
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

А.В.Ишин

**Социально-политические
процессы в Крыму
в первой половине 1920-х
ГОДОВ:**

к 100-летию образования Крымской АССР

монография

Краснодар
2022

УДК 94(470.75)«1920/1925»

ББК 63.3

И 972

Рецензенты:

Жильцов Сергей Сергеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Филимонов Сергей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Института «Таврическая академия» (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Ишин А.В.

И 972 **Социально-политические процессы в Крыму в первой половине 1920-х годов: к 100-летию образования Крымской АССР: монография.** – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 148 с. – 500 экз.

ISBN 978-5-6045507-1-7

В монографии вниманию читательской аудитории предлагается многоаспектный анализ социально-политических процессов, обусловленных становлением партийно-государственной системы в Крыму в первой половине 1920-х годов. На основе многочисленных архивных источников рассматривается эволюция общественных настроений, специфика внутривнутриполитического конфликта, продолжавшегося после эвакуации из Крыма Белых сил, а также раскрываются особенности организации и деятельности многочисленных партийных, советских и репрессивных органов, боровшихся с повстанчеством и антибольшевистским подпольем. Книга представляет интерес как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(470.75)«1920/1925»

ББК 63.3

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований по проекту
№ 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной
власти и полиэтничного общества в ходе реализации
национальной политики (на материалах Северо-Кавказского
края и Крымской АССР, 1920-е гг.)», не подлежит продаже*

© Кубанский государственный
университет, 2022

© Ишин А.В., 2022

ISBN 978-5-6045507-1-7

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой Читатель!

Всякий раз при знакомстве с новым добротным научно-историческим исследованием у нас возникает ощущение живого диалога с прошлым, открывающим нынешним поколениям свои прекрасные, великие и порой трагические страницы. Этот диалог жизненно необходим каждому из нас, ибо в нем черпаем мы понимание нашей истории в ее цельности, преемственности эпох и поколений, извлекаем уроки, необходимые для поступательного движения в будущее.

«Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Эти слова великого Ломоносова особенно актуальны в наше судьбоносное время, когда Россия, преодолев сложности политических катаклизмов и трансформаций конца 1980–1990-х годов, вновь обрела качество сверхдержавы и государства-цивилизации, что засвидетельствовано эпохальными свершениями Крымской весны.

Монография известного исследователя – Андрея Вячеславовича Ишина – посвящена всестороннему научному осмыслению сложнейших социально-политических процессов в Крыму в первой половине 1920-х годов, сопровождавших рождение и становление Крымской Автономной Социалистической Советской Республики, 100-летие образования которой стало знаковым государственным, общественным и научным событием в Российской Федерации.

Особо важно то, что основой книги послужили фонды Государственного архива Республики Крым, содержащие поистине уникальные документы – памятники той далекой эпохи, характеризующие значимую историческую роль Крымского полуострова в масштабных социально-политических изменениях, происходивших в нашей стране после завершения Гражданской войны.

Убежден, что представленная монография принесет немалую пользу всем, кто интересуется прошлым нашей великой Родины.

О.В.Лобов

**Председатель Государственного комитета
по делам архивов Республики Крым**

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Военком – военный комиссар
- Военкомат – военный комиссариат
 - ВУЧК – Всеукраинская чрезвычайная комиссия
 - ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
 - ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
- Главсуд – Главный суд
- ГПУ (Госполитуправление) – Государственное политическое управление
- Добрармия – Добровольческая армия
 - ЕРТК – Единый революционный трибунал Крыма
- Загконтора – заготовительная контора
- Исполком – исполнительный комитет
- Командарм – командующий армией
 - КОЧК – Крымская областная чрезвычайная комиссия
 - КПУ – Крымское политическое управление
- Крымревком – Крымский революционный комитет
- Крымская АССР – Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика
- Кр.ЦИК (Крым ЦИК) – Центральный Исполнительный Комитет Крымской АССР
- КЧК (Кр.ЧК, Крымчека) – Крымская чрезвычайная комиссия
- МорЧК (Морчека) – Морская чрезвычайная комиссия
- Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей
- Наркомпрод – Народный комиссариат продовольствия
- Наркомюст – Народный комиссариат юстиции
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- Областком РКП(б) (Обком РКП(б)) – Областной комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)
- ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
- Особый отдел ЧерноАзморей – Особый отдел Черного и Азовского морей

Политбюро – Политическое бюро
Пос. – поселок
Предкрымревком – председатель Крымского
революционного комитета
Продналог – продовольственный налог
Продразверстка – продовольственная разверстка
Продсклады – продовольственные склады
Реввоенсовет – Революционный военный совет
Ревтрибунал – Революционный трибунал
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия
(большевиков)
РКСМ – Российский Коммунистический союз
молодежи
РСФСР – Российская Советская Федеративная
Социалистическая Республика
С. – село
СГЧК – Симферопольская городская
чрезвычайная комиссия
Сельревком – сельский революционный комитет
СНК (Совнарком) – Совет Народных Комиссаров
Ссыпункты – ссыпные пункты
ТрансЧК (Трансчека) – Транспортная чрезвычайная комиссия
Угормилия – уездно-городская милиция
Угрозыск – уголовный розыск
ЦК РКП(б) – Центральный Комитет Российской
Коммунистической партии
(большевиков)
ЧОН – части особого назначения

Вместо предисловия

**О НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

100-летие окончания Гражданской войны в России и 100-летие образования Крымской Автономной Социалистической Советской Республики выдвигают перед исследователями насущную задачу комплексного осмысления причин, характера и последствий «Великой Русской Смуты».

Советская историография преимущественно рассматривала эти процессы под углом методологии исторического материализма, в фокусе сугубо классовой борьбы.

Вполне естественно поэтому, что научные задачи, которые стояли перед учеными советской эпохи, лежали преимущественно в плоскости освещения события революции и Гражданской войны как проявлений борьбы «ведущего революционного класса» – пролетариата во главе с большевистской коммунистической партией с «регрессивными классами» – буржуазией, помещиками, духовенством, «кулачеством». При этом следует признать, что в рамках этого магистрального подхода, который мы предлагаем именовать историко-событийным подходом, исследователям удалось сформировать вполне целостную научную картину общественно-политического конфликта 1917–1922 годов, в целом выявить его движущие силы, ведущих политических акторов, проследить динамику событий.

Однако и в настоящее время в полной мере сохраняет свою актуальность задача всестороннего научного анализа структурно-функциональных особенностей становления и эволюции органов власти, которые функционировали в рамках различных политических режимов, в том числе режимов антибольшевистской направленности, специфики их взаимоотношений, основных направлений политики, причинно-следственных факторов, которые обуславливали принятие и практическую реализацию важных управленческих решений.

Как и несколько десятилетий ранее, в повестке дня современной науки остро стоит вопрос выяснения причин окончательного утверждения большевистской модели советской власти, и, соответственно, общего поражения оппонентов этой модели на пространстве бывшей Российской империи.

В качестве универсального научно-теоретического инструмента в изучении сложных революционных процессов мы полагаем необходимым использование институционального подхода.

Институциональный подход в истории, по нашему убеждению, в отличие от сугубо политико-экономической его интерпретации, предложенной еще в 1916 году У.Хамильтоном, заключается в том, что взгляд на общественно-политический процесс находится в плоскости не «вовне», а, наоборот, «внутри». В соответствии с этим подходом внимание исследователя обращено в первую очередь на фундамент и на организацию управленческих механизмов, внутреннюю логику принятия как ключевых, так и, на первый взгляд, второстепенных решений, выявление последствий этих решений в ближайшей и отдаленной исторической перспективе.

Система организации власти, акцентуация известных ценностных ориентиров, характер взаимодействия между руководящими структурами обретают значение важнейшего (а иногда решающего) фактора общественно-политического процесса.

Крайне важный научно-теоретический вклад в разработку структурно-функциональной проблематики функционирования государственного аппарата внесли работы выдающихся отечественных историков – Г.З.Иоффе, А.Я.Авреха, Н.П.Ерошкина и некоторых других, оказавших существенное влияние на формирование нашей концепции.

Отметим также, что институциональный подход, с нашей точки зрения, неверно противопоставлять доминирующему доныне в научной литературе историко-событийному подходу. Речь должна идти, скорее, об органическом дополнении последнего, при опоре на интервальную методологию, предложенную профессором Ф.В.Лазаревым.

Важным преимуществом институционального подхода является то, что он позволяет четко ощутить «центральный нерв» эпохи, проследить смену социально-идеологических доминант в управлении регионами, а также трансформацию методов управления.

Так, если в период между февралем и октябрём 1917 года управленческие механизмы были подчинены идее созыва Учредительного собрания, разрушительной по своей сути «демократизации» вооруженных сил, вовлечения в управление страной общественных организаций с неясными полномочиями и стату-

сом (т. н. общественные комитеты), социальному популизму, то в период широкомасштабной Гражданской войны в значительной мере трансформируется сама философия управления. По нашему убеждению, в целом Гражданскую войну можно рассматривать как борьбу диктатур, но характер этих диктатур, их цели и общая направленность существенно отличались.

Если фундамент большевистской диктатуры составляла военно-коммунистическая политика, откровенное стремление руководства РКП(б) максимально, любым путем (массовый террор, реквизиции и т. д.), сконцентрировать в своих руках ресурсы для «мировой революции», то «белые» диктатуры были подчинены идее гармонизации социальных противоречий на базе законности и жесткого порядка (хотя нужно откровенно признать, что эти категории, по-разному осознаваемые отдельными антибольшевистскими режимами, на протяжении всего периода Гражданской войны оставались, скорее политическими идеалами, нежели практическими реалиями).

Использование институционального подхода позволяет проследить, как именно трансформировалась политическая миссия тех или иных государственных учреждений.

Так, если в «межреволюционный период» 1917 года реальное значение правоохранительных структур было крайне низким, то в период окончательного утверждения большевистской модели советской власти репрессивные структуры приобретают признаки едва ли не наиважнейшего инструмента управления, становятся «государством в государстве», а иногда даже конкурируют с руководящей властью Областных комитетов РКП(б).

Соответственно, меняется и политическое значение местного самоуправления: в период Февральской революции и «краевой период» оно переживает известный подъем, а в период большевистской и «белой» диктатур – напротив, его значение падает.

Отметим также, что заявленный подход отлично коррелирует с теорией идеальных типов выдающегося немецкого социолога М.Вебера.

Так, мы можем выделить в качестве отдельных идеальных типов концепты «единой и неделимой Российской империи» (этот концепт исповедовала царская администрация, а также значительная часть руководства Белого движения); «полного народовластия» с

абсолютизацией таких учреждений, как Учредительное собрание, земские собрания, общественные комитеты и т. д. (указанный тип был присущ деятелям Временного правительства и подчиненных ему органов); «Крымско-татарского национального государства» (этот идеальный тип отразился в программных установках деятелей крымско-татарской Директории); «диктатуры пролетариата» (на этот тип ориентировалось руководство РКП(б) и руководство подотчетных ему советских республик).

Перечисленные типы политического устройства так и остались в чистом виде «идеальными», то есть в абсолютном измерении недостижимыми, однако выполняли роль важного ориентира, своеобразного политического маяка для целого ряда политических режимов и представителей разнонаправленных по своей идеологии элит.

Отдельный аспект в использовании институционального подхода заключается в анализе структурно-функционального измерения Февральской революции как отправной точки деструкции традиционной для Российской империи социокультурной и политической реальности.

До сих пор в отечественной историографии для осмысления комплекса общественно-политических проблем, обусловленных последствиями Февраля 1917 года, используется научный термин «двоевластие».

В научный оборот этот термин был введен лидером большевистской партии В.И. Лениным. Так, в проекте партийной платформы «Задачи пролетариата в нашей революции» (1917 г.) В.И. Ленин следующим образом сформулировал суть феномена двоевластия: «Самой главной особенностью нашей революции, особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции двоевластие.

Это двоевластие проявляется в существовании двух правительств: главного, настоящего, действительного правительства буржуазии, “Временного правительства” Львова и К⁰, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, “контролирующего” правительства в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно

на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат».

С нашей точки зрения, «двоевластие» не является термином ошибочным. Напротив, этот термин задает в целом правильный вектор анализа общественно-политической ситуации на пространстве бывшей Российской империи, сложившейся после Февральской революции.

Тем не менее за пределами охвата этого научного термина фактически оказался третий важнейший центр концентрации власти, который в 1917 году стал играть самостоятельную политическую роль – Ставка Верховного Главнокомандующего, а также ее органы на местах – штабы отдельных военных округов.

Отметим, что в свое время именно Ставка сыграла особую роль в отрешении от власти императора Николая II, которое по сути стало кульминацией Февраля.

Вспомним и некоторые эпистолярные источники, в частности письмо Председателя Государственной Думы М.В.Родзянко Председателю Временного правительства Г.Е.Львову от 18 марта 1917 года. В этом письме М.В.Родзянко фактически обвинил генерала М.В.Алексеева (в марте – мае 1917 года занимал должность Верховного Главнокомандующего) в попытках узурпации власти: «Генерал Алексеев всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа, и что армия должна как бы возглавлять собою и правительство, и все его мероприятия».

Немаловажно отметить, что, согласно «Обзору положения России за три месяца революции по данным отдела сношений с провинцией Временного Комитета Государственной Думы», именно войска, наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов, обеспечивали смену «старой власти» в городах.

Политическая роль Ставки существенно возросла в период с 18 июля по 2 августа 1917 года, когда должность Главнокомандующего занимал А.Г.Корнилов – ведущий архитектор неудачного вооруженного выступления, направленного на трансформацию системы государственной власти в направлении военной диктатуры. Однако и после ликвидации «корниловского мятежа» военная составляющая политической системы продолжала претендовать на собственную политическую роль, особенно с учетом фактора

продолжавшейся Первой мировой войны, о чем убедительно свидетельствует ряд важных архивных источников.

Исходя из приведенных наблюдений, более обоснованным, чем «двоевластие», нам представляется использование научного термина «фрагментация власти», который мы вводим в научный оборот в формате институционального подхода для изучения процессов революции и Гражданской войны.

Суть концепта фрагментации заключается в том, что вследствие Февральской революции как в центре страны, так и в провинциях сформировалось три основных властных центра, претендующих на гегемонию: Временное правительство и его органы на местах, Советы рабочих и солдатских депутатов, Ставка Верховного Главнокомандующего. В отличие от известного политико-правового принципа разделения властей, введенного в научный оборот Шарлем-Луи де Монтескье, при котором законодательная, исполнительная и судебная ветви власти действуют строго в рамках отведенных полномочий, органично дополняя друг друга, фрагментация власти выразилась в борьбе за всю полноту политической власти между тремя основными центрами. При этом правовой статус этих центров после отрешения от власти императора Николая II был не вполне ясен даже для самих их создателей. Фрагментация, без преувеличения, стала «системным нервом» революции, крайне негативно отразившись на функционировании всех государственных институтов, что обусловило всесторонний кризис управления, обострило социальные противоречия.

Другим важнейшим следствием процесса фрагментации стал фактический пересмотр многовековой традиции государственного развития, что наиболее рельефно проявилось во вмешательстве Советов в деятельность вооруженных сил, пагубном в условии продолжавшейся мировой войны.

Логическим следствием фрагментации власти собственно и становится сама Гражданская война, когда на базе одного из центров (а именно Советов) вырастает большевистская диктатура, на базе другого (Ставка) – соответственно, диктатуры белых режимов, а Временное правительство в конечном итоге уходит в историческое небытие.

С нашей точки зрения, термин «фрагментация власти» является более универсальным, чем «двоевластие». Если последнее за-

трагивает исключительно плоскость взаимоотношений органов Временного правительства и Советов, то «фрагментацию» вполне можно экстраполировать не только в сферу отношений между разными по характеру образования органами власти, но и в область конфликтов и противоречий между органами одного типа.

Например, ряд выявленных нами архивных источников свидетельствует о конфликтах между сугубо военными и военно-репрессивными структурами в Крыму в 1921 году. Или же мы имеем свидетельства противоречий между Симферопольским и Севастопольским Советами в 1917 году, между Симферопольским и Севастопольским революционными комитетами в 1918 году. Перечень таких примеров можно приводить и далее.

Кроме того, термин «фрагментация власти» имеет еще одно существенное отличие от термина «двоевластие». Хронология двоевластия, согласно выводам историографии, ограничивается временем с марта по июль или же по октябрь 1917 года и связывается, соответственно, или с подавлением властью Временного правительства вооруженных демонстраций рабочих, солдат и матросов в Петрограде и обретением этим правительством чрезвычайных полномочий, или же с октябрьскими событиями, которые повлекли крах Временного правительства.

Использование же термина «фрагментация власти» (хотя и с некоторыми оговорками, связанными со спецификой ситуации в каждом отдельном регионе) вполне правомерно в отношении всего периода Гражданской войны – вплоть до появления устойчивых признаков политической стабильности, связанных с окончательным установлением большевистской модели советской власти, то есть не ранее 1922 года.

Используя термин «фрагментация власти», исследователям необходимо учитывать, что разнообразные правительственные учреждения (от Сибири до Крыма), Советы или их аналоги, а также военные штабы, руководящие репрессивные структуры и т. д., действовали не сами по себе, а фактически были трансляторами влияний реальных «центров силы» – политических партий и групп, фундаторов национальных движений, а в ряде случаев – международных субъектов геополитики.

Этот фактор обуславливает еще одну важнейшую историческую особенность этого термина – фрагментация может на-

чинаться (или проявляться) как борьба личностей (например, А.Ф.Керенский – А.Г.Корнилов, И.В.Сталин – Л.Д.Троцкий и т. п.), а затем неизбежно приобретает объективные признаки, задавая всему политическому процессу разрушительную инерцию.

Отсюда следует еще один важнейший тезис, а именно: причины победы (и, соответственно, поражения) в Гражданской войне в решающей мере обусловлены спецификой модели самоорганизации политического режима – его реальной способностью своевременно воспрепятствовать фрагментации или же «заморозить» ее на ранних стадиях.

С нашей точки зрения, использование теоретического концепта (термина) «фрагментация власти», как важной составляющей предложенной нами интерпретации институционального подхода, открывает для исследователей процессов общественно-политических трансформаций периода революции и Гражданской войны качественно новые возможности.

В частности, это позволяет проникнуть во «внутреннюю логику» исторического процесса, на новом уровне проследить структурно-функциональные причины и последствия революционных потрясений на пространстве бывшей Российской империи, усовершенствовать научные представления о содержательных признаках, динамике и характере процессов государственного строительства в этот сложный и противоречивый период отечественной истории.

Именно институциональный подход стал научно-теоретической основой для нашего исследования социально-политических процессов в Крыму в первой половине 1920-х годов.

После ликвидации внешних фронтов Гражданской войны в различных регионах Советской Республики продолжалось ожесточенное сопротивление политике, проводимой военно-партийным режимом РКП(б). Это сопротивление представляло реальную угрозу для самого существования большевистского режима. В научно-исследовательской литературе большое внимание уделялось осмыслению проявлений столь сложного социально-политического процесса в Центральной России, Сибири, на Правобережье и Левобережье Украины, Средней Азии, а также в ряде других регионов. При этом вопросы, связанные с продолжавшимся острым гражданским конфликтом в Крыму, являвшимся одним из ключевых очагов повстанчества, недостаточно изучены.

Между тем всестороннее исследование национальных, политико-идеологических, структурных особенностей повстанческого движения в Крыму, причин его возникновения и итогового поражения может принципиально повлиять на углубление существующих представлений как о заключительном этапе Гражданской войны, так и о его реальных последствиях для истории Крыма.

В свою очередь, достоверная реконструкция событий, которые происходили на полуострове в конце 1920–1925 годах крайне важна для активизации во многом нового и масштабного осмысления социально-политических процессов, протекавших в пределах Южной России в целом.

Примечание: отдельные аспекты проблемы рассматривались нами в работах: [136], [137], [138], [139], [140], [141], [142], [143], [144], [145], [146], [147], [148], [149], [150], [151], [152], [153], [154], [155], [156], [157], [158], [159], [160], [161], [162], [163], [164], [165], [166], [167], [168], [169], [170].

Глава 1

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО РЕЖИМА В КРЫМУ

1.1. Экономическое положение полуострова и политика военного коммунизма

После поражения и эвакуации войск генерала П.Н.Врангеля (ноябрь 1920 года) Крым находился в состоянии глубочайшего экономического кризиса. В ноябре 1920 года продукция промышленности сократилась по сравнению с 1913 годом в 4,6 раза [92, с. 8]. Из 420 промышленных и кустарных предприятий работало лишь 270, и то не в полную силу. По сравнению с довоенным уровнем производительность труда упала в три раза [89, с. 61]. На транспорте царил разруха. Грузооборот железных дорог сократился в 10 раз, морских портов – более чем в 16 раз [89, с. 61]. Вследствие полного расстройтва финансовой системы большинство денежных знаков стоили дешевле той бумаги, на которой печатались [89, с. 61].

В сельском хозяйстве также сложилась чрезвычайно сложная ситуация. Накануне революции здесь было 20 % безлошадных крестьянских хозяйств, половина крестьянских дворов не имела инвентаря и собственных посевов. В годы Гражданской войны большинство хозяйств разорилось, многие земли были брошены [91, с. 2]. Посевные площади сократились с 665 тысяч десятин в 1913 году до 548 тысяч десятин в 1920-м [89, с. 61].

Следует отметить также фактор определенной изолированности Крыма от материковой части РСФСР, которая имела место еще в период широкомасштабных боевых действий с войсками Врангеля и в силу целого ряда причин не могла быть длительное время преодолена [5, стлб. 42]. Очень тяжело сказалось на положении Крыма выведение из его административного подчинения Мелитопольского, Днепропольского, Бердянского уездов, так как эти уезды служили главной земледельческой базой для полуострова. Немаловажным обстоятельством является то, что до Гражданской войны сельское хозяйство и промышленность Крыма работали главным образом на производство товарной продукции (табак, вино и т. п.). Население в основном питалось мукой, привозимой из северных районов, и разрушение экономических связей с ма-

териковой частью России, естественно, самым тяжелым образом сказалось на положении региона [5, стлб. 41].

Летом 1921 года в результате засухи в Крыму погибло 42 % посевов, 2/3 крупного рогатого скота, а уцелевшие посевы давали лишь несколько пудов с десятины [89, с. 61]. Вследствие этого уже в августе на полуострове начался голод [84, с. 334], продолжавшийся до лета 1923 года и унесший приблизительно 100 тысяч жизней [84, с. 342], что составляло примерно 15 % населения Крыма на 1921 год. По причине этого бедствия 60,1 % крестьянских хозяйств остались без скота, приблизительно столько же без сельхозинвентаря, 28,8 % без посева и 29,2 % смогли засеять в 1922 году только по одной десятине [131, с. 12]. Обстановку осложнило нашествие саранчи, проливные дожди 1922 года [84, с. 334]. Пик голода пришелся на март 1922 года, когда голодало 379 тысяч человек [84, с. 337]. Бедствию сопутствовали невиданный размах уголовного бандитизма, эпидемия тифа [84, с. 337]. Русский философ С.Н.Булгаков, проживавший в то время в Крыму, в своем дневнике 11 марта 1922 года так описывал ужасы голода: «Иногда зябнет сердце и цепенеет мысль... теперь просто оставаться живым, т. е. ежедневно пить и есть, среди этих умирающих от голода людей есть грех и преступление... То, что ежедневно происходит вокруг, непоправимо и непростимо... И как больно, как обидно за человека!» [58, с. 144–145].

Важно отметить, что несмотря на постепенное преодоление голода и его последствий, а также определенный хозяйственный подъем, наблюдавшийся в 1923 – 1925 годах, уровень жизни большей части населения Крыма продолжал оставаться крайне невысоким. Приведем несколько примеров, содержащихся в сводках под грифом «совершенно секретно» Государственного политического управления Крыма за 1925 год. Так, в сводке от 27 июня сообщалось: «Несмотря на принятые в отношении голодающих предупредительные меры в виде выдачи единовременных ссуд и пособий хлебом, отсутствие и недостаток хлеба у крестьян целых деревень продолжает наблюдаться. Ввиду отсутствия запасов в Керченском районе почти в каждой деревне есть несколько голодающих семейств. Выданное райисполкомом пособие в виде 900 пудов муки удовлетворило лишь не более 20 % всех нуждающихся. В Ленинском сельсовете не имеют запасов хлеба до 85 % всех

хозяйств. В татарских деревнях выданное пособие также не удовлетворило потребностей всех нуждающихся, и в данный момент в Джепар-Бердынском сельсовете таких хозяйств насчитывается до 60%» [43, л. 54]. В недельной сводке от 13 июля сообщалось о сложном материальном положении горнорабочих Евпаторийского района: «Ставка далеко не соответствует прожиточному минимуму. Так, например, поденные рабочие Промышленной евпаторийской конторы за 17 дней получили по 11 рублей» [43, л. 59]. В той же сводке указывалось на «критическое материальное положение» грузчиков Феодосийского порта [43, л. 59]. В сводке от 26 августа указывалось на задержки выплаты заработной платы на Государственной консервной фабрике в Керчи, на заниженные оклады жалованья рабочих табачной фабрики «Стамбул» в Феодосии [43, л. 68].

Итак, проанализировав экономическую ситуацию, сложившуюся на полуострове в первой половине 1920-х годов, мы пришли к заключению, что она уже сама по себе могла являться фактором, стимулирующим недовольство значительной части населения властями, а значит, представляла благоприятную почву для развития всех форм протестных социально-политических движений. Однако, на наш взгляд, на эти процессы решающее воздействие оказали все же политические факторы, среди которых важное место занимала политика военного коммунизма.

До 1 июня 1921 года власти полуострова сохраняли продрозверстку. Она взималась по нереальным цифрам (планировалось взимание продовольственного хлеба в размере 2 000 000 пудов, кормового зерна 2 400 000 пудов, объемистого фуража также 2 400 000 пудов [48. – 1921, 7 апреля]) и вызывала резкий протест крестьянства. В этой связи важно добавить, что имеются примеры, когда отрядами особых отделов ВЧК помимо разверстки дополнительно изымалось продовольствие у крестьян [7, л. 35].

Наряду с продрозверсткой тяжелейшим образом на положении крестьянства сказывались нерешенность земельного вопроса и запрет частной торговли.

Огромной ошибкой, на наш взгляд, являлась передача 1134 конфискованных помещичьих имений в государственный фонд и создание на их базе совхозов. Большая часть совхозной земли весной 1921 года оказалась необработанной [92, с. 9]. Следует

отметить, что в то время, когда под совхозы передали до миллиона десятин земли, примерно 40 % крестьян в Крыму оставались безземельными [84, с. 335]. Крымский представитель Наркомнаца З.Будушев в своем докладе от 12 мая 1921 года указал на то, что «сотни заложников, батраков и беднейших крестьян заставляют работать в совхозах... Совхозы, являющиеся государственными органами, имеют больше прав для притеснения местного населения, чем бывшие частные владельцы...» [123, с. 268]. В результате, как явствует из отчета КЧК, «беднейшее крестьянство, чаявшее с приходом Советской власти получить в собственность землю, разочаровалось и не поняло нашей земельной политики» [5, стлб. 11–12].

Запрет частной торговли на сельском хозяйстве Крыма сказался особенно тяжело. Хозяйство многих крестьян было ориентировано именно на производство товарной продукции, пользовавшейся спросом на рынке, а товарообмен фактически лишил эту продукцию рынка сбыта. «При существовавшей политике в области товарооборота и государственного регулирования рынка продукты производства Крыма не находили себе сбыта... ввиду запрещения частной торговли. Товарообмен не мог разрешить кризиса», – читаем в отчете КЧК за 1921 год [5, стлб. 42].

Характерной особенностью военно-коммунистического режима, установившегося в Крыму, было также «изъятие излишков». «Изъять все излишки у всего населения, не касаясь беднейшего населения», – сказано в постановлении президиума Феодосийского уездного ревкома от 22 февраля 1921 года [57, с. 48]. И.С.Шмелев в эпопее «Солнце мертвых» так описывает процесс «отобрания излишков». Приводя рассказ доктора, он пишет: «Абрикосовое варенье еще стояло... из собственных абрикосов... Четыре банки они этого варенья взяли, все, что было. Все забрали. Старухины юбки, нянькины, – и те взяли... все градусники у меня отобрали...» [62, с. 50–51]. И.С.Шмелев приводит также рассказ рыбака: «Всю нашу снасть, дорожки, крючья, баркасы – все забрали, в комитет, под замок. Прикажут: выходи в море! Рабочие сапоги, как на берег сошли, – отбирают!.. В подвал троих посадили, – некуда податься!.. Седьмой месяц и вертимся, затощали. Что выдумали: “Вы, – говорят, – весь город должны кормить, у нас коммуна! Присосались – корми! Белужку как-то закрючили...»

выдали по кусочку мыла, а белужку... в Симферополь, главным своим, в подарок!"» [62, с. 116–117].

Важно отметить, что отображение властными структурами у производителя необходимых орудий труда подтверждается также архивными документами. Так, в приказе Севастопольского революционного комитета от 16 декабря 1920 года строго предписывалось «все земледельческие машины, орудия и части их, находящиеся ныне в распоряжении... частных лиц», передать в ведение Севастопольского Совнархоза [46, л. 50].

Примечательно, что конфискации «излишков» проводились в то время, когда, согласно свидетельству очевидцев, «население жило все впроголодь» (некоторые от недоедания теряли силы), «топлива никакого почти ни у кого не было», «ежедневно в больницы привозили людей с отмороженными руками и ногами, с воспалением легких и т. п.» [50, с. 62; 52, с. 223].

Вместе с тем подобное положение дел вовсе не препятствовало стремлению властей улучшить свое собственное материальное положение. Так, в распоряжении коменданту здания Ревкома Филатову от 3 декабря 1920 года содержатся указания о доставке в поезд председателя Крымревкома Бела Куна больших и малых ковров [14, л. 110]. Начальником Особого отдела Крыма Михельсоном было самовольно «увезено» 220 пудов яблок, даже «несмотря на постановление президиума Областка РКП(б)» [25, л. 87].

Представитель Наркомнаца в Крыму М.Х.Султан-Галиев в своей докладной записке так характеризовал и оценивал проводившуюся здесь политику «изъятия излишков»: «Одним из неправильных действий Советской власти в Крыму, лишь дезорганизовавших правильную ее постановку, было также так называемое изъятие излишков у буржуазии. Возникнув и начавшись в Центре (Симферополь), оно быстро перекинулось затем в провинцию и в некоторых местах превратилось в хроническую болезнь. Проводилось оно страшно неорганизованно и напоминало собой скорее грабеж, чем “изъятие”. Отбирали буквально все – оставляли лишь пару белья. Мне самому пришлось быть свидетелем такого “изъятия” в г. Алушке. Все партийные и советские работники были заняты этой работой. Учреждения не работали. “Изъятие” производилось вооруженными отрядами красноармейцев. Красноармейцы почему-то все были пьяны... распределение изъятых

вещей произведено также неорганизованно. Например, в Симферополе татарская беднота, несмотря на свою страшную нужду (женщины ходят в мешках, босые и полуголые), абсолютно ничего не получила. А между тем среди татар очень много произведено изъятий излишков, вплоть до подушек и одеял, служащих им вместо мебели» [60, с. 88]. Исследователи А.Г.Зарубин и В.Г.Зарубин отмечают, что «военно-коммунистические нравы, запрет на свободное передвижение и товарообмен продолжали довлеть в Крыму по меньшей мере до осени 1921 года, а рецидивы наблюдались и позднее» [84, с. 335].

Военно-коммунистическая политика не могла не подрывать авторитет новых властей у большинства населения. Положение усугубляли бесчисленные злоупотребления и откровенный произвол со стороны многих представителей советской власти. Так, при проведении продразверстки наблюдались «бесчисленные злоупотребления должностных лиц, хищения и аферы продагентов» [5, стлб. 13]. Наряду с этим «отдельные красноармейские отряды занимались грабежами и никто их от этого не мог остановить» [60, с. 87]. Согласно рассказу очевидца, «войдя в город (Симферополь. – *А.И.*), солдаты набрасывались на жителей, раздевали их и тут же, на улице, напяливали на себя отнятую одежду, швыряя свою изодранную солдатскую несчастному раздетому. Бывали случаи, что один и тот же гражданин по четыре раза подвергался подобному переодеванию, потому что следующий за первым солдат оказывался еще оборваннее и соблазнялся более целой одеждой своего предшественника и т. д. ... В каждый дом вошел постой красноармейцев. Они располагались всюду как дома, заставляя хозяев прислуживать им, убивая всю живность, как то: свиней, птицу, которых несчастные хозяева месяцами выкармливали. Из имущества все, что приходилось им по вкусу, красноармейцы забирали себе» [50, с. 59].

Процитируем также некоторые архивные документы, характеризующие крымскую обстановку произвола и беззакония тех дней. В заявлении на имя ректора Таврического университета профессора В.И.Лучицкий и С.П.Попов указывали: «17 сего ноября (1920 года. – *А.И.*) около 1 часа дня в дом № 10 по Спасской улице, в котором мы занимаем комнату, явились трое вооруженных и произвели обыск, заявляя, что ищут оружие. Обыск был произведен и в нашей комнате. После обыска ими были взяты

серебряные часы, одна рубашка и карт[а] Крыма, принадлежащая Университету. И взамен взятых серебряных часов ими были оставлены чугунные. В тот же день около 7-ми часов вечера в дом явилось около 7-ми человек вооруженных, которые потребовали, чтобы им открыли двери, заявляя, что они квартирьеры. Однако, войдя в дом, они заявили, что пришли искать скрывающихся офицеров и оружие, и, угрожая револьверами, произвели тщательный обыск во всем доме. При уходе ими у нас были взяты пальто и брюки, много вещей было взято ими также у других лиц, живущих в доме (женщин)» [37, л. 25]. Врач М.А.Щеглова в аналогичном заявлении писала: «Довожу до сведения г. Ректора, что ночью с 18 – 19 XI (1920 года. – А.И.) в дом, где я живу, ворвались 2 человека в офицерской форме и 2 солдата, которые под предлогом осмотра квартиры для постоа солдат разгромили всю квартиру и похитили у меня следующие вещи: золотую брошь с бриллиантом, золотой кулон, золотой крест, часы дамские, черное суконное платье, ботинки, теплые перчатки, чулки, денег до 1000 керенками и 500 р. рентой и военным займом и до 50.000 врангелевскими деньгами...» [37, л. 27]. Согласно заявлению машинистки Таврического университета В.Ф.Хоникевич, «18 сего ноября (1920 года. – А.И.) в 10 ч. вечера в дом № 25 по Луговой ул. в кв. № 1, где я занимаю одну комнату, ворвались три солдата под видом расквартирования войск и ограбили всех комнатных жильцов, в том числе и меня. У меня украдены следующие вещи: обручальное кольцо, два золотых крестильных креста, золотая цепочка, золотые мужские часы, две серебряные столовые ложки, золотая медаль, полученная мною за окончание курса гимназии, две большие новые скатерти, две блузки [ш]елковые, 45 (сорок пять) тысяч деньгами, из которых 36 тысяч были взяты мною в долг, мой паспорт и некоторые другие мелкие вещи» [37, л. 28]. Особого внимания заслуживает также жалоба выдающегося краеведа Крыма, доцента Таврического университета А.И.Маркевича: «Ввиду того, что университетская квартира по Архивной улице д. № 28 до сих пор не освобождена от постоа и в ней какою-то советской частью предназначено даже устроить коммунистическую ячейку, а в одной из комнат устраивать спектакли два раза в неделю, а преподавателей Университета еще более стеснить, покорнейше прошу войти в положение обитателей этой квартиры, лишенных покоя днем и но-

чью. Особенно страдаю я, так как независимо от беспокойства терплю большие убытки. Солдаты пользуются моими дровами, самоваром, посудой и т. д., а жена должна варить им обед...» [37, л. 26] В приказе начальника штаба Керченского укрепрайона Сладкова от 29 декабря 1920 года отмечалось, что «за последнее время... часто поступают заявления жителей окрестностей гор. Керчи о самовольном захвате у них красноармейцами разных частей фуража и предметов продовольствия... Многие воинские части и отдельные красноармейцы и военморы, оставляя по какому-либо случаю занимаемые ими помещения, позволяют себе самочинно забирать мебель и другие предметы, находящиеся в квартирах» [33, л. 86].

Из докладной записки члена Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей М.Х.Султан-Галиева «О положении в Крыму» становится очевидным, что подобные факты не были чем-то из ряда вон выходящим. Автором приводятся следующие данные: «Незаконные реквизиции, конфискации и изъятия стали обычными явлениями. Характерен следующий случай. После X-го съезда партии (8–16 марта 1921 года. – *А.И.*) и после опубликования в местной печати всех речей, статей и принятых съездом постановлений об уступках крестьянству, в один прекрасный день Особый отдел 4-й армии производил разгон Городского базара в Симферополе. Разгон производился самым бесшабашным и хулиганским образом. Поднимают стрельбу, публику ловят, все у них отбирают, вплоть до обручальных колец» [60, с. 88]. С этим сообщением перекликается «совершенно секретная» информация Евпаторийской чрезвычайной комиссии: «Тридцатого июля (1921 года. – *А.И.*) вечером голодная толпа красноармейцев... напала на торговцев съестными припасами, забрали хлеб, овощи и фрукты. Такое продолжалось на второй и третий день...» [25, л. 74].

Примечательно, что от подобного рода действий зачастую страдали сами работники и служащие советских органов и учреждений. Так, в телеграмме, поступившей в Крымревком, содержится жалоба «на бесчинства солдат в смысле производства обысков, реквизиций вещей и выселения из квартир» служащих железнодорожного ведомства [28, л. 29]. В другой телеграмме говорится, что «возчик... Мудрый категорически отказался возить почту... вследствие того, что у него проходящими советскими войсками забраны лошади, телеги, сбруя и фураж» [28, л. 62–63].

1.2. Красный террор и партийный диктат как катализаторы развития крымской контрреволюции

После разгрома войск генерала П.Н.Врангеля в Крыму осталось немало тех, кто не принимал советскую власть в принципе. Это часть участников Белого движения, бывших помещиков, царских чиновников, буржуазии, зажиточного крестьянства, готовая до конца бороться за свержение советской власти.

Тем не менее гораздо более важным фактором, дестабилизирующим политическую ситуацию, явился беспрецедентный массовый террор, развязанный в Крыму в конце 1920 года. Лидеры РКП(б) отрицали свою причастность к его организации. Так, писатель В.В.Вересаев вспоминает свой разговор с Председателем ГПУ Ф.Э.Дзержинским во время встречи в Кремле 1 января 1923 года: «Были уничтожены тысячи людей. Я спрашивал Дзержинского, для чего все это сделано? Он ответил:

– Видите ли, тут была сделана очень крупная ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины. И чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они так используют эти полномочия.

Я спросил:

– Вы имеете в виду Пятакова? (Всем было известно, что во главе этой расправы стояла так называемая “пятаковская тройка”: Пятаков, Землячка и Бела Кун).

Дзержинский уклончиво ответил:

– Нет, не Пятакова.

Он не сказал, кого, но из неясных его ответов я вывел заключение, что он имел в виду Бела Куна» [49, с. 600–602].

Вместе с тем важно учитывать, что политика красного террора своими корнями уходит в конец 1917 года. В полной мере она стала проявляться в 1918 году. Характерной особенностью этой политики является ее идеологическое обоснование, проводившееся высшим руководством РКП(б). Видный исследователь красного террора С.П.Мельгунов приводит следующие факты. В официальном печатном органе ЦК РКП(б) – газете «Правда» от 25 декабря 1918 года член Коллегии ВЧК, а затем председатель ВУЧК, Лацис, повторяя идеи Робеспьера, писал следующее (ранее, 1 ноября

1918 года, статья Лациса была опубликована в Казанском еженедельнике «Красный Террор»: «Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и “сущность красного террора”» [100, с. 44]. В официальном органе ВУЧК «Красный Меч» в № 1 за 1919 год в статье редактора Льва Крайнего сказано: «Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации низших классов» [100, с. 42–43].

Председатель Совнаркома В.И. Ленин, выступая перед собранием актива московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 года, касаясь положения в Крыму, заявил: «Сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это – источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим» [55, с. 74]. Примечательно, что это говорилось в те дни, когда массовые расстрелы военнослужащих армии Врангеля достигли своей высшей точки. Согласно заявлению Белы Куна, Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий высказывался более определенно. Приведем текст заявления: «Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым – это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России» [100, с. 66]. Заместитель Троцкого в Реввоенсовете Склянский в своих телеграммах отмечал: «Война продолжится, пока в Красном Крыму останется хоть один белый офицер» [100, с. 66].

Уже основываясь на этих официальных высказываниях представителей большевистской власти, можно прийти к заключению, что массовый террор в Крыму в конце 1920–1921 году был явлением вполне закономерным. Подтверждением тому является секретная шифрованная телеграмма Председателя ВЧК Ф.Дзержинского от 16 ноября 1920 года на имя начальника Особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов В.Манцева,

где содержался приказ о начале операции: «Примите все меры, чтобы из Крыма не прошел на материк ни один белогвардеец... Будет величайшим несчастьем Республики, если им удастся просочиться. Из Крыма не должен быть пропущен никто...» [120, с. 88].

Несмотря на то, что в шифровке не содержалось открытых указаний начать именно массовое уничтожение «классовых врагов», вполне вероятно, что подобные указания могли быть даны устно.

Массовый террор в Крыму в конце 1920-го и в 1921-м году был вполне закономерен в условиях молодого большевистского режима, становление которого проходило в условиях кровопролитной Гражданской войны. Целью этого террора являлось уничтожение возможно большего числа как явных, так и потенциальных «классовых врагов».

Вместе с тем, как будет показано далее, жертвами этого террора стали далеко не только потенциально опасные для новых властей социальные группы, но и лояльные к советской власти жители полуострова, что существенно увеличило масштабы репрессивных акций. Причиной тому стала специфика и направленность работы местных карательных органов, борющихся за усиление своего влияния в системе военно-революционной власти.

Операция по «разорению основного гнезда белогвардейщины» началась с издания 17 ноября 1920 года высшим органом власти в Крыму – Крымревкомом – приказа № 4 следующего содержания:

I

«Всем иностранно-подданным, находящимся на территории Крыма, приказывается в 3-дневный срок явиться для регистрации. Лица, не зарегистрировавшиеся в указанный срок, будут рассматриваться как шпионы и преданы суду Ревтрибунала по всем строгостям военного времени.

II

Все лица, прибывшие на территорию Крыма после ухода Советской власти в июне 1919 года, обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Неявившиеся будут рассматриваться как контрреволюционеры и предаваться суду Ревтрибунала по всем законам военного времени.

III

Все офицеры, чиновники военного времени, солдаты, работники в учреждениях добрармии обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Неявившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всем строгостям законов военного времени» [57, с. 23–24].

При этом в приказе было прибавлено, что всем явившимся грозит только высылка из пределов Крыма и распределение по специальностям; что же касается контрразведчиков, то дело о них будет передано в Особый отдел [50, с. 60]. Практически это означало объявление амнистии. Офицеры, не служившие в контрразведке, явились на регистрацию, но оказались жестоко обмануты. Зарегистрировавшихся отправляли в казармы под стражу, а через несколько дней стали уничтожать [50, с. 60]. Здесь следует отметить, что основная масса прошедших регистрацию рядовых солдат и казаков численностью до 30 тысяч человек была этапирована на север для восстановительных работ [109, с. 92]. У И.С.Шмелева в эпопее «Солнце мертвых» содержатся данные о том, что этих солдат гнали через горы, предварительно раздев почти донага. Кому оставили одеяло, кому одну рубаху [62, с. 117]. Нетрудно предположить, что до конечного пункта назначения добраться удалось далеко не всем. Оставшиеся в живых вернулись домой лишь после амнистии 1921 года [109, с. 92].

Особое внимание обращает на себя сам характер террора по отношению к бывшим военнослужащим армии Врангеля. Арестованных расстреливали, топили в море, больных и раненых убивали прямо в госпиталях, прилюдно вешали [84, с. 331]. Перед убийствами имели место пытки [50, с. 60–61]. Согласно сообщению берлинской газеты «Руль», которое основано на показаниях очевидцев, «партии в 200 – 300 – 500 человек расстреливались пачками из пулеметов или просто зверски умерщвлялись буденовцами, практиковавшимися в рубке... На месте страшных расправ чекисты при свете факелов торопливо делили содранное со своих жертв обмундирование» [94, с. 59]. М.Х.Султан-Галиев также оставил нам описание расстрелов офицеров: «Расстрелы проводились не в одиночку, а целыми партиями, по несколько десятков человек вместе. Расстреливаемых раздевали донага и

выстраивали перед вооруженными отрядами. Указывают, что при такой “системе” расстрелов некоторым из осужденных удалось бежать в горы. Ясно, что появление их в голом виде почти в сумасшедшем состоянии в деревнях производило самое отрицательное впечатление на крестьян. Они их прятали у себя, кормили и направляли дальше в горы» [60, с. 86]. За сокрытие сочувствовавшие расплачивались головой [100, с. 67]. Естественно, что при подобной «системе» казней некоторые оставались просто ранеными. Их добивали камнями, хоронили полуживыми [100, с. 67]. Пик массовых расстрелов военнослужащих армии Врангеля пришелся на ноябрь–декабрь 1920 года. Последующая волна репрессий охватила бывших служащих гражданской администрации при Врангеле, представителей буржуазии, обвиняемое в контрреволюции крестьянство и т. д. [60, с. 96]. Людей уничтожали не за борьбу с оружием в руках, а просто за происхождение.

В политике красного террора важное место отводилось и расправе с бывшими союзниками – махновцами. Известно, что 28 октября 1920 года из Повстанческой армии Н.Махно была выделена в помощь Красной Армии для борьбы с Врангелем Крымская группа в количестве 5000 штыков, 5000 сабель, 16 орудий и 800 пулеметов. Возглавил группу С.Каретников, а ее Полевой штаб – П.Гавриленко [118, с. 121]. Эта группа в значительной степени обеспечила общую победу Красной Армии над Вооруженными Белыми силами Юга России. Однако, руководствуясь телеграммой Махно: «Крым ваш и все в Крыму ваше» [99, с. 73], – бойцы его армии нередко занимались грабежом [14, л. 28]. Тем не менее это во все не оправдывает той бесцеремонной расправы над Крымской группой, которая имела место. В конце ноября 1920 года были арестованы и расстреляны командующий группой С.Каретников и начальник штаба П.Гавриленко [118, с. 128]. 27 ноября Фрунзе приказывал командарму Лазаревичу: «Приказываю действовать со всей решительностью и беспощадностью. Всех, без исключения, махновцев, как добровольно сдавшихся, так и захватываемых в плен, арестовать и передать в распоряжение Особого отдела» [118, с. 128–129]. Получив известие об истреблении махновцев, Крымская группа Повстанческой армии под командованием А.Марченко утром 27 ноября снялась с позиций у Евпатории и с

боями стала пробиваться на север [118, с. 129]. 5 декабря группа А.Марченко в 300 сабель при 15 пулеметах – все, что осталось от 10 000 Крымской группы, – соединилась в Гришинском уезде с основными силами Н.Махно [118, с. 131]. При этом следует отметить, что из Крыма удалось уйти 3 тысячам бойцов Повстанческой армии [118, с. 129]. Известно, что часть уцелевших махновцев присоединилась к вооруженным антибольшевистским формированиям, действовавшим длительное время на территории Крыма [107, с. 9].

Говоря в целом о динамике террора в Крыму, следует отметить, что всплеск расправ приходился на зиму 1920 – 1921 годов, потом волна понемногу спадала до конца 1921-го [84, с. 333]. Точное количество погибших вследствие террора не установлено. В.П.Петров полагает, что «общее число погибших превышает 20 тысяч человек, хотя эта цифра не является окончательной» [109, с. 91]. С.А.Усов считает, что жертв террора было не менее 40 тысяч человек [60, с. 96]. М.А.Волошин писал, что только за первую зиму было расстреляно 96 тысяч человек – на 800 тысяч всего населения [84, с. 333]. И.С.Шмелев в показании Лозаннскому суду утверждал, что расстреляно более 120 тысяч мужчин, женщин, старцев и детей [100, с. 66]. Встречается даже цифра – 150 тысяч [100, с. 66]. Так или иначе, но, несмотря на разногласия исследователей, все сходится в одном – террор в Крыму носил неслыханные размеры.

Характеризуя состав погибших, М.Х.Султан-Галиев докладывал в Москву: «Среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить Советской власти. Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявили чрезвычайные органы на местах. Почти нет семейства, где бы кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого – брат, у третьего – сын и т. д.» [60, с. 86]. Данным Султан-Галиева вторят материалы следственного дела № 707/403 о преступлениях членов коллегии Керченской ЧК: «Из числа расстрелянных 51–52 % рабочих тяжелого труда и из числа содержащихся под стражей в комиссии рабочих 77 % » [25, л. 68 об.].

Был нанесен сильнейший удар и по культуре Крыма. По мнению М.А.Волошина, из каждых трех крымских интеллиген-

тов погибло двое [84, с. 331]. Среди казненных оказались такие видные представители крымской интеллигенции, как А.П.Барт, А.А.Стивен, Р.Р.Капнист и многие другие [121, с. 5–9, 46–58, 81–90].

Думается, можно полностью согласиться с исследователями, полагающими, что подобные действия властей обострили политическую обстановку в крымском регионе [109, с. 92; 133, с. 13].

Характерной чертой репрессивной политики властных органов на полуострове было широкое распространение т. н. круговой поруки, применявшейся при различных обстоятельствах.

Так, например, в приказе по береговой обороне Крымского сектора и морской Севастопольской крепости от 28 декабря 1920 года отмечалось, что «все поселяне в случае, если в их районе произойдет какой-либо злой умысел... понесут *строжайшую* (выделено нами. – А.И.) ответственность по закону осадного времени» [46, л. 59].

Отрядами Особого отдела Черного и Азовского морей преследовались семейства тех, кто был причастен к выступлениям против большевиков еще в 1918 и 1919 годах [7, л. 15]. Аналогичным образом действовала и Симферопольская городская чрезвычайная комиссия, что наглядно демонстрируют протоколы судебных заседаний коллегии этой структуры [4, л. 18].

Помимо этого, органами ВЧК в Крыму широко использовалась система заложничества [5, стлб. 63].

Наряду с указанными факторами на развитие антибольшевистских выступлений несомненно повлияло стремление новых властей любыми путями поставить под свой тотальный контроль все сферы жизни общества, подавить любое инакомыслие.

Так, в Крыму активно реализовывались положения первой Советской Конституции, принятой на Пятом съезде Советов 10 июля 1918 года, согласно которой значительная часть населения была лишена избирательных прав. К этой категории Основной Закон относил людей, использующих наемный труд, лиц, живущих на «нетрудовые доходы», частных торговцев и посредников, представителей духовенства, служащих жандармерии, полиции и охранного отделения [86, с. 294].

Так, 7 января 1922 года на имя председателя Армянского райисполкома поступила телеграмма следующего содержания: «По имеющимся в Особом пункте Джанкойской ЧК официальным све-

дениям, председатель Перекопского сельсовета Истомин в то же время является священнослужителем местной Перекопской церкви. Означенное явление, как безусловно известное и райисполкому, прямо противоречит Конституции Советской Республики. Прошу по возможности, в срочном порядке сообщить, каким образом гражданин Истомин мог “попасть” в председатели сельсовета, и в то же время прошу срочного распоряжения об отстранении его от занимаемой им в Совете должности, как не имеющего права не только быть избранным, но и не имеющего права голоса на выборах в советские органы» [70, с. 57]. 27 мая 1922 года на заседании Крымской Центральной Избирательной Комиссии было постановлено: «Признать недопустимым предоставление избирательных прав какому бы то ни было духовенству» [70, с. 71].

Документы свидетельствуют, что в рассматриваемый нами период уже начался процесс лишения избирательных прав представителей зажиточного крестьянства [43, л. 55–56], хотя основная волна этого процесса приходится на более позднее время – с 1926-го по 1936 год [103, с. 28–29].

Помимо этого, фактическому запрету подверглась деятельность всех небольшевистских политических партий (исключение составила лишь Еврейская коммунистическая партия, вошедшая в декабре 1922 года в состав РКП(б)) [84, с. 328]. Еще на Восьмом съезде партии большевиков в марте 1919 года было принято следующее решение: «РКП(б) должна завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой» [86, с. 319]. Право принятия всех основных политических решений таким образом переходило к партийным органам. Примечательно, что запрещение некоммунистических партий стало осуществляться сразу же после прихода к власти большевиков в ноябре 1917 года [86, с. 320].

После занятия в ноябре 1920 года Крымского полуострова частями Красной Армии члены некоторых партий подверглись репрессиям. Так, 23 члена Союза русского народа было расстреляно [84, с. 326], в том числе и бывший председатель симферопольской организации этой партии Н.С.Нагатенко [48. – 1921, 10 апреля]. Члены партии кадетов отправлялись в лагеря [4, л. 5]. Главных политических конкурентов большевиков – эсеров и меньшевиков – было решено выслать за пределы Крыма. В материалах Крымской

чрезвычайной комиссии прямо отмечается, что благоприятные для руководства Крыма результаты выборов в Советы были достигнуты «в известной степени лишь благодаря своевременному изъятию антисоветского элемента» [5, стлб. 10].

Под аналогичным политическим давлением проводилась в 1921 году также перерегистрация профсоюзов, во главе которых оказались большевики [84, с. 326]. Примечательно, что уже 16 ноября 1920 года на заседании Областного комитета РКП(б) было признано необходимым «очищение профсоюзов от проникших в профдвижение мелкобуржуазных элементов» [39, л. 1]. Несколько позднее, 26 ноября 1920 года, Крымобласткомом было принято еще одно постановление, гласившее: «Назначить для руководства всей работой в профсоюзах т. т. Ульянова, Кисилева, Немченко. Взять всех меньшевиков, работающих в профсоюзах, на учет и отстранить их от работы...» [39, л. 6].

В чрезвычайно жестких условиях оказались и религиозные организации. Государством был взят жесткий курс на административное вмешательство в дела религиозных конфессий с целью серьезного ограничения их идеологического воздействия на население Крыма [111, с. 159; 85, с. 167]. По данным, приводимым исследователем Р.Н.Белоглазовым, к 31 декабря 1923 года на территории полуострова было закрыто 51 молитвенное помещение (из 779 учтенных), значительное число священнослужителей расстреляно [66, с. 132]. Согласно сообщению газеты «Красный Крым», к марту 1925 года число ликвидированных храмов составило уже 107, причем 26 из них были разобраны под строительный материал [48. – 1925, 3 марта].

Крайне негативно на взаимоотношениях государства и религиозных конфессий сказалась также кампания по изъятию церковных ценностей, проводившаяся в Крыму в марте – июне 1922 года. В целом из крымских храмов всех конфессий было отправлено в ГОХРАН 1 фунт 29 золотников 25 долей изделий из золота, 140 пудов 9 фунтов 70 золотников серебряных изделий, 23 золотника 38 долей жемчуга, 123,25 карата драгоценных камней [67, с. 33].

Политика красного террора, активное внедрение «классовых» начал в социальную и экономическую жизнь, партийный диктат повсеместно сеяли недоверие, страх и зачастую негативное отно-

шение у значительной части населения к власти большевиков, что зафиксировано многочисленными источниками.

«Население долго жило надеждой на приход кого-либо из иностранных войск на помощь, но когда мечты все были разбиты, то стали помаленьку приспособливаться к жизни под большевистским ярмом и смирились с духом», – читаем в рассказе одного из очевидцев тех событий [50, с. 62]. В докладе «О положении в Крыму» М.Х.Султан-Галиев отмечал: «У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба» [60, с. 96]. Эти выводы подтверждаются и архивными документами. Так, по данным «информационных наблюдений» органов ВЧК за 1921 год, «заметно недовольство на почве плохого питания и не производящимся обследованием одежды и обуви рабочих...» [25, л. 22], «трудящиеся массы... настроены враждебно» [25, л. 68 об.], «настроение... населения невозможное» [25, л. 74].

Подобные настроения, стимулируемые к тому же страшным голодом, продолжали сохраняться и в 1922 году. Так, в суточной сводке Крымской ЧК от 10 января 1922 года говорится, что у населения «настроение угнетенное... отношение к Компартии безразличное... отношение к продналогу и к другим повинностям весьма враждебное» [24, л. 8–9]. В той же сводке отмечен ряд случаев проявления открытого недовольства. Так, например, в одном из сел Джанкойского округа «на общем собрании крестьян 3-го января слышались выкрики: “Идемте и разобьем загконтору и продсклады и достанем себе хлеба”» [24, л. 8]. В Бакальском районе Евпаторийского округа «толпа в количестве 250 человек хотела разгромить ссыпункты загконторы на пристани Бакала» [24, л. 8].

С примерами недовольства населения мы сталкиваемся и в период относительной социально-экономической стабилизации – в 1923–1925 годах. Так, по данным ГПУ, севастопольские рабочие выражали «недовольство на несвоевременную выдачу жалованья, низкие ставки, отсутствие кредитования» [43, л. 53], сильное недовольство наблюдалось среди рабочих Керченского государственного металлургического завода, «на почве снижения зарплаты... обострились взаимоотношения с администрацией» [43, л. 59], «отмечено... недовольство рабочих Феодосийской табачной фабрики» [43, л. 68] и т. д.

Таким образом, становится вполне очевидным, что власть большевиков в Крыму в первой половине 1920-х годов держалась не на поддержке населения полуострова, а на штыках красноармейцев, которые жили «отдельной семьей, нисколько не заражаясь психологией окружающей массы» [24, л. 9]. Несомненно, что существовавший в эти годы моральный климат представлял собой очень благоприятную почву для развития всех форм контрреволюции.

Следует признать, что далеко не все оставались просто пассивными наблюдателями. Значительная часть населения в той или иной мере приняла участие в антибольшевистском движении и различного рода выступлениях. М.Х.Султан-Галиев, характеризуя обстановку в южных районах полуострова, замечает, что в некоторых селениях до половины населения ушло в горы и присоединилось к зеленым – вооруженным антибольшевистским формированиям [60, с. 88]. В движении зеленых или, как их еще называют в документах ЧК, бело-зеленых, представлявшем в начале 1920-х годов, как будет показано ниже, самую серьезную угрозу для режима большевиков в Крыму, принимали участие представители различных общественных слоев, но наибольшую опасность для властей безусловно представляло крестьянство. Как отмечается в отчете КЧК, «именно в деревне... и лежит начало всех бедствий» [5, стлб. 12]. На наш взгляд, этому послужили три основные причины:

1. Ни богатые, ни бедные крестьяне не были удовлетворены политикой советской власти, а крестьянство составляло большинство населения Крыма.

2. В деревне почти не было «коммунистического глаза» [5, стлб. 12], т.е. обстановку в крестьянской среде было гораздо труднее контролировать, чем обстановку в городе.

3. Как явствует из отчета КЧК, «при разложении и отступлении врангелевской армии из пределов Крыма осталось огромное количество военного имущества и оружия, которое главным образом перешло в руки деревенского населения» [5, стлб. 61].

Выводы

Итак, основываясь на изучении материалов, касающихся экономической и политической ситуации в «послебрангелевском» Крыму, мы пришли к заключению, что военно-коммунистическая политика управления экономикой, а также достигший невиданных размеров красный террор, которые сопровождались повсеместными многочисленными злоупотреблениями и произволом, стали основными причинами антибольшевистского движения и антибольшевистских выступлений. Эти факторы обусловили глубокий политический кризис в масштабах всего Крымского полуострова. Этот кризис с особой остротой проявился на селе, именно оно составляло главную опору т. н. политического бандитизма, или движения бело-зеленых. Наряду с этим, на развитие борьбы с большевизмом в Крыму несомненно повлияло стремление властей любым путем установить монополию во внутривластной и идеологической сфере общественной жизнедеятельности. Отметим также наличие на полуострове представителей бывших привилегированных слоев (часть участников Белого движения, бывших помещиков, царских чиновников, буржуазии), не принимавших советскую власть в принципе и готовых до конца бороться за ее свержение, и тяжелую экономическую ситуацию, стимулировавшую общее недовольство населения властями, что в свою очередь представляло собой благоприятную почву для развития всех форм контрреволюции.

Глава 2

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В КРЫМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

2.1. Сопrotивление военно-партийному режиму РКП(б) на Крымском полуострове (конец 1920 – 1922 гг.)

В советских документальных и нарративных источниках, а также исторической литературе прочно утвердился взгляд на вооруженное антибольшевистское движение, развивавшееся уже после победы большевиков над Белыми войсками генерала П.Н.Врангеля, как на «политический бандитизм». Наряду с этим получило развитие, с нашей точки зрения, совершенно обоснованное положение о том, что это движение явилось составной частью Гражданской войны в Советской Республике. Этого положения придерживались такие полководцы, непосредственно руководившие борьбой против вооруженной контрреволюции, как М.В.Фрунзе, М.Н.Тухачевский, Р.П.Эйдеман и ряд других [119, с. 3]. В советской историографии данную точку зрения разделял И.Я.Трифонов [119, с. 3], а также некоторые другие исследователи.

По нашему мнению, вооруженное противоборство между силами контрреволюции и советской властью на Крымском полуострове в конце 1920–1922 году вполне правомерно будет рассматривать как составную часть продолжавшейся в Советской Республике Гражданской войны. В подтверждение этого положения приведем мнение руководства Крымской ЧК: «Развивающийся на территории Крыма бандитизм является одной из самых серьезных опасностей и угроз, для устранения коих требуется самая беспощадная и организованная борьба, и не наспех сколоченными отрядами, а целыми войсковыми частями... Как и на Украине, бандитизм или, вернее, борьба с ним должна рассматриваться как ударная задача, как *военный фронт* (выделено нами. – А.И.)» [5, стлб. 61– 62]. Один из виднейших участников борьбы с крымской контрреволюцией, возглавлявший в 1922 году Чрезвычайную тройку по борьбе с бандитизмом, а позднее Крымский Центральный Исполнительный Комитет, В.Ибраимов отмечал, что первой задачей «по завоеванию в конце октября 1920 года Крыма (очевидно, автор оперирует старым, юлианским, стилем. – А.И.) и уста-

новлении в нем Советской власти» было «умиротворение края» [53, с. IV].

Как явствует из используемых в настоящем параграфе архивных материалов, в рассматриваемый здесь период (конец 1920 – 1922 годы) мы можем говорить об организованном антибольшевистском движении, определяемом как совокупная деятельность различных общественных группировок Крыма, преследующих цель свержения власти большевиков. Примечательно, что термин «движение» применительно к вооруженной крымской контрреволюции употреблялся уже революционными региональными органами власти. Примером тому служит статья «Перед окончательной ликвидацией бандитизма», опубликованная в официальном печатном органе Крымского революционного комитета и Областного комитета РКП(б) – газете «Красный Крым» [48. – 1921, 9 июля]. Следует особо отметить, что, основываясь на документах ВЧК и данных, которыми располагает современная историография, мы можем говорить об антибольшевистском, преимущественно крестьянском, повстанческом движении, которое в целом развивалось в начале 1920-х годов в пределах Советской России и Советской Украины [59, с. 387, 398; 114, с. 12; 135, с. 126; 125, с. 4].

Под «бандами с политической окраской», или бело-зелеными, представлявшими «одну из самых серьезных опасностей и угроз» для власти большевиков, подразумевались вооруженные формирования, создаваемые в крымских горах и лесах из избежавших смерти военнослужащих армии Врангеля, махновцев, недовольных политикой советской власти крестьян, жителей городов. Нередко к этим группам присоединялись чисто уголовные элементы. Зачастую группы зеленых возглавлялись врангелевскими офицерами.

В докладе подотдела по борьбе с бандитизмом Крымской областной чрезвычайной комиссии отмечается, что, «несмотря на зимние стужи, они бежали в лес, где стали собираться из одиночных людей в мелкие группы...» [7, л. 96].

Формирования зеленых развернули активную деятельность уже с начала декабря 1920 года [108, с. 129]. В это время их общая численность составляла приблизительно 8–10 тысяч человек [108, с. 132; 89, с. 62]. Зелеными был убит ряд сотрудников Крымской чрезвычайной комиссии, председатель Алуштинского ревко-

ма Шилов, член Евпаторийского ревкома Лабренцис и ряд других видных представителей советской власти. Ими также неоднократно совершались диверсии на строительстве железной дороги от станции Сюрень до Бешуйских угольных копей [48. – 1927, 18 декабря; 108, с. 129]. Наиболее угрожающая для большевиков обстановка сложилась в Симферопольском, Севастопольском и Ялтинском уездах [108, с. 129].

В конце февраля – марте 1921 года экспедиционным отрядам ВЧК удалось провести несколько успешных операций против повстанческих групп, некоторые из которых были раскрыты, в частности отряд «Спасение России», Топловский отряд (очевидно, отряд получил название от селения Топлы, ныне с. Тополевка в Белогорском районе) [7, л. 19, 30].

Среди арестованных активных участников этих организаций были бывший помощник полицмейстера города Екатеринослава Веселовский, поручик Вильдер (по прозвищу «Дикий»), главный организатор Топловской группы служащий Топловского совхоза Бычковский. В качестве укрывателей и проводников белых офицеров для организаций бело-зеленых были арестованы сестра милосердия Лосиевская, княгиня Волконская, благочинная Казанского подворья в Феодосии монахиня Аресимия [7, л. 21].

Уже в этот период вполне четко обозначились две тенденции, характерные для последующего развития движения бело-зеленых.

Первая тенденция состояла в широкой опоре повстанческих отрядов на крестьянство, причем поддержка этой наиболее значительной группы населения Крымского полуострова заключалась не только в укрывательстве повстанцев и снабжении их продуктами, но и в непосредственном участии крестьян в антибольшевистском вооруженном движении. Наряду с тяжелой экономической ситуацией и военно-коммунистической политикой властей, развитию этой тенденции в немалой степени способствовала умело поставленная агитация со стороны активистов повстанческих групп. Примером могут служить находившиеся в районе Феодосии селения Айсерез (ныне с. Междуречье) и Ворон (прежнее название сохранилось), жители которых были убеждены в скором переходе власти в руки бело-зеленых [7, л. 27].

Вторая тенденция заключалась в стремлении руководства отрядов зеленых к установлению тесных связей с антибольшевист-

ским подпольем в городах. Так, например, органами ВЧК было установлено, что Топловская группа имеет связи со Старым Крымом, Феодосией, Карасубазаром (ныне г. Белогорск) и Симферополем [7, л. 30].

В середине апреля 1921 года стал наблюдаться усиленный рост групп бело-зеленых. В это время они сгруппировались преимущественно в районе Алушты и Красноармейска (ныне г. Ялта).

В докладе КОЧК отмечается, что «политический бандитизм» «постепенно со сходом снега и с появлением зелени увеличивался... Таким образом, из мелких групп бандитов образовались более значительные банды, у каковых хотя в то время не было связи между собой, но почти каждая в отдельности банда имела в городах и селах свои подпольные организации, являвшиеся для бандитов главным источником пополнения живой силы, оружия, продовольствия, подачи сведений военного характера» [7, л. 96]. По воспоминаниям В.Ибраимова, в крымских горах в то время действовали десятки групп [48. – 1926, 19 декабря]. Численность каждой из них в среднем колебалась от 20 до 70 человек [5, стлб. 93]. Постепенно они распространились по всей территории полуострова.

К наиболее активным формированиям следует отнести следующие. В Красноармейском (Ялтинском) районе действовали отряды бывшего пристава Алушты Кочубарова в количестве 120 человек; полковника Станишевского (прозвище «Безрукий»), который в оперативных материалах ЧК именуется атаманом Улу-Узеньской группы бело-зеленых (вероятно, название происходит от горы Улу-Узень) численностью 60 человек; полковника Мамуладзе в числе 50 бойцов; мелкого торговца, жителя Ялты, социалиста Апаса численностью 50 человек; Поликарпова (он же «Грозный») – 32 человека; ротмистра Абадзе – 30 воинов; чернорабочего Мустафы-Курбы численностью 30 человек; полковника Жоржа в количестве 7 человек. В Бахчисарайском районе действовало формирование полковника Мотицирова, в которое входило около 300 бойцов. В Карасубазарском (Белогорском) районе проявляли активность отряды ротмистра Глазаря (25 человек) и поручика Алешина (он же Фролов) – также 25 человек. В Симферопольском районе действовали группы капитана Спаи – 32 бойца и атамана Захарченко – 25 конников. В Севастопольском районе дислоцировался отряд

под командованием капитана Васильева в количестве 17 белогвардейцев [7, л. 57, 60, 66, 67, 96 об.; 5, стлб. 84].

Следует отметить, что численный состав отмеченных формирований был далеко не постоянным. В определенные моменты он мог как существенно увеличиваться, так и уменьшаться, что главным образом зависело от изменения социально-политических условий.

На вооружении зеленых находились пулеметы, винтовки, револьверы, бомбы.

Национальный контингент этих групп составляли представители русских, украинцев, крымских татар, чеченцев, грузин и других национальностей. Существовали и отряды, целиком состоявшие из крымских татар. К таковым относились отряды Апаса и Мустафы-Курбы.

Указанные формирования различались по типу действий. Одни (например, группы Станишевского, Кочубарова) уничтожали советских работников и коммунистов, вели антибольшевистскую агитацию, по мере сил срывали планы подрывной работы, налаживали связь с антибольшевистским подпольем. Другие (к примеру, группа Мустафы-Курбы) преимущественно занимались грабежом и разбоями. Чрезвычайно распространены были налеты на совхозы, сельские ревкомы, на советские предприятия.

Некоторые бело-зеленые вели себя крайне жестоко. Так, Спаи лично сжег на костре двух осведомителей ЧК [5, стлб. 84]. Атаман Захарченко сделал налет на родную деревню Саблы (ныне с. Партизанское в Симферопольском районе), где в целях устрашения расстрелял председателя, секретаря и трех членов сельского ревкома, бросил две ручные бомбы в помещение сельревкома. Жители этой деревни вступили в отряд для борьбы с его группой, так как она наводила на население ужас [5, стлб. 85–86]. Местные советские руководители в деревне Корсик Красноармейского района подверглись зверским издевательствам и были убиты зелеными. Один из представителей советской власти сошел с ума [18, л. 10]. И.С.Шмелев в эпопее «Солнце мертвых» также повествует о жестокости некоторых бело-зеленых. В приводимом им рассказе местных жителей читаем: «Продовольственный комиссар наш, на машине ехал... из лесу выходят с ружьями... Ну, конечно, зеленые... Стой! Ершов фамилия? Все им

известно! Долой слазы! Жену с детьми не тронули, отойти велели. А того сейчас цепями к машине прикрутили, горючкой полили и зажгли» [62, с. 44].

В конце апреля 1921 года Крымревком объявил широкую политическую амнистию в отношении лиц, скрывавшихся от советской власти [108, с. 131]. Амнистия «добровольно явившимся бандитам и атаманам» продлевалась до 15 мая [26, л. 93], а затем до 1 июня 1921 года [108, с. 132]. В советской историографии была распространена точка зрения, согласно которой эта амнистия в значительной степени способствовала спаду вооруженного контрреволюционного движения, в ее результате сотни повстанцев сложили оружие и вернулись к мирному труду [108, с. 131; 107, с. 10]. Но следует подчеркнуть, что данная точка зрения не находит подтверждения в материалах Крымской ЧК. Так, в годовом отчете Крымской ЧК за 1921 год о значении «первомайской» амнистии говорится следующее: «Первомайская амнистия не дала желательных результатов. Активность банд не только не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась. В Симферопольском уезде... был убит военный комиссар и его секретарь... Одной из банд в количестве пятидесяти человек было совершено нападение на станцию Альма, где встретили сильный отпор и вынуждены были отступить... Бандитами был сделан налет на тюрьму в самой Ялте... Особенно сильные размеры принял бандитизм в Феодосийском уезде... Бандиты не стесняются нападать даже на воинские части. Так, например, на Суздальской дороге (очевидно, в документе имеется в виду Судакская дорога. – А.И.) была обстреляна пулеметная команда 11-го пехотного полка. В Керчи было произведено нападение на Брянский завод, но было отбито» [5, стлб. 63–64]. В том же отчете отмечают и результаты продления амнистии: «Продленная... амнистия в значительной степени способствовала укреплению и росту бандитизма. Если ранее бандиты действовали зачастую неуверенно, непланомерно и не смели показываться в городах и густо населенных пунктах, то к этому времени операции их стали простирались и на населенные пункты, а налеты и нападения приняли систематический характер... Вооружение бандитов также улучшилось, появились в большом количестве винтовки, бомбы, пулеметы и револьверы» [5, стлб. 66]. Подобная оценка содержится и в докладе Крымской

областной чрезвычайной комиссии: «Первомайская амнистия... бандитам в то время дала возможность пополнить ряды банд, усилить сеть подпольной организации и проявить свою активность в ярких красках, так как в период амнистии никаких операций в ликвидации бандитизма нашими войсками не предпринималось» [7, л. 96].

Материалы Крымской ЧК не подтверждают и распространенную в советской историографии точку зрения, согласно которой «крупные бандитские шайки», состоявшие из «враждебных Советской власти элементов», были ликвидированы в Крыму к весне 1921 года [87, с. 38]. Отчет Крымской ЧК и оперативные материалы свидетельствуют, что пик вооруженного антибольшевистского движения приходится на май–июнь 1921 года. В это время в связи с активными действиями зеленых прекратилось транспортное (автомобильное и гужевое) сообщение между уездами. В докладе КОЧК отмечается, что «фактически они владели дорогами... по каковым совершенно без сопровождения отряда проехать было невозможно» [7, л. 96]. Повстанцы были «все прекрасно снабжены, обмундированы и вооружены с ног до головы. Связь у них была поставлена на достаточную высоту, так что они всегда были осведомлены о тех или иных предполагаемых операциях» по ликвидации их групп [5, стлб. 66–67].

Следует также отметить, что в указанное время вооруженные повстанческие отряды были тесно связаны с подпольными контрреволюционными организациями в городах и местечках, причем эти организации зачастую выполняли функцию своего рода баз для отрядов бело-зеленых [5, стлб. 64]. Примечательно и то, что бело-зеленые тесно взаимодействовали с заграничными контрреволюционными организациями [7, л. 74].

В одной из июньских оперативно-разведывательных сводок Крымской областной чрезвычайной комиссии отмечается, что «за последнее время в местностях, прилегающих к горным районам, усилились убийства, грабежи и налеты бандитов, а также численность банд в количественном отношении значительно увеличилась, а в некоторых районах образовались незначительные по количеству новые банды» [7, л. 73].

Важно подчеркнуть, что бело-зеленым удалось не просто нарушить транспортное сообщение между уездами Крыма, в значи-

тельной мере они парализовали работу местных органов власти. Так, из протокола совещания по борьбе с бандитизмом в Бахчисарайском районе от 22 мая 1921 года явствует, что «из докладов председателей ревкомов уезда поступают часто заявления о невозможности работать на местах вследствие появления банд, которые часто производят покушения на ответственных работников...» [7, л. 48]. В числе «громких» деяний зеленых того периода отметим убийство в районе Бахчисарая начальника милиции, убийство следователя ЧК Шилина, ехавшего с пятью красноармейцами на автомобиле по ялтинскому шоссе, захват и похищение в 20 верстах северо-восточнее Алушты бывшего райвоенкома Торчанского [7, л. 48, 75]. Зеленым удалось даже в районе Симеиза разоружить отряд красноармейцев. По свидетельству одного из последних, «красноармейцев... пустили назад с наказом, чтобы передали всем товарищам, что они их не тронут, кроме коммунистов, комиссаров, командиров и евреев» [7, л. 66]. 24 июня 1921 года Крымским революционным комитетом было получено письмо из отряда атамана Захарченко, где от имени «Верховного Крестьянского Совета» приказывается отпустить заложников, в противном случае «коммунисты всего Крыма будут расстреляны и не только “зелеными” войсками, но и самими крестьянами... за отнятие у них права свободного выбора» [7, л. 60].

Особенностью июньского этапа движения бело-зеленых была высокая мобильность и стремление к согласованности действий повстанческих групп. «В данное время банды часто перебрасываются из одного района в другой или группируются в одно целое», — читаем в одной из сводок. Сообщалось, в частности, что к группе Абадзе присоединились отряды капитана Спаи и Апаса. Численность всего формирования составила 170 человек при четырех пулеметах. К отряду обособившегося от формирования Абадзе ротмистра Думбадзе присоединились группы Августинского и Алигатинского. Совокупная численность составила теперь 120 человек при шести пулеметах. Подобно множеству других отрядов, оба формирования сгруппировались в районе горы Чатыр-Даг. Чекисты даже предположили, что зелеными готовится новая широкомасштабная операция [7, л. 73–74].

В недельной оперативно-разведывательной сводке КОЧК, составленной 1 июля 1921 года, отмечается, что некоторые группы

«именуют себя полками и отрядами, в которых имеется распределение единиц на роты и сотни» [7, л. 73]. Показательным примером в этом отношении является формирование ротмистра Абадзе. Все бойцы его отряда были разбиты на шесть сотен, причем большей из них была конная сотня под командованием П.П.Платонова. Были также сформированы штаб под руководством есаула «Сергея Дмитриевича» и политгруппа, в состав которой вошли два представителя от мусульманства и один от белогвардейского офицерства. Причем в сводке подчеркивалось, что «эта группа выпускает воззвания исключительно национального характера к татарскому населению». Согласно донесению красноармейца, командующего взводом, вырвавшегося из плена зеленых, группа Абадзе «занимается грабежом, берет на мельнице советскую муку, излишек которой раздает крестьянам, чем привлекает на свою сторону население... разведка развита до невероятности: знают численность гарнизона, когда пришел или куда ушел какой-либо отряд» [7, л. 66, 74].

В сводке от 1 июля отмечается также, что этими группами руководит исключительно офицерство. Группы имеют между собой тесную связь и подчиняются Главному штабу [7, л. 73]. Согласно оперативным данным, этот штаб возглавлялся генералом Бабочкиным или полковником Станишевским и предположительно находился в районе Старого Крыма [7, л. 89].

Важной чертой движения бело-зеленых являлось стремление вовлечь в борьбу с большевизмом как можно больше представителей местного населения. Особенно это касалось крымско-татарского населения горных и предгорных районов, наиболее пострадавшего от политики военного коммунизма. В качестве наглядного примера приведем выдержку из оперативной сводки КОЧК от 21 июня 1921 года по Красноармейскому району: «10 июня вблизи гор. Алушты на мусульманский праздник сошлись из ближайших деревень татары для общего празднования. Туда же прибыла банда в составе около 150 человек конных при двух пулеметах. Банда имела намерение воздействовать на мусульман и совместно с ними занять гор. Алушту. Для этой цели бандиты отпустили на праздник одного быка и 25 пудов хлеба, разбрасывали воззвание национально-религиозного характера, призывая татар соединиться для защиты веры и *активно вы-*

ступитъ (выделено нами. – А.И.) против... власти». Воззвание подписано штабом Южной Крымской Повстанческой армии... Татарское население, безусловно, симпатизирует бандам, но, боясь репрессий с нашей стороны, активно выступить не решается. Упомянутая банда вела себя гордо, стараясь показать перед мусульманским населением свою неустранимость и силу, но едва бандиты услышали шум броневика, высланного нами из Алушты, они тотчас же скрылись в лес, толпа же быстро стала расходиться. Броневи́к дошел до 9 версты по шоссе... и банды нигде не обнаружил» [7, л. 67–67 об.]. Несмотря на то обстоятельство, что по данным Крымской областной чрезвычайной комиссии почти все мусульманское население Крыма было на стороне бело-зеленых [7, л. 74], последним широкое народное восстание на полуострове поднять не удалось.

По нашему убеждению, этому способствовал целый ряд политико-экономических мероприятий советской власти, направленных на оздоровление ситуации в Крыму. Так, 31 мая 1921 года Крымревком в соответствии с решениями X съезда РКП(б) постановил разверстку на предметы продовольствия и сырье отменить [115, с. 142]. Вместо продразверстки был введен продовольственный налог, который по размерам был почти в 2 раза меньше, чем продразверстка [107, с. 20]. Крестьянам предоставлялось право свободно распоряжаться оставшимися у них излишками. В соответствии с постановлением Крымревкома допускались свободный провоз всех предметов продовольствия и сырья, обмен их через продовольственные органы и кооперативы, а также продажа непосредственно потребителю [115, с. 142]. Наряду с этим следует отметить, что IV Крымская партийная конференция, проходившая в мае 1921 года, приняла решение о наделении земель бедняцких слоев сельского населения за счет сокращения земельной площади совхозов. За совхозами сохранялись только особо ценные хозяйства. В июле 1921 года местные земельные органы приступили к наделению землей нуждающихся крестьян [92, с. 59; 131, с. 12].

В результате среди зеленых произошел раскол. Уже в конце июня 1921 года ряд групп, в которых численно преобладали рядовые мусульмане, повели переговоры с представителями советской власти о переходе на ее сторону [7, л. 73, 75 об., 96].

Важно также подчеркнуть, что, несмотря на внешний размах вооруженного контрреволюционного движения, внутри оно было достаточно слабо. По существу, у зеленых так и не появилось единого руководящего центра, единой политической и идеологической платформы, единой организации. Созданный «Главный штаб» так и не смог взять под жесткий контроль значительную часть групп, действовавших зачастую самостоятельно, исходя из собственных соображений. Так, к примеру, вполне самостоятельно действовала группа Сергея Захарченко, имевшая маховско-анархистскую политическую окраску и относившаяся с недоверием к белому офицерству [7, л. 98]. Примечательно, что это формирование, почти ежедневно проявляя активность, являясь необычайно мобильным, оказывая упорное сопротивление властям, представляло особую опасность для советской власти [7, л. 89; 48. – 1923, 1 августа]. Не было единства и внутри самих повстанческих отрядов. В них было немало тех, кто руководствовался исключительно целью личной наживы и преследовал, по существу, уголовные, а не политические цели.

По инициативе Полномочной Комиссии по делам Крыма при ВЦИК и СНК, прибывшей на полуостров в мае 1921 года, 3-го июля 1921 года в Алушке был подписан договор с полковником Мамуладзе о сдаче его формирования. Со стороны советской власти переговоры велись председателем Полномочной Комиссии Ибрагимовым в присутствии секретаря областного комитета РКП(б) Акулова, председателя Алушкинского ревкома и ряда других ответственных работников. Со стороны бело-зеленых, кроме полковника Мамуладзе, именовавшего себя начальником Алуштинской группы Крымской повстанческой армии [7, л. 82], прибыло несколько командиров, начальник штаба и около 15 кавалеристов [48. – 1921, 8 июля; 48. – 1921, 9 июля]. Приведем, с нашей точки зрения, наиболее важный пункт этого договора: «Весь корпус зеленых, находящийся под командой Мамуладзе, прекращает всякую работу против Советской власти, причем зеленые, желающие вернуться к мирному труду, получают от Советской власти полную возможность работать...» [5, стлб. 68] Газета «Красный Крым» сообщала: «На проведенном в Алушке митинге татарский представитель зеленых выступил с заявлением, что они покидают свои позорные посты и

переходят к мирной жизни» [48. – 1921, 9 июля]. Уже 4 июля прибыли в Ялту и сдались со всем оружием более 20 человек [48. – 1921, 8 июля].

Тем не менее, несмотря на начавшийся процесс сдачи вооруженных антибольшевистских групп, июль 1921 года также характеризуется сложной политической обстановкой. Ряд повстанческих отрядов продолжал активно бороться с властями. Приведем несколько документальных свидетельств о значимых эпизодах этой борьбы. 6 июля в деревне Бия-Сала (ныне с. Верхоречье Бахчисарайского района), находившейся в 8 верстах юго-восточнее Бахчисарая, зеленые совершили нападение на контору и склад Бешуйской стройки, ими были ограблены рабочие и служащие, разбиты телефонные аппараты, порваны провода, а также взорван паровоз, обслуживавший строительные работы. Зеленые угрожали расстрелом всем, кто будет продолжать работу, и затем скрылись [7, л. 82]. 10 июля на 17 версте по шоссе Алушта – Симферополь бело-зеленые задержали двух красноармейцев и политработника Любарского. Красноармейцев избили, ограбили и затем отпустили, а Любарского увели в лес [7, л. 88]. В Симферопольском районе на 20 версте железной дороги Симферополь–Севастополь в ночь на 12 июля в трех местах был взорван железнодорожный путь, машинистами поезда, шедшего из Севастополя на Симферополь, обнаружена была также невзорвавшаяся шашка. Примечательно, что в составе этого поезда находился один вагон с бомбами и два – с взрывчатыми веществами. Крушения, таким образом, удалось избежать случайно [7, л. 88]. 29 июля в деревне Шуры (ныне с. Кудрино Бахчисарайского района), находившейся в 6 верстах юго-восточнее Бахчисарая, группой Сергея Захарченко были забраны деньги Бешуйской стройки в размере трех миллионов [7, л. 97].

Вместе с тем, несмотря на сложную оперативную обстановку, в процесс сдачи вовлекалось все большее количество повстанцев. К концу июля 1921 года на условиях, аналогичных тем, что были предложены Мамуладзе, сложили оружие 228 бойцов [7, л. 96 об.]. Прекратили существование пять очень активных вооруженных формирований [5, стлб. 70]. На наш взгляд, именно отмеченные выше политико-экономические мероприятия советской власти в своей совокупности предопределили успешный для нее ход переговоров с руководителями повстанческих формирований, осоз-

навшими бесперспективность дальнейшей борьбы при существующих реалиях.

По нашему убеждению, вполне правомерно будет полагать, что значительная часть повстанческих отрядов прекратила существование без всяких переговоров о сдаче, вследствие стихийного возвращения рядовых участников вооруженного антибольшевистского движения к мирной жизни. В особенности это касалось крестьянства, и уже в августе 1921 года оставались лишь незначительные группки, деятельность которых приобрела ярко выраженный уголовный характер [5, стлб. 70]. Ситуацию ярко характеризует оперативно-разведывательная сводка КОЧК от 8 августа 1921 года. В ней отмечалось, что «за последнее время на Крымском полуострове бандитизм близится к полнейшей ликвидации... Оставшиеся банды организованности никакой не имеют, активных действий не проявляют, занимаются исключительно мелкими грабежами, нападениями на проезжающие по дорогам подводы с мирными жителями, на стада барашек и т. п. Банды связей никаких не имеют между собой...» [7, л. 100]. Среди серьезных происшествий в августе можно отметить лишь нападение в ночь на 12-е число группы из пяти человек на ехавшего по шоссе Симферополь – Феодосия начальника Крымского уголовного розыска Пешехонцева. В результате перестрелки последний был смертельно ранен [7, л. 101]. Относительное спокойствие дало даже повод руководству Крымской областной чрезвычайной комиссии для излишнего оптимизма. «Функции борьбы с бандитизмом... закончены», – читаем в одном из докладов КОЧК [7, л. 96 об.].

Тем не менее «затишье» продолжалось не более месяца. Согласно оперативной сводке, 1-го сентября группа численностью около 13 человек попыталась захватить Мордвиновский мост (в 4 верстах юго-западнее Бахчисарая) [7, л. 108], а уже 8 сентября 1921 года на заседании Президиума Крымского областного комитета РКП(б) был заслушан доклад председателя Крымской областной чрезвычайной комиссии Ротенберга «об усилении бандитизма, принявшего колоссальные размеры» [40, л. 22 об.].

Характер этого явления по-разному оценивался представителями различных органов революционной власти. Так, члены Полномочной Комиссии по делам Крыма при ВЦИК и СНК указывали, что «усилившийся бандитизм» отличается от старого и носит

уголовный характер [40, л. 40 об.]. С такой оценкой категорически не были согласны члены Президиума Областкома РКП(б): «Считать совершенно необоснованным указание членов Полномочной Комиссии... так как эти указания опровергаются материалами ЧК, по которым руководителями существующих банд являются те же, которые подписывали с Полномочной Комиссией договор» [40, л. 40 об.].

По нашему убеждению, «усилившийся бандитизм» следует рассматривать как новую волну вооруженного антибольшевистского движения в Крыму, в которой тесно переплелись и уголовная, и политическая стороны. Данная точка зрения находит подтверждение в документальных источниках.

Так, 8 сентября 1921 года начальник 9-го района Симферопольской Уездно-городской милиции направил рапорт начальнику Угормилиции со следующей информацией: «Сегодня появился какой-то отряд из 40 человек в деревне Ангара (ныне с. Перевальное в Симферопольском районе. – *А.И.*) и производит ограбление мирного населения... Такой поступок отряда дает повод думать, что это могут быть зеленые...» [17, л. 330]. В суточной сводке Крымской чрезвычайной комиссии от 10 января 1922 года сообщалось следующее: «Отряд генерала Бабочкина перебросился из Тамани на Перевал (очевидно, отряд Бабочкина временно покидал территорию Крыма. – *А.И.*). Им ограблено 97 пудов картофеля, принадлежащего сельскохозяйственному Алуштинскому Товариществу. При ограблении бандиты выдают расписку, сколько и чего ими взято. Налеты на Перевале продолжают...» [24, л. 8].

Наряду с этим имели место нападения зеленых на автомашины советских учреждений, взятие в плен красноармейцев и советских служащих [40, л. 22 об.; 45, л. 19]. Отмечались также случаи нападений повстанцев на воинские подразделения, заставы, зачастую оказывавшиеся удачными для бело-зеленых. Так, 6 октября 1921 года взвод 5-й роты Комполка подвергся нападению вооруженной группы численностью 30 человек под командованием «Сережки» (вероятно, имелся в виду Сергей Захарченко). В результате красноармейцы были обезоружены, а группа «Сережки» скрылась [45, л. 15]. 29 ноября 1921 года 3-я рота войск особого назначения подверглась в городе Старый Крым нападению со стороны группы неизвестной численности. Захватив 2 пуле-

мета, 10 пулеметных лент, 4000 патронов, группа скрылась в лес [45, л. 18–18 об.]. Как и ранее, имели место и убийства отдельных представителей властных структур [45, л. 1, 18 об.]. Так, в период с осени 1921-го до весны 1922 года были убиты такие видные деятели, как секретарь Керченского укома РКП(б), делегат XI съезда РКП(б) Нилов [106, с. 98; 15, л. 12], начальник милиции Македон [102, с. 138], заместитель наркома просвещения РСФСР Литкенс [48. – 1925, 7 мая; 48. – 1925, 27 июня], командир отдельного кавалерийского дивизиона Кравченко [7, л. 126] и целый ряд других работников.

В пользу «политической», а именно антибольшевистской составляющей деятельности вооруженных отрядов неоспоримо свидетельствует также их идеологическая работа, зафиксированная оперативными материалами ЧК и ЧОН. Так, например, руководитель одного из активнейших и наиболее опасных для властей отрядов Сергей Захарченко (убит в конце 1921 года) [25, л. 145] именовал себя анархистом и награбленное часто раздавал крестьянам. У части населения пользовался серьезной поддержкой [7, л. 106]. Отряд Захарченко имел даже свое знамя, на котором было написано: «Дорогу детям пролетариата» [105, с. 24; 7, л. 113]. Руководитель другой повстанческой группы – белый офицер Иван Дуб называл себя «страдальцем за истерзанную Русь», вел среди населения политическую агитацию, обещая за поддержку все необходимое [7, л. 115, 118]. Согласно сводке ЧК по Севастопольскому району, около деревни Чергонь действовала вооруженная группа, которую возглавлял «татарский офицер, националист, помещик» [7, л. 118].

Вместе с тем в действиях многих повстанческих отрядов были трудно отделимы «политическая» и собственно уголовная составляющая. Исследователь А.Е.Кучер справедливо отмечает, что «очень часто разницы между кулацкими и уголовными бандами по сути не было... их действия зачастую носили политический характер» [130, с. 334]. Не случайно в одной из оперативных сводок Крымской ЧК отмечается, что «задачи бандитов – обеспечить себя средствами существования и нанести вред каким бы то ни было способом Советской власти» [7, л. 112].

На успешность действий зеленых, несомненно, положительно влияла их высокая мобильность, хорошая техническая оснащен-

ность. На вооружении у повстанцев, как и ранее, находились револьверы, винтовки, пулеметы, ручные бомбы. Некоторые группы использовали также лошадей, верблюдов, тачанки и даже автомобили [7, л. 113, 121-123, 125]. Кроме того, по оперативным данным, командование отрядами бело-зеленых находилось «в руках главарей, хорошо знакомых с местностью и особенностями районов их действий» [7, л. 112].

Говоря о размахе этой новой, второй, волны движения бело-зеленых на полуострове, следует отметить, что, в соответствии с оперативными материалами Крымской чрезвычайной комиссии и частей особого назначения Крыма, к концу 1921 года она захватила практически весь Крымский регион, с наибольшей остротой проявившись в сентябре 1921 года в Бахчисарайском и Ялтинском [7, л. 112], а позднее в Феодосийском округах [45, л. 1-3, 5-6, 8-9, 11-12, 15-20, 26]. Возникает вопрос: в чем причина такого всплеска? На наш взгляд, основным его стимулятором выступил голод, с сентября – октября 1921 года принявший катастрофические размеры [84, с. 334]. Именно голод повлек уже отмечавшееся ранее «враждебное» отношение крестьянства к продналогу и «другим повинностям». Еще 6 сентября 1921 года газета «Красный Крым» отмечала, что «в областной продовольственный комитет за последнее время стали прибывать ходоки от разных деревень и сел Крыма с ходатайствами о снятии или уменьшении продналога» [48. – 1921, 6 сентября]. А уже 18 сентября 1921 года Крымская ЧК рапортовала в Москву ВЧК: «Дабы предупредить развитие бандитизма на почве сбора продналога в районы отправлены летотряды (летучие отряды. – *А.И.*), даны соответствующие распоряжения» [7, л. 111].

По нашему убеждению, именно широкое участие крестьянства придало новой волне вооруженной контрреволюции в Крыму угрожающий для советской власти размах и силу. Мы имеем даже примеры крестьянских восстаний, которые, тем не менее, носили локальный характер и вспыхивали по преимуществу стихийно. Так, 8 ноября 1921 года восстали крестьяне поселка Симеиз, расположенного на Южном берегу Крыма, в 20 км от Ялты (прежнее название сохранилось и ныне). Вступив в вооруженное столкновение с отрядами ЧОН и Крымчека, они вынуждены были отступить в горы [45, л. 17 об.].

Осенний всплеск вооруженного антибольшевистского движения побудил революционные власти полуострова пойти на прямое нарушение соглашений, подписанных в июле 1921 года с руководителями формирований бело-зеленых. На заседании Президиума Областкама 8 сентября 1921 года председатель КОЧК Ротенберг попросил санкции Областного комитета РКП(б) «о немедленном изъятии *всех* (выделено нами. – А.И.) находящихся на свободе бандитов». Президиум Областкама постановил: «Признать необходимым изъять всех находящихся на свободе бандитов и отправить главарей на север» [40, л. 22 об.]. 7 октября 1921 года Президиум Областного комитета РКП(б) дополнил указанное постановление: «Предложить КОЧК всех бандитов, ранее сдавшихся и подписавших договор, впредь за участие в бандитизме на общих основаниях арестовывать и предавать суду ЧК согласно приказов. Всех остальных из бывших зеленых, ныне не замеченных в соучастии в бандитизме, отправить за пределы Крыма» [40, л. 39 об.]. К 7 октября 1921 года ЧК было «изъято», согласно отчету Ротенберга, «12 главарей, в том числе Мамуладзе, Спаи, Глезер, Орлик и др.», а всего 81 человек [40, л. 40 об.]. Были ли эти люди отправлены «за пределы Крыма»? По нашему мнению, на этот вопрос нельзя ответить однозначно. Имеются основания полагать, что они были попросту уничтожены. Так, И.С.Шмелев пишет: «Многие уже “высланы на север... в Харьков” – на том свете» [62, с. 40]. Т. е. «высылка на север» могла означать физическое устранение «неудобных» для властей людей.

На наш взгляд, нарушение июльских договоренностей не принесло руководителям полуострова желаемых результатов. Вооруженное антибольшевистское движение продолжало активно развиваться и осенью, и зимой 1921–1922 годов. Как и ранее, численность отрядов зеленых колебалась в среднем от 20 до 70 человек в каждом [45, л. 18, 20, 26]. Отмечались попытки установления ими связей с внекрымскими формированиями [40, л. 39 об.]. В этой связи можно предположить, что упоминавшийся выше рейд группы генерала Бабочкина с Тамани в Крым не был случайностью. В 1922 году на Крымском полуострове действовали также отряды Алешина, Коперницкого, Альберта, Максюты Рамазана, Ивана Дуба, Мамолкина и др. [45, л. 7, 13].

Рассмотрим вопрос о подпольных антибольшевистских организациях, действовавших в Крыму в 1921 – 1922 годах.

В первые дни после установления советской власти в Крыму группа почтовых служащих (членов подпольной организации) проводила саботаж. Ими укрывались телеграфные аппараты, срывалось обслуживание советских учреждений [69, с. 264].

Одной из наиболее показательных являлась организация Лашкова (в прошлом очень состоятельного помещика). В ее задачи входила вербовка бывших офицеров для повстанческих отрядов. Для этой цели в городе Симферополе существовали квартиры, одновременно служившие явками для скрывавшихся в лесах бело-зеленых. Организация имела собственную сеть проводников, которые переправляли завербованных в места дислокации контрреволюционных формирований. Ликвидирована органами ЧК в 1921 году [5, стлб. 81; 69, с. 280].

Функции подпольной организации Перекрестенко, в том же году ликвидированной чекистами, были несколько иными: нарушение правительственной связи (повреждение телефонных и телеграфных проводов), сбор оружия, похищение и изготовление бланков с печатями советских учреждений, похищение секретной переписки, шифров и т. д. [69, с. 280].

7 июля 1921 года газета «Красный Крым» сообщила о раскрытии Евпаторийской ЧК подпольной организации, возглавлявшейся царским генералом Фораоновым. Целью организации была подготовка вооруженного восстания для свержения власти большевиков и затем созыв Учредительного собрания. Эта группа занималась подготовкой нападений на органы милиции и воинские части, расположенные в Евпаторийском уезде. В числе руководителей были арестованы член Второго Донского круга Воцанников, меньшевик Ворюков и эсеры: Каячев, Цветиков, Афанасьев, Петровский, Ильенко, а также ряд других лиц [48. – 1921, 7 июля].

В начале августа 1921 года Крымской областной чрезвычайной комиссией была раскрыта мощная правоэсеровская организация, имевшая связь с известным политическим деятелем эмиграции, организатором целого ряда антибольшевистских выступлений в Советской России Б.В.Савинковым. Эта подпольная группа развернула активную деятельность в Ялте, Керчи и Феодосии. Примечательно, что участники организации были разбиты на «пятерки» и «шестерки», тесно связанные между собой [7, л. 96 об.].

К этому времени органам Крымской областной и Всеукраинской ЧК удалось также ликвидировать мощную и опасную «врангелевскую организацию», действовавшую на побережье Черного и Азовского морей. Особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что ее подпольная сеть охватила не только Крымский полуостров (Симферополь, Севастополь), но и Бердянск, Геничesk, Мелитополь. Организация контролировала боевые «вольные отряды». Ею была установлена связь с заграничным штабом – барона Врангеля [9, л. 12–13]. По данным Мелитопольской уездной чрезвычайной комиссии, организация готовила восстание с целью захватить Мелитополь (в момент отсутствия там военного гарнизона) и Бердянск, изолировать Крым, а затем и его взять под свой контроль [18, л. 4].

Чрезвычайно важное место в истории антибольшевистского подполья в Крыму занимает подпольная организация Михаила Дионисьева (он же белогвардейский полковник Боженко), установленная органами ЧК в 1921 году в Симферополе и Биюк-Онларском районе (ныне пос. Октябрьское Красногвардейского района) [48. – 1927, 18 декабря]. Организацию удалось ликвидировать только в 1922 году. Согласно сообщениям газеты «Красный Крым» от 27 июня и от 22 августа 1922 года, было арестовано 83 участника подпольной группы. В их числе оказались зажиточные крестьяне, бывшие врангелевские офицеры и представители духовенства [102, с. 138]. Лидер организации Дионисьев провозгласил себя Временным Правителем России и издал свою программу под названием «Наказ № 1» в форме листовки.

В программе провозглашался тезис о необходимости отмены смертной казни для всех политических противников, кроме Ленина, Троцкого, высокопоставленных «лжесоветских комиссаров», а также лиц, подписывавших смертные приговоры. Рядовых коммунистов, которые по национальности являлись русскими, предполагалось не подвергать ни суду, ни каким-либо иным преследованиям. Коммунистов же еврейской национальности, согласно решению Дионисьева, планировалось судить и высылать за пределы России. В листовке провозглашалась свобода выборов и в будущем – созыв Учредительного собрания. Земельный вопрос должны были рассматривать делегаты от хлебопашцев совместно с Временным Народным Правительством и при обязатель-

ном участия 50 % от крестьян-бедняков. Рабочие промышленных предприятий провозглашались «акционерами труда», имевшими право принимать участие в установлении размера заработной платы, при этом владельцы предприятий (кроме евреев) сохраняли за собой право собственности на них [5, стлб. 35– 40].

Таким образом, в «Наказе» можно найти элементы программ меньшевиков, эсеров, анархистов, кадетов, а также правых дореволюционных партий. По нашему мнению, он представлял определенную опасность для пока еще нестойкой власти большевиков, так как привлекал симпатии самых широких, по-разному настроенных слоев населения. Большого внимания заслуживает то обстоятельство, что Михаил Дионисьев адресует свою программу населению всей Советской России, а не только Крыма. Обращают на себя внимание также антисемитские настроения, свойственные многим крупным подпольным антибольшевистским организациям Крыма.

Особую важность, с нашей точки зрения, имеет в этом «Наказе» двенадцатый пункт, где отрядам бело-зеленых дается указание объединиться под началом некоего П.П.Шишкина, которому предписывается вступить в переговоры с П.Н.Врангелем о переброске войск из-за границы. Во-первых, это дополнительно свидетельствует об отсутствии среди зеленых подлинного единства. Во-вторых, еще раз подтверждает тот факт, что подпольные антибольшевистские организации Крыма были тесно взаимосвязаны с повстанческими отрядами. В этой связи важно заметить, что, согласно источникам, организация Дионисьева вошла в контакт с двумя отрядами бело-зеленых – Алешина и Мамуладзе. При этом решено было организовать единый горный корпус под командованием полковника Мамуладзе [48. – 1927, 18 декабря]. Вероятно, именно он и выступает в «Наказе» под псевдонимом «Шишкин». В-третьих, показательное стремление группы Дионисьева, как и «врангелевской организации на побережье Черного и Азовского морей», заручиться поддержкой белой эмиграции и получить серьезную военную помощь.

Следует заметить, что надежды на поддержку из-за границы имели под собой реальную почву. Военные флотилии недавних союзников по Гражданской войне продолжали господствовать на Черном море. Ими нередко совершались диверсии против торго-

вых судов Советской России. Так, французские миноносцы в январе 1921 года потопили советское судно «Зейнаб». В те же дни другой советский корабль был серьезно поврежден [107, с. 10]. Наряду с этим, важным обстоятельством нужно признать сохранение в течение многих месяцев после эвакуации врангелевской армии как боевой единицы [120, с. 94].

По словам одного из председателей Крымской областной ЧК Ф.Т.Фомина, белая эмиграция «и по численности, и по масштабу своей деятельности... была опасна» [61, с. 123]. Сам генерал Врангель отмечал: «С оставлением Крыма я фактически перестал быть Правителем Юга России... но идея осталась полностью» [120, с. 93]. При этом следует заметить, что армия находилась в условиях, далеких от нормальных, и с первых же дней после прибытия в Турцию начала постепенно распадаться. Известный политический деятель России В.В.Шульгин, также оказавшийся в эмиграции, так описывает состояние Добровольческой армии: «Вот я еду в Галлиполи... Разбитый город... Грязь... Среди грязи толчется и топчется толпа рыжих английских шинелей, от одного вида которых щемит. Это наша армия... Пробиваюсь сквозь нее. Одни бездельничают, другие таскают дрова. Сквозь толпу движется рота сингалезцев (т. е. сенегальских солдат, карауливших лагеря остатков Добровольческой армии. – *А.И.*)... Русская масса смотрит на них без злобы. Раздражение, которое чувствуется, направлено против кого-то другого» [63, с. 798]. Вместе с тем тот же автор заметил: «Если Белые еще не победили, их рано или поздно поведут в бой...» [63, с. 808]. Белое командование не оставляло надежды на организацию похода на Советскую Россию. В военных лагерях была введена муштра, проводились штабные игры для офицеров и учения. Рядовые разучивали военные уставы. Время от времени устраивались военные парады, а в феврале 1921 года состоялся смотр войск. К этому времени армия генерала Врангеля включала в себя три корпуса: 1-й армейский, Кубанский и Донской и составляла около 50 тысяч человек [116, с. 13–14]. Как видно из приведенных цифр, командование Доброй армии, так же как и внутрироссийские (в том числе крымские) антибольшевистские организации, не могло не быть заинтересованным в установлении тесных взаимных связей, ведь рассчитывать на успех с таким небольшим количеством бойцов было нереально. Важно отметить,

что, даже несмотря на опустение к лету 1922 года казны врангелевской армии и роспуск в связи с этим армейских гарнизонов, П.Н.Врангель заявил о необходимости сохранения армии под видом общественных объединений и союзов. Офицерские союзы начали создаваться еще с весны 1921 года и объединили около 10 тысяч офицеров, а позднее, 1 сентября 1924 года, в Белграде под руководством Врангеля был создан монархический Российский общевоинский союз (РОВС), под наблюдением которого находились практически все солдаты и казаки, оказавшиеся в эмиграции [116, с. 15, 27–28, 44]. Белоэмигрантские воинские объединения и союзы на длительное время стали фактором, серьезно влиявшим на развитие контрреволюции в Советской России.

По нашему мнению, стремление к установлению тесных контактов с противниками советской власти за рубежом в целях объединения усилий в борьбе с ней является одной из характерных черт контрреволюции в Советской Республике в целом и в Крыму в частности. Так, зимой 1920–1921 годов ряд крымских контрреволюционеров, используя морской путь, передавали за границу ценные для западных разведок сведения, а также получали инструкции, касающиеся дальнейших действий, оружие, боеприпасы. После ликвидации группы врангелевского полковника Нефедкина, скрывавшейся недалеко от Ялты, была обнаружена схема дислокации войск большевиков в Крыму и на Кубани, список ответственных работников и переписка с белогвардейской эмиграцией [108, с. 130–131].

Участие за границы в развитии антибольшевистского подполья в Крыму ярко характеризует деятельность организации Хаджи-Микова, созданной в Константинополе и имеющей «хорошо организованное представительство» в Ялте. Задачей этой организации было «вести ожесточенную пропаганду среди воинских и гражданских частей в России против большевизма... сделать все необходимое, чтобы опрокинуть настоящий режим». Одним из методов достижения целей организации был террор. Возглавлял ее Хаджи-Миков, бывший ранее русским консулом. Центральный штаб организации находился в Бухаресте. Начальниками этого штаба являлись генерал Семенов и капитан корабля Макалинский. Ялтинское представительство организации Микова возглавлялось Стоян-Федоровичем, который ранее был извест-

ным чиновником императорской охраны. Пробыв 3 месяца после эвакуации врангелевской армии в Константинополе, он прибыл в Крым для проведения контрреволюционной деятельности. Представительство имело своих агентов в различных городах Крыма, в частности в Симферополе и Севастополе. Им поддерживалась связь с антибольшевистскими организациями в России и с заграницей. Подпольная группа Хаджи-Микова была раскрыта органами ГПУ в 1922 году [24, л. 65 – 67].

В том же 1922 году в Карасубазарском (ныне Белогорском) районе была сформирована подпольная антибольшевистская организация «Двуглавый Орел». Ее руководящее ядро составили скрывавшиеся белые офицеры, а главным организатором и руководителем был граф Корвин-Весельский. Целью этой подпольной группы была подготовка вооруженного восстания. Организация «Двуглавый Орел» была тесно связана с повстанческими отрядами бело-зеленых, которые возглавлялись поручиком Алешиным (он же Фролов) [7, л. 96 об.] и Островским. Подпольная группа снабжала эти отряды оружием и продовольствием. В начале 1923 года органы ГПУ ликвидировали «Двуглавый Орел», но части руководящего состава организации удалось скрыться [48. – 1925, 24 февраля; 48. – 1927, 18 декабря].

Здесь необходимо отметить, что общая картина подпольной контрреволюции в рассматриваемый в настоящем разделе период была бы неполной, если не упомянуть о многочисленных мелких организациях, выполнявших главным образом функцию баз для повстанческих отрядов бело-зеленых. Напомним краткую выдержку из доклада подотдела по борьбе с бандитизмом КОЧК: «Почти каждая в отдельности банда имела в городах и селах свои подпольные организации, являвшиеся для бандитов главным источником пополнения живой силы, оружия, продовольствия, подачи сведений военного характера» [7, л. 96]. Можно подытожить, что ориентация на развитие и поддержку движения бело-зеленых есть характернейшая черта подпольной крымской контрреволюции в конце 1920-го и в 1922-м году.

Как явствует из отчетного доклада Областкома на VI партконференции, «политический бандитизм» на полуострове в основном был ликвидирован уже весной 1922 года [81, с. 9]. По нашему убеждению, решающую роль в этом сыграли не военные, а поли-

тико-экономические мероприятия властных структур Советской России и Крыма. Так, 12 ноября 1921 года газета «Красный Крым» сообщила: «Учредительный съезд Советов принял решение о прекращении в Крыму сбора хлебного налога... и, кроме того, принять ряд мер государственной помощи крестьянству. В число этих мер входит снабжение семенным материалом земледельческого населения заблаговременно, до весенней кампании, и организация помощи южнобережному крестьянству в форме развития обмена продуктов сельского хозяйства Южного берега на хлеб» [48. – 1921, 12 ноября]. Наряду с этим, Всекрымский учредительный съезд Советов принял Закон о земле, закрепивший для крестьян право землепользования [48. – 1921, 19 ноября]. 16 февраля 1922 года Президиум ВЦИК, наконец, принял давно назревшее постановление: «Отнести всю территорию Крымской ССР в число областей, признанных голодающими, со всеми вытекающими отсюда последствиями» [84, с. 336]. Если ранее из Крыма вывозилось продовольствие (даже в 1922 году Наркомпрод РСФСР установил продналог для автономии в 1,2 млн пудов), то после признания полуострова голодающим районом сюда, напротив, стало поступать продовольствие из центра. Налогами облагались только имущие слои населения.

Важную роль сыграла деятельность созданной еще 1 декабря 1921 года по инициативе Президиума Крым ЦИКа Центральной республиканской комиссии помощи голодающим. Отметим такие ее мероприятия, как организация общественных работ, на которые с февраля 1922-го по май 1923 года было выделено 971 206 пудов хлебопродуктов, развертывание сети столовых – питпунктов, продажа хлеба по низким ценам. В июле 1922 года Центральная комиссия кормила 51 % голодающих [84, с. 335–336, 339–341].

Примечательно, что в это же время, согласно оперативным данным ЧОН, все офицеры повстанческого отряда Алешина, «потеряв надежду на *возможность восстаний* (выделено нами. – *А.И.*), перемены власти, стремятся добыть документы и уйти в подполье или уехать из Крыма» [45, л. 13]. Тогда же наблюдался процесс «рассеивания» ряда других групп [45, л. 13]. Как отмечается в работах ряда исследователей, к 1923 году с «политическим бандитизмом» было покончено полностью [102, с. 138; 81, с. 9; 84, с. 329]. По нашему мнению, правомерно говорить лишь о разгроме ор-

ганизованного движения бело-зеленых, рецидивы которого, как будет показано ниже, проявлялись и позднее. Вместе с прекращением существования многочисленных повстанческих вооруженных отрядов сошли на нет и те антибольшевистские подпольные организации, которые были ориентированы на их укрепление и поддержку.

Общая картина антибольшевистского движения была бы неполной, если бы мы не затронули вопрос о таком явлении, как «контрреволюционная агитация». С нашей точки зрения, основанной на изучении архивных, в первую очередь, оперативных материалов можно выделить несколько направлений такой агитации. По характеру эта агитация могла выражаться в устной и письменной (путем распространения листовок, воззваний и т. п.) формах. По содержанию это могла быть агитация, направленная: 1) на призывы к вооруженному свержению власти большевиков, 2) на срыв каких-либо отдельных мероприятий советской власти (например, подразверстки), 3) на организацию вооруженных групп, 4) на привлечение симпатий к определенным, оппозиционным большевикам политическим силам (так, очень распространена была «эсеровская» агитация [7, л. 104, 107]), 5) на проявление стихийного возмущения по какому-либо отдельному поводу (например, упоминавшиеся выше призывы к разгрому заготовительной конторы с целью «достать хлеба», призывы к забастовкам, которые в ряде случаев достигали успеха [24, л. 8]), 6) «устрашающая» агитация («скоро власть должна перемениться», «скоро с большевиками расправятся» [48. – 1921, 1 декабря]), 7) наконец, просто открытое выражение возмущения действиями властей. Здесь важно отметить, что практически все перечисленные направления, за исключением последних двух, предполагали в той или иной степени организовать агитируемых в определенные, разной степени сплоченности группы (что зачастую удавалось). Следует также подчеркнуть, что нередко в процессе агитации использовалось сразу несколько из вышеобозначенных направлений. Так, например, бывший служащий белой контрразведки Абляз Абдрефи агитировал советских милиционеров организовать под его руководством отряд для борьбы с красными и при этом говорил о скором приходе английских войск [48. – 1925, 4 февраля; 48. – 1925, 5 апреля]. Личностный состав агитаторов также был многообразен. Агитация велась, во-первых,

членами подпольных антибольшевистских организаций, во-вторых, участниками отрядов бело-зеленых и, в-третьих, отдельными, не связанными с подпольем гражданами. По субъектному составу агитируемых можно выделить агитацию, ведущуюся среди мирного населения, среди самих представителей советской власти (к примеру, А.М.Меркулов агитировал милиционеров конного отряда против выступления в горы для борьбы с бело-зелеными [4, л. 9]), а иногда и среди зеленых с целью активизации их деятельности. Так, мусульманский проповедник убедил членов отряда ротмистра Абадзе «объявить “священную войну” большевикам, и для этой цели они хотят... занять какой-нибудь пункт и объявить мобилизацию татар» [7, л. 66].

В целом можно подытожить, что «контрреволюционная агитация» в 1921 – 1922 годах являлась по преимуществу вспомогательным средством, катализирующим вооруженное антибольшевистское движение, являвшееся в тот период основным вектором крымской контрреволюции.

2.2. Формы противодействия партийно-советской системе в Крыму (1923 – 1925 гг.)

Первая половина 1923 года отмечена затишьем в вооруженном противоборстве большевиков и сил контрреволюции. Относительное спокойствие было нарушено лишь в мае 1923 года, когда отчетные материалы ЧОН зафиксировали случаи нападений на батареи, а именно 12 и 13 мая на участке 2-й роты 23-го пограничного батальона в районе Севастополя [10, л. 70–70 об.]. Примечательно, что в это же время, в ночь на 15 мая, по Севастополю были расклеены многочисленные экземпляры воззвания, призывавшего народ на борьбу с новыми властями. Заканчивалось оно следующими словами: «Проснитесь, русские люди. Сбросьте с себя проклятое ярмо» [19, л. 36–37]. Подобные факты вызвали крайнюю обеспокоенность руководства органов «диктатуры пролетариата». Так, начальник Севастопольского окружного отдела КПУ Дагин в секретном письме к руководству военно-революционных структур города, в частности командиру батальона ЧОН, писал: «Контрреволюция, несомненно, имеет в виду использовать момент наших международных трений. Необходимо усилить бдительность Ваших подчиненных, коим следует растолковать значе-

ние настоящего воззвания и принять все зависящие от Вас меры для выявления лиц, имеющих отношение к настоящему воззванию» [19, л. 36].

Дальнейшие события показали, что опасения не были напрасными. В июне 1923 года продолжились нападения на воинские заставы и патрули. Так, 9 июня в Севастопольском районе вблизи деревни Андреевка (ныне пос. Андреевка) тремя неизвестными был ранен пограничник во время патрулирования своего участка [10, л. 98 об.]. 23 июня в районе мыса Айя (расположен в 9 км к юго-востоку от г. Балаклава) неизвестные с криком: «Сдавайся нам!» открыли огонь по патрулю. Позже патруль был обстрелян еще одним неизвестным [10, л. 99]. 31 июня в районе заставы «Отузы» (ныне пос. Щебетовка в Феодосийском районе) группой неизвестной численности и вооружения был обстрелян автомобиль феодосийского окружного военного комиссара [10, л. 111].

В июле на основании данных штаба войск ГПУ Крыма к востоку от Карасубазара (ныне г. Белогорск) появилась вооруженная группа в 5-6 человек верховых, которыми был обстрелян автомобиль в районе Топловского монастыря (ныне это территория с. Учебное в Белогорском районе). В оперативной сводке штаба ЧОН Крыма сообщалось, что в своем составе группа имеет «двух офицеров, имеет связи и получает продукты от местных жителей» [10, л. 111 об. – 112]. В районе Топловского монастыря действовала также группа из 8 – 12 человек, вооруженных винтовками и наганами, совершавшая многочисленные ограбления проезжавших. Примечательно, что один из участников указанной группы, некто Попов, именовал себя «командиром зеленых» [19, л. 52].

Осенью 1923 года в оперативных материалах ЧОН была зафиксирована активная деятельность вооруженных антисоветских групп, подъем «политического бандитизма».

Так, в месячной оперативной сводке третьей отдельной Ялтинской роты ЧОН Крыма за сентябрь отмечены случаи убийств советских работников, порчи государственных сооружений. В этой связи крайне важно добавить, что, согласно тем же данным, из Турции прибывали агенты «белогвардейских врангелевских организаций», занимавшихся антисоветской агитацией, вербовкой населения, формированием повстанческих отрядов [19, л. 69]. 25 сентября в районе деревни Гурзуф (ныне пос. Гур-

зуф, расположен на Южном берегу Крыма в 16 км северо-восточнее г. Ялта) между чоновцами и участниками белогвардейской организации произошел бой, обе стороны понесли потери [19, л. 69].

В сентябре 1923 года похожая ситуация сложилась также в Джанкойском округе. Об этом свидетельствует разведывательная сводка, составленная по совокупным данным ЧОН, ГПУ и РККА. В сводке сообщалось, что «некоторые банды имеют связи с белогвардейскими организациями и под видом уголовщины служат проводником в жизнь контрреволюционных замыслов» [19, л. 71 об.]. Так, в Армянском районе действовала группа под руководством полковника Воина, насчитывавшая 30 штыков, 8 сабель, 2 пулемета. 10 сентября указанной группой был произведен налет на районный центр – Армянский Базар (ныне г. Армянск) [19, л. 71 об.].

В циркулярном письме командующего частями особого назначения Крыма Лимберга командирам подразделений ЧОН Крыма от 24 ноября 1923 года отмечалось, что, «несмотря на энергичную и упорную борьбу органов ГПУ, милиции и РККА с бандитизмом на территории Крыма, последний продолжает выявлять активную деятельность, нося не только уголовный и грабительский, но иногда и политический характер. Такое состояние не только отражается на нормальном ходе внутренней жизни Крыма и создает постоянную напряженность со стороны соворганов и местного населения, но и недопустимо в связи с настоящим политическим моментом, а потому имеющийся до сего времени на территории Крыма... бандитизм должен быть искоренен самыми решительными средствами и в кратчайший срок» [19, л. 76].

Давая общую характеристику деятельности групп бело-зеленых в 1923 году, следует отметить, что по сравнению с 1921 – 1922 годами она носила эпизодический, нерегулярный характер. Не имея опоры на широкие социальные слои, инициаторы создания повстанческих отрядов могли рассчитывать в основном лишь на немногочисленных уцелевших представителей белого офицерства, на незначительную часть крестьянства и уголовников, преимущественно руководившихся целью личной наживы. Применительно к 1923 году мы уже можем говорить не о сколько-нибудь широком антибольшевистском движении (что имело место в 1921 – 1922 годах), а лишь об отдельных случаях воору-

женной борьбы. Примечательно, что при этом в оперативных материалах ЧОН фиксируется высокая мобильность групп зеленых, стремление ряда «бандитов» покинуть пределы Крыма [19, л. 71 об.].

Примечательно также, что в следующем 1924 году в материалах ЧОН уже не фиксируются случаи проявления активности бело-зеленых [3; 8].

Рассматриваемый период характеризуется не только упадком деятельности вооруженных повстанческих отрядов, которые действовали в горно-лесной части полуострова и ранее представляли главную опасность для власти большевиков в Крыму. В это время здесь при очень активном участии заграницы было создано многочисленное антибольшевистское подполье, о чем свидетельствуют, в частности, впервые вводимые нами в научный оборот обзорные материалы о деятельности крымских органов ГПУ за семь лет, помещенные на страницах юбилейного Приложения к газете «Красный Крым» за 18 декабря 1927 года.

Так, в 1923 году была образована сильная монархическая организация, именовавшаяся «Штабом крестьянских объединений» и возглавлявшаяся болгарским офицером П.И.Доковым (он же П.Х.Кебаджиев). Доков рекомендовал себя как командированного для работы среди болгарского населения Крыма. В результате энергичной работы ему удалось вовлечь в ряды организации целый ряд бывших офицеров, бывших помещиков, представителей сельской интеллигенции и зажиточного крестьянства. Важно отметить, что в подпольную группу Докова (Кебаджиева) вошли и скрывшиеся от органов ГПУ руководители «Двуглавого Орла». «Штаб крестьянских объединений» имел свои отделения во многих районах Крыма. В Старо-Крымском и Феодосийском районах в пользу организации зажиточные крестьяне вносили специальные налоги, предоставляли лошадей. Подготовив значительную материальную базу, эта подпольная группа приступила к налаживанию террористической работы, подготовке «хлебных налетов» [48. – 1925, 24 февраля; 48. – 1925, 14 июня; 48. – 1927, 18 декабря].

Со «Штабом крестьянских объединений» установил тесные контакты бывший начальник белой контрразведки и карательного отряда по борьбе с красно-зелеными полковник Уренюк, выступивший теперь как «атаман Крук». Полковник Уренюк прибыл в

Крым из Румынии осенью 1922 года в качестве начальника разведывательной группы, высадившейся в районе Судака. С ним прибыли бывшие контрразведчики, офицеры Иваницкий, Ярошенко, Сирко, Блажевский, Салощенко, Зеленый, Манько. Уренюк имел инструкции от заграничного монархического центра – создать ядро подпольной антибольшевистской сети монархического толка [48. – 1925, 24 февраля; 48. – 1925, 1 марта; 48. – 1925, 4 июня; 48. – 1927, 18 декабря].

Указанный монархический центр группировался вокруг великого князя Николая Николаевича Романова. Центром в различные страны Европы были направлены специальные уполномоченные – «военные представители». В их задачи входила активизация антисоветской работы, поддержание связей с белой эмиграцией, сосредоточенной во многих государствах. Согласно выработанному в монархическом центре плану, предполагалось в Крыму произвести высадку белого десанта, а Украину и Кубань использовать для дальнейшего развертывания антисоветского фронта. Для содействия десанту в Крыму, на Украине и Кубани предполагалось сформировать «монархические крестьянские объединения», на базе которых создать Повстанческую армию и поднять широкое вооруженное восстание. После свержения советской власти планировалось установить военную диктатуру и созвать Всероссийский Земский Собор, на котором провозгласить Николая Николаевича законным и полновластным монархом восстановленной Российской Империи [48. – 1925, 24 февраля; 48. – 1925, 1 марта].

Примечательно, что полковник Уренюк действовал не только от имени монархического центра, но и как представитель заграничной эмигрантской организации «Всероссийский Крестьянский Союз», которая также стояла на монархических позициях [48. – 1925, 24 февраля; 48. – 1925, 1 марта].

Как справедливо полагает исследователь Г.Ф.Барихновский, интерес белоэмигрантских политиков к крестьянству был отнюдь не случаен. В годы НЭПа в процессе имущественной дифференциации деревни возрастало число зажиточных хозяйств и торговцев. «У них было желание создать независимые от Советской власти крестьянские организации для защиты своих собственных интересов. В 1923–1925 гг. на беспартийных собраниях, в письмах в Наркомзем, в редакции газет выдвигались

требования создания крестьянского союза, созыва всероссийской беспартийной конференции, выпуска беспартийной газеты и т. п. В них отражалось влияние буржуазных настроений в деревне» [65, с. 150]. Примеры попыток организации крестьянских союзов встречаются и в Крыму, о чем свидетельствуют сводки ГПУ Крыма за 1925 год. Так, согласно данным недельной сводки «О состоянии Крыма на 25 июня 1925 года», в деревнях Бютень и Булатчи (Джанкойский район) в марте 1925 года сформировалась группа зажиточных крестьян из немцев-колонистов, организатором которой был житель Симферополя Нефф. «Под его влиянием немцы-кулаки намерены добиваться политических прав, отмены татаризации, льгот по имущественным делам, прекращения выселения, освобождения от влияния коммунистов путем разрешения беспартийных организаций и выдвижения беспартийных на ответственные должности общественных организаций. В данный момент эта тенденция кулаков распространилась на близлежащие немецкие колонии Евпаторийского района» [43, л. 54]. Согласно данным сводки от 13 июля 1925 года в деревне Огуз-Тобе (Феодосийский район), несколько зажиточных крестьян «распространяют среди своего общества слухи о том, что скоро власть должна перемениться и с иронией смотрят на все распоряжения и декреты Соввласти. Имеют связь с некоторыми деревнями и городскими жителями» [43, л. 61]. В деревне Курман-Кемельчи (ныне пгт. Красногвардейское) приезжий немец в группе крестьян вел агитацию: «Всем крестьянам нужно собраться, объединиться в союз и выгнать всех евреев из Крыма» [43, л. 64]. В недельной сводке ГПУ «О состоянии Крыма на 24 августа 1925 года» сообщалось следующее: «По имеющимся сведениям... в с. Емельяновка Феодосийского района недалеко от станции Сейтлер организуется Крестьянский Союз... крестьяне деревни настроены к власти враждебно» [43, л. 73].

Полковнику Уренюку удалось поставить под свой контроль организацию Докова. Именно эта группа легла в основу создаваемого Уренюком «Крымского крестьянского объединения». Была широко развернута вербовка новых членов. В состав «Крестьянского объединения», которое, по словам председателя ГПУ Крыма Торопкина, именовалось еще «Союзом крестьянских и монархических объединений», вошло 400 человек (цифра по тем временам

огромная). Это были представители зажиточной прослойки деревни, интеллигенции, бывших помещиков, уцелевшего белого офицерства и бывших царских чиновников [48. – 1925, 24 февраля; 48. – 1925, 19 декабря; 48. – 1927, 18 декабря].

В Сейтлере (ныне пгт. Нижнегорский) был создан штаб организации, названный «Организационным Руководящим Центром». «Руководящий Центр» имел разветвленную систему должностей, вплоть до начальников связи и информации. Имелась даже своя печать. Ее текст: «Крымский Организационный Штаб Крестьянских Объединений». Внутри – православный крест, зеленая ветка, сноп колосьев, аббревиатура – ВКС (Всероссийский Крестьянский Союз) [48. – 1925, 24 февраля].

Были назначены уполномоченные боевых участков с прикреплением к ним определенных групп членов организации. В функции последних входило создание отрядов, призывы к вооруженному восстанию, уничтожение коммунистов и т. д. Вся эта деятельность находилась под непосредственным руководством «Организационного Руководящего Центра» [48. – 1927, 18 декабря].

Важной чертой работы «Крымского крестьянского объединения» являлась хорошо поставленная агитация посредством подпольной печати (наиболее показательные воззвания, ярко характеризующие программные установки организации, приводятся нами в Приложении А).

Основным программным стержнем «Крымского крестьянского объединения», судя по распространявшимся им листовкам, являлась ориентация на единоличную власть «Хозяина» – монарха, который после успешного государственного переворота должен положить конец классовой ненависти и кровопролитию. Декларировалась необходимость объявления членов Совета Народных Комиссаров «вне закона», а также изгнания из вооруженных сил «всех коммунистов, комсомольцев и безбожников» [48. – 1925, 15 февраля]. Обращает внимание на себя то обстоятельство, что, в отличие от подпольной организации М.Дионисьева и подобных ей групп, манифестировавших синкретические политические программы, вобравшие в себя установки ряда различных партий, «Крымское крестьянское объединение» ориентировалось только на одну программу – монархическую. Это, по нашему мнению, яв-

ляется подтверждением тезиса о сужении социальной базы крымской подпольной контрреволюции, о ее кризисе.

Следует отметить, что «Организационный Руководящий Центр» в своей деятельности руководствовался директивами, поступавшими из-за границы. Примечательно, что руководитель «Крымского крестьянского объединения» полковник Уренюк в 1923 году выезжал за границу для личного доклада «центру» об обстановке в Крыму. Приведем один показательный документ – приказ зарубежного монархического центра, адресованный «Штабу Крыма»:

«Руководящий центр приказал выяснить:

Обстановку событий в России.

Действительно ли начались бунты в Красной армии, и какой они носят характер?

Кто стоит во главе этого?

Правда ли, что началось планомерное наступление дивизиями и группами красных частей на Харьков и Москву?

Имеется ли это движение в Крыму?

Возможно ли войти в связь со старшим комсоставом и начать активную борьбу?

Достаньте секретные приказы об армии Буденного (оперативные, обыкновенные и ГПУ).

Прибыть для доклада и получения средств на дальнейшую работу. Работа руководителей Крыморгцентра оценена нашими верхами.

Атаман Крук» [48.–1925, 1 марта].

Весной 1924 года «Крыморгцентр» получил директиву об организации беспощадного террора с целью дезорганизации тыла в Крыму. Для вооружения боевых групп было приобретено несколько десятков винтовок и револьверов, несколько тысяч патронов. Часть оружия была зарыта на Симферопольском кладбище, часть – хранилась в хуторах. Были собраны сведения о расположении и численности красноармейских частей, пограничных батарей и застав, артиллерийских складов. Белогвардейский десант предполагалось высадить в районе Ускюта (ныне с. Приветное, находится в 50 км от г. Алушты).

«Крымское крестьянское объединение» выделило около двух десятков боевиков в качестве ядра будущей Повстанческой ар-

мии. На правах самостоятельной боевой единицы в этот отряд вошла также группа Орлика и Лохматова.

4 июня 1924 года в двух верстах от Симферополя в деревне Сергеевка состоялось совещание «Штаба Крыма» с представителями боевых групп. Было постановлено: отправить за границу специальную делегацию, развернуть террористическую работу.

Несмотря на неудачную попытку отправить делегацию в заграничный монархический центр, боевые группы перешли к активным действиям.

В Старо-Крымском районе во время перевыборов было организовано нападение на перевыборную комиссию. В результате двух коммунистов убили, восемь человек оказались ранеными, был захвачен материал по перевыборам.

После этого последовало убийство нескольких сотрудников ГПУ, налеты и ограбления, при которых также убивали коммунистов. Примечательно, что налетчики были одеты в красноармейскую форму с целью вызвать негативное отношение местного населения к Красной Армии.

Организацией был разработан план отравления удушливыми газами общегородского партийного собрания в Симферополе, составлен и передан боевому отряду список подлежащих уничтожению ответственных работников [48. – 1925, 24 февраля]. Тем не менее этим планам сбыться было не суждено.

Уже летом 1924 года «Крымское крестьянское объединение» органами ГПУ Крыма было ликвидировано. По словам председателя ГПУ Крыма Торопкина, были расстреляны наиболее активные участники подпольной организации [48.–1925, 15 февраля; 48.– 1925, 19 декабря].

Вместе с тем следует признать, что в середине 1924 года организация была ликвидирована только на 99%. Главный ее руководитель – полковник Уренюк – успел бежать и скрыться в Румынии. В начале 1925 года он снова прибыл для восстановления работ по организации контрреволюционных подпольных групп, но органам ГПУ удалось его задержать. Затем он был судим и расстрелян [48. – 1927, 18 декабря].

В 1925 году активно проявило себя традиционно сильное севастопольское антибольшевистское подполье. Так, группа из бывших белых офицеров вооруженным путем захватила пароход

«Утриш» и увела его на территорию Болгарии, где передала судно сосредоточенному в этой стране белому командованию и властям. После этого другая севастопольская группа попыталась угнать пароход «Игнатий Сергеев», но эта попытка была пресечена ГПУ и подпольная группа ликвидирована [48. – 1927, 18 декабря].

Следует также отметить, что в рассматриваемый период в Крыму действовало также несколько мелких подпольных групп, не оказавших сколь-нибудь заметного воздействия на политическую обстановку. Как явствует из обзора работы крымских органов ГПУ в газете «Красный Крым», «эти группы ликвидировались ко времени их созревания» [48. – 1927, 18 декабря].

Характеризуя социальную базу, на которую могли опираться крымские антибольшевистские организации в рассматриваемый период, заметим, что по сравнению с концом 1920 – 1922 годами она значительно сузилась. Этому, по нашему мнению, способствовало внедрение принципов новой экономической политики и обусловленная этим относительная продовольственно-экономическая стабилизация.

Так, с 1923 года посевная площадь постепенно увеличивалась и в 1925 году образовывала уже 452 349 десятин, что составляло 58,1 % к 1916 году. Это, в свою очередь, обусловило постепенный рост валового сбора зерновых. В 1925 году общий валовой сбор главных зерновых культур на полуострове составил 35 млн. пудов. Крымская деревня вследствие этого получила около 23 млн. пудов товарного хлеба. Крестьянам выдавались ссуды, открывались долгосрочные кредиты, были приняты меры к снабжению их необходимым инвентарем и материалами по борьбе с сельскохозяйственными вредителями. Отмечался определенный прогресс и в животноводстве. Так, с 1923 по 1925 год поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 92 467 голов, коз и овец – на 39 524, лошадей – на 31 801, а свиней – на 20 059 голов. Широкое развитие получила сельскохозяйственная кредитная кооперация, в 1925 году насчитывавшая около 35 000 членов. Всеми видами кооперации в деревне было охвачено тогда свыше 50 % крестьянских хозяйств [107, с. 32 – 34].

Определенные улучшения отмечались также и в промышленности. В 1924/25 году выработка продукции на одного рабочего была доведена до 2320 рублей в довоенных ценах (в 1913 году – 2350

рублей). Тогда же государственная промышленность Крыма впервые дала прибыль 431 000 рублей. Рост производительности труда обуславливал и рост заработной платы. Так, если месячную заработную плату рабочих в 1923/24 году принять за 100, то в 1924/25 году она составляла уже 110,8%, а в 1925/26 году – 121,2%. Значительно улучшил свою работу железнодорожный и автомобильный транспорт. Грузооборот на всех железнодорожных станциях Крыма с 1922/23 по 1924/25 год увеличился более чем в три раза, а перевозки пассажиров – почти в пять раз [107, с. 26 – 28].

Сокращение социальной базы крымской контрреволюции, несомненно, сказалось на значительном уменьшении, по сравнению с предыдущим периодом, собственно вооруженной борьбы. Поэтому в политическом отношении все больший «удельный вес» неизбежно стали приобретать невоенные формы сопротивления тем или иным действиям властей, возникающие зачастую стихийно и не преследующие далеко идущих целей. Как и ранее, имели место забастовки рабочих по причине невыплат заработной платы [27, л. 21]. Среди крестьян получило широкое распространение укрывательство посевов от обложения, принявшее массовый характер. Так, в Кишлавском сельсовете (ныне с. Курское Белогорского района) было обнаружено 300 десятин скрытых посевов, в деревне Каравоз (ныне с. Первомайское Кировского района) – до 390 десятин [43, л. 56, 70]. Широко было также распространено, особенно в зажиточных селениях, саботирование землеустроительных работ, обусловленное тем, что мощные хозяйства могли обрабатывать значительно большую часть земли, чем им полагалось по нарезке. Так, например, в Евпаторийском районе, в деревне Абул, крестьяне заявили землемеру: «Вы можете к нам не приезжать, так как мы Вам не дадим подводу и землю нарезать не будем» [43, л. 60]. Органами ГПУ отмечались также случаи волнений по причине неправильной, с точки зрения крестьян, нарезки. Так, в Ак-Мечетском сельсовете Евпаторийского района крестьяне отказались брать нарезанную землю из-за того, что сочли ее каменистой и для обработки непригодной. Было выдвинуто требование, чтобы им нарезали землю, принадлежащую соседней деревне Токи [43, л. 61]. Волнения вспыхивали и на почве конфликтов между частными и коллективными землепользователями (которых в рассматриваемый нами период было подавляющее

меньшинство). Например, в сводке ГПУ Крыма сообщалось, что 27 мая 1925 года «группой граждан деревни Чолгары (Шунукский сельсовет (ныне пос. Гвардейское. – А.И.) Симферопольского района) в числе до 30 человек, под предводительством селисполнителя и наиболее зажиточных крестьян явочным порядком разделили принадлежавшую коммуне “III Интернационал” землю. На увещания членов коммуны и просьбу подождать приезда представителей власти захватчики не обратили внимания. Члены коммуны осыпались площадной бранью, а один из них получил удар от крестьянина из числа предводителей. Захватчики обвиняли Соввласть в том, что она “настроила всевозможные буржуазные совхозы и коммуны, которым здесь не место”, и в противоположность им выставляли крестьян-одиночек. Эта выходка со стороны крестьян указанной деревни не первая. Несколько ранее они самовольно запахали землю коммуны, не допустив к работе трактора» [43, л. 54].

Со всеми формами сопротивления режиму большевиков тесно было связано такое явление, как «политическая агитация». В 1923 – 1925 годах имели место все те ее виды, которые были свойственны и предыдущему периоду (1921–1922 гг.), однако в связи со значительным сокращением вооруженной борьбы серьезно возросло политическое значение агитации, направленной на невоенные формы сопротивления. Так, например, согласно данным ГПУ, на Севастопольском судоремонтно-строительном заводе «образовалась группа рабочих (численностью около 10 человек), которая ведет антисоветскую агитацию и призывает рабочих к активному требованию своевременной выдачи зарплаты» [43, л. 53]. По тем же данным, в Севастопольском районе «среди безработных имеет место агитация за организованное выступление со своими требованиями по примеру других государств, о которых пишут в газетах. Циркулируют слухи об объявлении в ближайшем будущем войны СССР Англией и Францией» [43, л. 60]. В деревне Ишунь Джанкойского района при постройке школы гражданин Гарбуз говорил крестьянам, что «за это они могут поплатиться головами, так как воспользовались экономией бывшего помещика Сырача, и никто не уверен в том, что он [не] может возвратиться с белыми» [43, л. 64]. В том же районе (Мешеньский сельсовет) бывшая крупная собственница гражданка Дубс

призывала крестьян «не посылать детей в школы, где их учат ненужному... Она проклинает Ленина и весь руководящий орган Соввласти...» [43, л. 73].

Большое воздействие на население (особенно на мусульманское) имела религиозная агитация, носившая нередко политический оттенок. Так, в одной из сводок ГПУ отмечалось, что в деревне Мовлюш (Керченский район) «несколько мулл говорили собравшимся: “Мы видим, что вы веруете в Бога и поэтому с гордостью можем сказать, что ни один из вас не будет коммунистом и комсомольцем, как нет и до сих пор”. (Муллы хорошо развиты и имеют огромное влияние на татарское население)». В той же сводке говорилось, что в ряде населенных пунктов Керченского района «благодаря усиленной подписке на религиозные журналы подписка на местную газету “Красная Керчь”... совершенно прекратилась» [43, л. 56]. В другой сводке не без тревоги сообщалось, что «в Барыньском сельсовете Джанкойского района среди мулл с большим интересом обсуждаются газетные сообщения и предположения о скором падении Соввласти» [43, л. 73]. Мулла деревни Камышлы (Севастопольский район) распространял «слухи о том, что в Константинополе полтора месяца назад был духовный съезд мусульман, где в числе делегатов присутствовал представитель от Крыма... Представитель... будто бы сказал, что Соввласть побуждает насильственным путем крестьян-татар брать землю у помещиков, что запрещено мусульманским законом, и что в связи с этим крестьяне Соввластью крайне недовольны» [43, л. 74]. Согласно данным ГПУ Крыма, «среди русских религиозность сравнительно слабее, но все же наблюдаются местами случаи поддержки крестьянами церковей и духовенства. Например: в деревне Александровка (Шунукский сельсовет (ныне пос. Гвардейское. – А.И.) Симферопольского района) попу удалось добиться того, что крестьяне собрали средства для ремонта церкви... В эту деревню в конце мая (1925 года. – А.И.) приезжал архиерей и в проповеди призывал верующих “не слушать смутьянов-коммунистов, так как за это накажет Бог” и т. п. Проповедь архиерея сыграла довольно большую роль в смысле усиления религиозности граждан деревни» [43, л. 57].

По всем случаям антибольшевистской агитации органами ГПУ Крыма велась «детальная» или «особая разработка».

Подводя итог, подчеркнем, что рассматриваемый период в целом характеризуется завершением вооруженного противоборства в Крыму между антибольшевистскими силами и коммунистическими властными структурами, которое, по сути, было обусловлено динамическими импульсами завершенной несколькими годами ранее широкомасштабной Гражданской войны.

Выводы

Итак, проанализировав материалы, касающиеся развития и характера антибольшевистских выступлений в Крыму, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, с уходом войск Врангеля Гражданская война на Крымском полуострове не завершилась, она приняла лишь более локальный и скрытный характер. Во-вторых, антибольшевистские выступления на территории Крымского полуострова отчетливо подразделяются на два больших этапа: первый – конец 1920 – 1922 годы и второй – 1923 – 1925 годы. На первом этапе антибольшевистские выступления приняли характер широкого повстанческого движения, второй этап в большей степени характеризуется деятельностью опиравшихся на поддержку заграницы подпольных организаций.

В развитии вооруженного антибольшевистского движения, в свою очередь, также можно выделить два временных отрезка. Первый длился приблизительно с начала декабря 1920 года до конца июля 1921 года, т. е. с начала активной деятельности вооруженных групп до подписания рядом их руководителей мирных соглашений с большевиками, после которого наступило временное «затишье». Второй датируется приблизительно концом августа – началом сентября 1921 года и концом 1922 года, т. е. начало его совпадает с новым всплеском движения зеленых, а конец – с разгромом организованного антибольшевистского движения, хотя отдельные немногочисленные разрозненные отряды бело-зеленых проявляли свою активность и в 1923 году. В мае – июне и осенью 1921 года для власти большевиков в Крыму существовала реальная серьезная угроза, и все же, с нашей точки зрения, на втором временном отрезке вооруженное антибольшевистское движение развивалось более стихийно и было менее опасно, чем на первом.

На протяжении рассматриваемого в настоящей монографии периода, наряду с деятельностью повстанческих отрядов и подпольных организаций, имели место стихийные выступления, которые могли носить и вооруженный, и невооруженный характер.

Ликвидация опасности, которую представляли для новых властей антибольшевистские выступления, была достигнута не столько благодаря боевым действиям против их участников, сколько политико-экономическим мероприятиям советской власти. Как справедливо отметил исследователь А.Е.Кучер, «важнейшей предпосылкой ликвидации бандитизма было введение новой экономической политики» [130, с. 356].

Поражение крымской контрреволюции в значительной степени было обусловлено отсутствием у нее единого руководящего центра и связанной с этим разрозненностью действий, отсутствием единой политической программы. Антибольшевистские организации руководствовались в первую очередь принципом неприятия власти РКП(б), своей альтернативы государственности они предложить не смогли.

Глава 3

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАРТИЙНОЙ ДИКТАТУРЫ В КРЫМУ

3.1. Органы ВЧК – ГПУ

Исследователь И.Я.Трифонов в работе «Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа» справедливо отметил, что «среды карательных органов диктатуры пролетариата» наиболее видную роль в борьбе с контрреволюцией сыграли органы ВЧК–ГПУ [119, с. 235].

В своем становлении на территории Крыма органы ЧК прошли длительную и сложную эволюцию. С конца 1920 года функции борьбы с «контрреволюционным подпольем» осуществляли Особые отделы 6-й, 4-й армий, а также Особый отдел Черного и Азовского морей [108, с. 130]. Отметим, что именно особые отделы являлись главными проводниками политики массового террора на полуострове. Их деятельность характеризуется произволом и бесконтрольностью [5, стлб. 2].

Работа особых отделов по уничтожению бывших военнослужащих армии Врангеля направлялась Крымской ударной группой, существование которой замалчивалось в советской историографии. Начальником Крымской ударной группы 21 ноября 1920 года был назначен заместитель начальника Особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов Е.Г.Евдокимов [124, с. 84–85]. Руководитель ГПУ УССР В.Балицкий, оценивая деятельность этой группы, подчеркнул, что «ответственная работа выпала особым отделам во время чистки подполья, особенно в Крыму после ликвидации врангелевского фронта. Раскаленным железом выжжены гнезда контрреволюции, которые оставили белогвардейцы в Крыму» [124, с. 85]. М.В.Фрунзе в резолюции наградного списка Евдокимова указал: «Считаю деятельность тов. Евдокимова заслуживающей поощрения. Ввиду особого характера этой деятельности проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно» [97, с. 62].

Деятельность Крымской ударной группы ярко характеризуется одним из немногочисленных дошедших до наших дней документов – приказом ее уполномоченного Данишевского, из-

данным 30 ноября 1920 года «по городу Керчи и окрестностям»: «В целях учета и регистрации всех лиц, состоявших на службе в белых армиях, приказываю: всем домовым комитетам, а где таковых нет, домохозяевам и квартировладельцам в 48-ми часовой срок представить в особый пункт города Керчи (Строгановская улица, рядом с мужской гимназией) точные и подробные сведения о проживающих в их домах лицах, когда-либо состоящих в одной из белых армий, независимо от занимаемой должности и чина, и до сих пор не зарегистрировавшихся в особых отделах. Уклонившиеся от исполнения настоящего приказа будут рассматриваться как злоумышленники против Рабоче-Крестьянской Республики и будут расстреляны» [33, л. 16]. По существу, приказ этот дает определенное представление о размахе карательных акций Крымской ударной группы – расстреливать могли даже за недонесение о неявившихся на регистрацию военнослужащих Белой армии.

Наряду с особыми отделами в Крыму существовали различные Трансчека, Морчека. Каждое из этих учреждений опиралось на приказы своих центров, что неизбежно приводило к трениям между указанными органами, а обособленность от местной власти влекла крупные «перегибы» в работе. Так, экспедиционный отряд Особого отдела Черного и Азовского морей, начав поход против бело-зеленых, стал терроризировать и мирных жителей, очень широко распространив систему заложничества, вследствие чего многие бежали в горы и примыкали к вооруженным формированиям [5, стлб. 63]. С.П.Мельгунов следующим образом описывает сложившуюся ситуацию: «В довершение целым селам был предложен ультиматум – если не вернете ушедших в горы, то будете спалены (деревни Демерджи (ныне с. Лучистое, находится в 11 км от Алушты. – *А.И.*), Шумы (ныне с. Верхняя Кутузовка Алуштинского района. – *А.И.*), Корбек (ныне с. Изобильное, находится недалеко от Алушты. – *А.И.*), Саблы (ныне с. Партизанское Симферопольского района. – *А.И.*) и др.). Но ультиматум не был приведен в исполнение, так как зеленые в свою очередь заявляли, что в случае исполнения угрозы они вырежут всех коммунистов и их семьи не только в деревнях, но и в таких городах, как Алушта, Симеиз (здесь неточность, Симеиз являлся и является поселком, а не городом. – *А.И.*), Судак» [100, с. 70].

Несомненно, что сложившаяся система разрозненных органов ВЧК в Крыму не могла способствовать успешной борьбе с повстанчеством, уже в конце 1920 года очевидной стала необходимость создания единого руководящего и координирующего учреждения на территории Крыма.

С этой целью 9 декабря 1920 года на полуострове создается региональный орган ВЧК – Крымская чрезвычайная комиссия (Крымчека) [73, с. 6]. Первым председателем был назначен Каминский, направленный в Крым из Москвы. В годовом отчете Крымской чрезвычайной комиссии за 1921 год о его деятельности говорится следующее: «Каминский привез с собой небольшой штат сотрудников и организовал тут нечто, называвшееся Кр.ЧК... В распоряжении этого первого председателя не было политически развитых работников, не было аппарата, который ему предстояло только создавать. И поэтому работу ЧК его периода нечем отметить». 21 декабря 1920 года Областным комитетом РКП(б) была утверждена коллегия Крымчека в следующем составе: председатель – Каминский, заведующий секретно-оперативным отделом – Полканов, секретарь – Протопопов, заведующий административным отделом – Погребной и представитель Ревтрибунала – Курган [39, л. 32].

Так как первая попытка по созданию Крымской ЧК была не вполне удачной, центром был послан новый организатор – полномочный представитель ВЧК на территории Крыма С.Реденс (известен как беспощадный проводник массового террора, возглавлявший до этого Одесскую и Харьковскую губернские ЧК [110, с. 358]), который прибыл на полуостров 19 января 1921 года. Им были образованы в Симферополе, Севастополе и Керчи самостоятельные городские ЧК с правом вынесения смертных приговоров с подчинением непосредственно полномочному представителю ВЧК, а в Феодосийском, Евпаторийском, Ялтинском уездах – политбюро с правами исключительно ведения следствия. В ряд районов были направлены уполномоченные. Несмотря на одинаковое значение городских ЧК, полномочный представитель ВЧК проводил свою работу через аппарат Симферопольской городской ЧК (СГЧК).

18 апреля 1921 года на заседании СГЧК было постановлено ликвидировать в Крыму особые отделы 4-й армии, а также Черного и

Азовского морей и реорганизовать СГЧК в Крымскую областную ЧК (КОЧК) с непосредственным подчинением ВЧК, при ней создать Особый отдел. На местах были образованы с правами самостоятельного вынесения смертных приговоров Севастопольская и Керченская ЧК, а в Евпаторийском, Ялтинском, Феодосийском, Джанкойском уездах – уездные ЧК (УЧК) с уменьшенным штатом сотрудников и правом вынесения приговоров, связанных с лишением свободы на срок до двух лет и смертных приговоров с обязательным утверждением их в КОЧК. В соответствии с секретной «Инструкцией чрезвычайным комиссиям на местах» в обязанности уездных ЧК входило «наблюдение за революционным порядком в своем районе, следить за тем, чтобы не было контрреволюционной погромной агитации, бдительно следить за местной буржуазией, производить дознания, осуществлять надзор за неблагонадежными контрреволюционными элементами, кулаками, спекулянтами и прочими врагами Советской власти, принять меры пресечения и предупреждения против врагов» [51, с. 80–83]. Структура уездных ЧК включала в себя общую часть, куда входила комендатура и административно-хозяйственный персонал и секретно-оперативную часть, в состав которой входила политгруппа, экономическая группа, группа по бандитизму, оперативная группа, агентурная группа, информационная и регистрационно-статистическая группы [1, л. 1–1 об.]. В начале сентября в Симферополе была созвана конференция председателей ЧК и начальников пограничных особых отделов, на которой было постановлено влить последние в местные ЧК на правах отделений секретно-оперативных отделов. Таким образом, в Крыму завершилось становление единой системы органов ЧК. После образования Крымской АССР Крымская областная чрезвычайная комиссия стала именоваться Крымской чрезвычайной комиссией (КЧК) [5, стлб. 2–7].

Для борьбы с вооруженными отрядами бело-зеленых в распоряжении ЧК имелись собственные вооруженные силы. На начальном этапе становления системы органов ЧК на полуострове эти функции выполняли отряды Особого отдела 4-й армии, Особого отдела Черного и Азовского морей, а также экспедиционный отряд Симферопольской городской чрезвычайной комиссии. Наряду с собственно боевыми, «истребительными», функциями эти отряды налаживали разведывательную работу, в целях чего

создавались осведомительные сети [5, стлб. 63]. Примечательно, что наряду с осведомлением в функции внедренных в повстанческие группы секретных сотрудников входила также «усиленная агитация», направленная на разложение отрядов бело-зеленых [7, л. 96]. В материалах ЧК отмечается, что «эта агитация имела колоссальное значение в их разложении» [7, л. 96]. Вместе с тем отмечались случаи убийств зелеными секретных сотрудников [7, л. 112].

Остановимся подробнее на негативных сторонах деятельности экспедиционных отрядов. Как уже отмечалось выше, ими практиковалась система заложничества. В приказе по экспедиционному отряду Особого отдела 4-й армии предписывалось «принять за правило следующее: по окружению села или деревни брать заложников от 5 до 10 человек на время операции» [7, л. 7 об.]. Однако на практике эти нормы были серьезно превышены. Характерны были и другие злоупотребления, крайне негативно отразившиеся на взаимоотношениях с местным населением. В качестве наглядного примера приведем содержание «Акта установления злоупотреблений, нанесенных гражданам села Улу-Узень (ныне с. Генеральское в Алуштинском районе. – А.И.) отрядом Особотдела Черназморей по борьбе с бандитизмом в Крыму». Согласно показаниям секретаря Улу-Узеньского сельского ревкома, «1921 года 3 апреля к нам прибыл отряд Черназморей по борьбе с бандитизмом в Крыму. По приезде в село командир Чернобровый приказал собраться на митинг, и когда жители собрались, он, ругая площадной бранью, приказал стоять собравшимся смирно, митинг был окружен вооруженным отрядом, и было выставлено 2 пулемета, и когда один из граждан заявил, что такое собрание недопустимо по отношению к гражданам, то тов. Чернобровый начал ругать граждан площадной бранью, а также и Магометом, когда же ему были заданы вопросы, он, не желая их выслушивать, продолжал ругаться площадной бранью. Митинг закончился тем, что из среды собравшихся было выделено 40 человек, из которых уведено в качестве заложников 28 человек. У пяти граждан села были произведены обыски... У Биляла забрано все имущество и скот: 2 вола, 3 лошади и две линейки и 25 пудов ячменя и все сено, у [Куртасана] Аджи Мурат забрана половина имущества, у Аджали Мурат забрано $\frac{3}{4}$ имущества. При заборе имущества... списки

имущества составлялись, но копии их не оставлены в сельревкоме. При заборе заложников командир Чернобровый предложил привести ему Безрукого – атамана бело-зеленых Улу-Узенской группы. Жители, собравшись, вышли в лес и поймали 2 бело-зеленых, которых сдали Чернобровому, но заложников не выпустили. Отдельные красноармейцы вели себя очень скверно, самостоятельно врываются в дома, требуя фуража и продовольствия, понося похабными словами граждан, кроме этого для отряда было зарезано по требованию командира 5 овец и [выдано] пудов 10 хлеба, 3 пуда крупы, 20 п. ячменя, около 100 пудов сена и 200 штук яиц, на забранное продовольствие никаких письменных требований не было и расписок не оставлено. За время пребывания в Улу-Узени отряд никаких операций не предпринимал, на 3-й день уехал и увез с собой заложников. В настоящее время 6 заложников возвратилось, а остальные отправлены неизвестно куда» [7, л. 57]. Приведем также выписку из протокола общего собрания политработников политчасти при экспедиционном отряде по борьбе с бандитизмом в Крыму: «По приезде в деревню Демерджи (ныне с. Лучистое возле Алушты. – *А.И.*) отряд Чернозморей хуже бесчинствовал, чем в Улу-Узени. По приезде отряда в деревню был созван митинг, который был окружен пулеметами, и тут же были арестованы 135 человек местных жителей в качестве заложников и были заперты в подвал, где их держали пять суток, по истечении которых [несколько] было освобождено, а остальные, в числе 24-х человек, находятся в подвале и сейчас. В деревне Корбек (ныне с. Изобильное возле Алушты. – *А.И.*) тоже было не лучше: взяты 5 человек заложников, продовольствие и фураж, несмотря на то, что разверстка полностью выполнена, притом брали без разрешения райпродкома, выдавая неофициальные расписки без печатей, на простой бумаге. Еще им был издан приказ, чтобы население шло в горы на облаву, что проводится ими и сейчас» [7, л. 35].

В мае 1921 года для более успешной борьбы с бело-зелеными из армейских частей Крыма были выделены 2 отряда по 200 человек и 14 пулеметов. Эти отряды действовали под руководством Чрезвычайных троек, в состав которых входили представители от КОЧК, от Областного комитета РКП (б) и командования войск Крыма. Их действия также не принесли «особых результатов» [5, стлб. 65–66].

После создания единой крымской системы органов ЧК был образован единый отряд ЧК [40, л. 40; 26, л. 80], затем он был развернут в Крымскую отдельную бригаду ВЧК [24, л. 9].

Особого рассмотрения заслуживает анализ кадрового состава Крымской чрезвычайной комиссии. К концу 1921 года из всего личного состава коммунистов было только 29 %, 1,7 % – сотрудников с высшим образованием и 20 % – со средним. Президиум КЧК дает такую оценку своим работникам: «Они в большинстве своем рабочие и крестьяне, прошедшие огненные трубы гражданской войны и воспитанные... в духе дисциплинарного разрешения всяких вопросов...» [5, стлб. 5].

Коснемся вопроса о методах и стиле работы органов ЧК в Крыму. В первые месяцы после установления советской власти на полуострове (ноябрь 1920 года – март 1921 года) очень активно использовались и даже доминировали такие «методы», как массовое истребление потенциальных «классовых врагов», повальные обыски, аресты, облавы. Тюрьмы наполнялись подозреваемыми.

8 января 1921 года был издан «Приказ ВЧК о карательной политике органов ЧК». В нем, в частности, говорилось: «Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе, беспартийных офицеров или лиц правоэсеровского, махновского или тому подобного толка нужно держать на учете, выяснить, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план, – наполнять же... тюрьмы арестованными по подозрению – нельзя» [54, с. 417–418]. После выхода данного приказа все шире стали применяться такие приемы чекистской работы, как осведомление, взятие на учет и проверка подозрительных лиц. Можно констатировать, что вышеуказанный приказ ВЧК дал определенный толчок к укреплению законности в деятельности ЧК в Крыму. Так, если первоначально судебные функции осуществлялись коллегией (тройкой ЧК) в составе председателя, секретаря и начальника секретно-оперативного отдела, то затем в коллегию вводились представители Обкома РКП(б), Ревкома и юридического отдела исполкома [5, стлб. 75–76]. На основе документальных данных мы можем прийти к заключению, что процесс расширения коллегии ЧК в Крыму за счет представителей военно-революционных властей полуострова шел уже в конце января 1921 года [26, л. 28].

Уже в начале деятельности Крымской ЧК большое внимание уделялось профилактике антибольшевистских выступлений. Так, в приказе по Крымской чрезвычайной комиссии от 14 января 1921 года, подписанном ее председателем Каминским, содержалось обращение к населению: «Все граждане г. Симферополя и его окрестностей, хранившие при себе или на квартире разного рода холодное и огнестрельное оружие, должны в течение 4-х дней со дня объявления настоящего приказа сдать в Крымскую чрезвычайную комиссию. Лица, у коих будет обнаружено без надлежащего разрешения на право хранения оружия от Крымской чрезвычайной комиссии, будут подвергнуты самому суровому наказанию вплоть до расстрела... Все домовые комитеты, заведующие гостиниц, номеров, коменданты зданий, обязаны под личной их ответственностью сообщать ежедневно в Крымчека о лицах, прибывающих на квартиры и комнаты и выбывающих из таковых по форме: имя и фамилия, сколько лет, откуда прибыл, куда выбывает, чем занимается и где, какого учреждения, сословия и какая настоящая профессия... Крымская чрезвычайная комиссия обращается ко всем честным гражданам с призывом исполнить свой гражданский долг и помочь ей в деле очистки Крыма от остатков контрреволюционных банд и отдельных белогвардейцев» [33, л. 153].

Нередки были злоупотребления служебным положением и порой даже откровенная уголовщина. В Керчи, например, избивали арестованных, незаконно приговорили к смертной казни несовершеннолетнего. В Феодосии и районе под видом обысков грабили семьи бывших офицеров, зажиточных крестьян [5, стлб. 92]. Аналогичные действия совершали также сотрудники Бахчисарайского политбюро – производили незаконные и безосновательные обыски, а имущество присваивали. Имели место даже случаи, когда сотрудники ЧК становились активными участниками уголовных банд [48. – 1921, 1 марта; 48. – 1921, 26 октября].

Примечательно, что члены коллегий Керченской, Джанкойской, Севастопольской ЧК были привлечены к уголовной ответственности, некоторые сотрудники Симферопольской, Бахчисарайской, Феодосийской ЧК расстреляны [5, стлб. 8, 92; 48. – 1921, 1 марта; 48. – 1921, 26 октября].

Следует отметить ряд негативных моментов в характере и принципах работы органов ЧК. Так, донос длительное время оставался

достаточным основанием для ареста [13, л. 498]. На протяжении второй половины 1921 года (т. е. уже после образования КОЧК) продолжал сохраняться институт заложничества [31, л. 42; 45, л. 17 об.]. Для судопроизводства было характерно применение классового подхода к обвиняемым, преследование за работу в гражданских и военных ведомствах белых правительств. Имело место наказание даже родственников людей, боровшихся ранее с большевиками. Так, Л.Г.Ларионова коллегия Симферопольской городской чрезвычайной комиссии решила «как политически неблагонадежного и брата контрразведчика заключить в концлагерь на 5 лет» [4, л. 18]. Характеризуя особенности правоприменительной практики органов ЧК, исследователь Л.М.Абраменко отмечает: «У розгляді справ, як правило, не брали участі ні адвокат, ні прокурор, а часто й свідки. Підсудного, якщо можна його так назвати, не вислуховували, його часто навіть не було на засіданні цих “органів”, не кажучи вже про те, що йому не давали можливості сказати щось на свій захист в останньому слові...» [64, с. 7]. В распоряжении исследователей имеются сведения о том, что крымские чекисты использовали амнистии для выманивания и расправы над зелеными. С.П.Мельгунов приводит следующие данные: «В сентябре, поверив “амнистии”, с гор спускаются две партии зеленых во главе с татаринном Маламбутовым... Чекисты, захватив Маламбутова, выпустили за его подписью воззвание к еще оставшимся в горах зеленым, в котором указывают на свое миролюбие... Маламбутова с его товарищами гнусно расстреляли, обвинив в шпионаже» [100, с. 70]. Похожие факты приводятся и И.С.Шмелевым: «Объявили амнистию... в Симферополе расстреляли спустившихся с гор «зеленых» [62, с. 81].

Особый интерес вызывают статистические данные о количестве расстрелянных собственно Крымской ЧК за 1921 год. Согласно им, за этот год был расстрелян 461 человек, из них за контрреволюцию – 128, за принадлежность к антисоветским партиям – 18, за шпионаж – 4, за преступления по должности – 44, за спекуляцию – 2, за бандитизм (как уголовный, так и «политический бандитизм») – 227, за другие уголовные преступления – 18 человек [5]. Можно с определенной долей скепсиса относиться к данным, приводимым Крымской ЧК, но следует признать, что размах ее карательных акций был значительно меньше, чем у неконтролируемых в Крыму особых отделов.

28 декабря 1921 года IX Всероссийский съезд Советов вынес резолюцию о сужении круга деятельности ВЧК. В ней, в частности, отмечалось: «Съезд считает, что ныне укрепление Советской власти вовне и внутри позволяет сузить круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов советских республик на судебные органы» [54, с. 470]. 6 февраля 1922 года появился Декрет ВЦИК «Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, вымок и арестов». Данным декретом предписывалось упразднение ВЧК и ее местных органов, возложение на Народный комиссариат внутренних дел следующих задач: «а) подавление открытых контрреволюционных выступлений, в том числе бандитизма; б) принятие мер охраны и борьбы со шпионажем; в) охрана железнодорожного и водного путей сообщения; г) политическая охрана границ РСФСР; д) борьба с контрабандой и переходом границ республики без соответствующих разрешений; е) выполнение специальных поручений Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета или Совета Народных Комиссаров по охране революционного порядка» [54, с. 411].

Реализация этих задач возлагалась на Государственное политическое управление, которое, согласно вышеуказанному декрету, должно было быть образовано при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР [54, с. 471]. В организации органов ГПУ проявилась общая тенденция к упрочению законности. Все общеуголовные дела должны были передаваться в ревтрибуналы и народные суды по принадлежности. Деятельность ГПУ сосредоточивалась на раскрытии политических и антигосударственных преступлений. Внесудебные репрессии отменялись. Были установлены процессуальные сроки проведения дознания и следствия органами ГПУ, условия проведения арестов и обысков. За ГПУ сохранялось право иметь особые части войск [86, с. 345]. 2 ноября 1923 года Президиум ЦИК СССР образовал при СНК СССР Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). 15 ноября 1923 года ЦИК СССР утвердил Положение об ОГПУ. На его основании ГПУ республик выводились из подчинения республиканских НКВД и переподчинялись непосредственно ОГПУ при СНК СССР. С 1924 года, согласно Конституции СССР, ОГПУ имело статус союзно-республиканского наркомата [110, с. 26].

В начале 1922 года Крымская ЧК была реорганизована в Крымское политическое управление (КПУ) при ЦИК Крымской АССР [5, табл. 7].

В отношении соблюдения законодательства в деятельности КПУ сохранялись те же тенденции, что и в деятельности ЧК, т. е. отдавалось предпочтение директивным предписаниям руководства этих органов, а не законам. Это хорошо видно на примере «дела» С.Н.Булгакова, когда выдающийся русский философ был выслан «без права возвращения» с территории РСФСР «на основании» телеграммы ГПУ без каких-либо законных оснований [121, с. 25]. Вполне закономерным потому представляется нам и то обстоятельство, что, судя по архивным источникам, органы КПУ вновь обрели право во внесудебном порядке выносить смертные приговоры, для чего при ГПУ Крыма была сформирована тройка [43, л. 27]. Рассмотрению во внесудебном порядке подлежали дела о контрреволюционных организациях, о фальшивомонетчиках и сотрудниках ГПУ [23, л. 64, 128]. Как и ранее, органы ЧК, Крымское политическое управление имело специальные места заключения [11, л. 16]. Помимо этого, при ГПУ Крыма действовало Особое совещание по административным высылкам. Его деятельность характеризует «Доклад о деятельности прокуратуры, наблюдающей за органами ГПУ и М/З (местами заключения. – А.И.) за время с 1-го июля по 1-е октября 1924 года». За этот период Особым совещанием были вынесены постановления о высылке в административном порядке 596 человек. Из них в северные губернии на 1 год было сослано 2 человека, на 2 года – 70 человек, на 3 года – 265, и без указания срока – 12 человек. В концлагерь на 1 год было сослано 2 человека, на 2 года – 26 человек, на 3 года – 133, и без указания срока – 33 человека. В Соловки на 3 года отправили 16 человек, за границу бессрочно выслали 19. Высылке «из пределов Крыма, с запрещением проживать в 6 пунктах» подверглись 18 человек. При этом прокуратурой Крыма отмечено, что при высылках наблюдались нарушения Декрета СНК от 17 октября 1921 года «О конфискации и реквизициях» [22, л. 13–13 об.]. В упомянутом докладе отмечалось также «слабое знание уполномоченными ГПУ Уголовно-процессуального кодекса и недостаточная продуманность и внимательность при квалификации преступлений» [22, л. 13]. Подобные факты оправдывались

государственными, классовыми интересами: «Законы, изданные Советской властью... применялись нами в полной зависимости от того, насколько позволяла это обстановка борьбы» [5, стлб. 75].

К серьезным внутриорганизационным недостаткам КПУ следует отнести большое развитие бюрократического подхода к решению стоящих перед организацией задач. Так, в ходе областного совещания коммунистов Госполитуправления Крыма от 20 сентября 1922 года было отмечено, что «бюрократизм, чиновничество развилось до такой степени, что не говорить – нельзя. Бюрократически-начальническое отношение делает из сотрудников рабов, работающих за страх, а не за совесть» [24, л. 53 об.].

Следует отметить, что сложная экономическая ситуация в Крыму тяжелым образом отразилась на положении подавляющего большинства работников КЧК–КПУ. В протоколе заседания Коллегии Красноармейской (Ялтинской) ЧК от 16 июля 1921 года читаем: «Сотрудники обмундированы плохо, многие совершенно босы, не имеют обуви, не имеют белья, так как не получают продуктов и вынуждены обменивать свои вещи на продукты» [44, л. 7]. Из материалов КЧК мы также узнаем, что на почве голода «застрелился сотрудник Евпаторийской ЧК» [24, л. 8 об.]. Протокол Областного совещания коммунистов Госполитуправления Крыма от 20 сентября 1922 года свидетельствует, что «наблюдаются голодные смерти сотрудников и их семейств» [24, л. 52–52 об.]. Вместе с тем имеются примеры, когда сотрудники ЧК даже производили отчисления в помощь голодающим. Так, газета «Красный Крым» сообщала: «Организовалась тройка помощи голодающим при Джанкойской чрезвычайной комиссии. Тройка провела отчисление сотрудниками чрезвычайной комиссии месячного оклада жалованья за август и полумесячного полного хлебного пайка. Поставлены спектакли. Организована районная тройка при Армянском особом пункте (ныне г. Армянск. – А.И.)» [48. – 1921, 26 октября].

В заключение характеристики организационных основ и деятельности органов ЧК–ГПУ в Крыму подчеркнем, что именно на них делалась главная ставка в борьбе с крымской контрреволюцией, они полностью соответствовали определению ЧК Центральным Комитетом РКП(б) как «боевого аппарата борьбы с контрреволюцией на внутреннем фронте» [117, л. 222].

3.2. ЧОН, РККА, милиция, отряды рабочей и сельской самообороны

Наряду с ЧК в борьбе с антибольшевистскими выступлениями на полуострове активно участвовали части особого назначения (ЧОН), органы милиции, отряды Красной Армии, рабочие отряды и отряды сельской самообороны.

Части особого назначения были сформированы в Крыму 17 июня 1921 года [12, л. 2 об]. ЧОН представляли собой военные отряды, создававшиеся партийными органами. Эти отряды использовались для ведения боевых действий против бело-зеленых, для сбора разведывательной информации, охраны важных объектов, городов и сел, а также для содействия продовольственным и иным органам советской власти.

Принципы боевого использования ЧОН состояли в том, что привлекать их к боевым действиям можно было лишь с разрешения соответствующего партийного комитета, обязательным являлось организационное взаимодействие с Красной Армией, ВЧК и милицией, силы частей особого назначения привлекались только для решения наиболее сложных и серьезных задач по защите «революционного порядка» [129, с. 24].

Согласно положению, принятому ЦК РКП(б) в августе 1921 года, в подразделения ЧОН в обязательном порядке зачислялись все коммунисты и комсомольцы, годные к несению военной службы. Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом разрешила включать в ЧОН и заслуживающих доверия беспартийных [119, с. 229]. По состоянию на 1 марта 1924 года среди командного кадрового состава членов РКП(б) было 86 %, среди административно-хозяйственного состава – 60 %, а среди рядовых чоновцев – только 22 % [6, л. 3].

4 августа 1921 года на основе обособленных подразделений ЧОН был сформирован Коммунистический полк особого назначения, который, в свою очередь, 15 августа 1921 года был развернут в 6-ю Крымскую Коммунистическую бригаду особого назначения шестибатальонного состава. Командиром бригады был назначен Фельдман. 5 декабря 1921 года 6-я Крымская Коммунистическая бригада особого назначения была переименована в 4-ю Крымскую Коммунистическую бригаду особого назначения, а 10 апреля 1922 года эта бригада была переформирована в ЧОН Крымской АССР [12, л. 2 об.–3]. В составе ЧОН в этот период

находились пять отдельных батальонов, четыре роты и артиллерийская батарея.

Первый отдельный батальон ЧОН располагался в Симферополе, местом стоянки второго отдельного батальона был Севастополь, третий отдельный батальон дислоцировался в Феодосии, четвертый отдельный батальон – в Ялте, пятый – в Керчи.

Первая отдельная рота ЧОН Крымской АССР дислоцировалась в Евпатории, вторая отдельная рота находилась в Джанкое, третья отдельная рота – в Бахчисарае, четвертая – в Старом Крыму.

Местом стоянки артиллерийской батареи являлся Симферополь [12, л. 4].

В соответствии с приказом командующего ЧОН Крымской АССР от 31 мая 1922 года третий, четвертый и пятый батальоны были переформированы в отдельные роты. В связи с этим отдельные роты ЧОН получили следующую нумерацию: рота, дислоцировавшаяся в Евпатории – первая, в Джанкое – вторая, в Бахчисарае – третья, в Феодосии – четвертая, в Старом Крыму – пятая, в Ялте – шестая, в городе Керчи – седьмая. Первый (Симферопольский) и второй (Севастопольский) отдельные батальоны сохранили прежнюю нумерацию [32, л. 48].

Согласно приказу командующего ЧОН Крымской АССР от 1 июля 1922 года по причине расформирования пятой отдельной роты (Старый Крым) отдельные роты ЧОН Крымской АССР получили новую нумерацию. Евпаторийская отдельная рота сохранила за собой номер первый, Джанкойская – второй, Ялтинской отдельной роте был присвоен номер третий, Феодосийской – четвертый, Керченской – пятый, Бахчисарайской – шестой [32, л. 23].

По приказу командующего ЧОН Крымской АССР от 21 октября 1923 года была расформирована шестая отдельная Бахчисарайская рота ЧОН и вместо нее создается Алуштинская отдельная рота ЧОН [36, л. 155].

В соответствии с приказом командующего ЧОН Крымской АССР от 3 ноября 1923 года была проведена перенумерация подразделений ЧОН. В Симферополе размещался двадцать пятый батальон, в Севастополе – двадцать шестой. В Евпатории дислоцировалась тридцать пятая рота, в Джанкое – тридцать шестая, в Ялте – тридцать седьмая, в Феодосии – тридцать восьмая, в Керчи – тридцать девятая, в Алуште – сороковая [36, л. 170].

Следует отметить, что ввиду сверхкомплекта штатного состава при некоторых основных частях были сформированы также бескадровые части: при Симферопольском батальоне был сформирован двадцать пятый бескадровый батальон, при Севастопольском батальоне – двадцать шестой бескадровый батальон, при тридцать девятой Керченской роте сформирована тридцать девятая бескадровая рота [6, л. 2]. Особенностью бескадровых частей являлось то, что в них не было кадрового состава, а переменный состав (милиционный) считался резервом для основной кадровой ЧОН [129, с. 21].

Каждое подразделение ЧОН имело собственный район действий и пункт сбора. Бойцы должны были проходить общий курс военного обучения и специальную подготовку [108, с. 131].

Возглавлял ЧОН командующий, при нем существовал штаб, в ведении которого находились: боевая, разведывательная и, что весьма примечательно, агентурная работа; организация, формирование и мобилизация ЧОН; боевая подготовка и служба кадров; комплектование и прохождение службы командного и административного состава; снабжение всеми видами довольствия и вопросы образования и хранения мобилизационных запасов имущества [47, л. 65].

14 января 1922 года за подписью секретаря Областкома Израйловича и командира 4-й Крымской бригады особого назначения Лепина вышло циркулярное письмо, адресованное местным органам Областкома РКП (б). В нем отмечалось: «Части особого назначения в Крыму не спаяны, не дисциплинированы, посещение занятий дошло до минимума, кадр ЧОН не обеспечен необходимым – все это отражается на боеспособности». В письме предписывалось «немедленно организовать в местах расположения ЧОН Военные Советы частей особого назначения» и с их помощью «поднять части особого назначения на должную высоту» [30, л. 15]. Во исполнение этих распоряжений на основе секретного Положения «О Советах частей особого назначения», утвержденного ЦК РКП(б) в октябре 1921 года в округах (до октября 1921 года называвшихся уездами), стали создаваться Военные Советы ЧОН. Туда входили: секретарь окружного комитета РКП(б), командующий ЧОН округа, представитель окружного военкомата, представитель ЧК. Главным предназначением Военного Совета ЧОН

в округе было «установление теснейшей связи» ЧОН с окружным комитетом РКП(б) и органами гражданской и военной власти. В обязанности окружного Совета ЧОН входило: содействие командиру ЧОН и его штабу по учету членов РКП(б) и кандидатов РКП(б) и членов РКСМ – Российского Коммунистического союза молодежи (т. е. комсомольцев); наблюдение и выработка мер по обеспечению ЧОН всеми видами снабжения; наблюдение и выработка мер по обеспечению несения регулярной службы в ЧОН и содействие успешному проведению учебных и других сборов; руководство работой партийной и медицинской комиссий «в разбивке по очередям призыва», дача заключения по спорным вопросам и в случае расхождения с комиссиями направление вопроса на окончательное разрешение в вышестоящий Совет ЧОН. Иными словами можно сказать, что Военный Совет ЧОН округа наблюдал за боевой готовностью ЧОН и несением ими службы. Он должен был собираться не менее двух раз в месяц и не вмешиваться в техническую (оперативную) сторону управления ЧОН [30, л. 16 об.].

Наряду с окружными Советами частей особого назначения был создан Военный Совет ЧОН Крыма, располагавший аналогичными полномочиями в масштабах полуострова [30, л. 15–16]. Именной список членов Советов ЧОН Крыма изложен нами в Приложениях Б, В, Г.

Характеризуя личный состав ЧОН Крыма, следует заметить, что он подразделялся на кадровый и переменный (милиционный). Кадровый состав состоял на действительной военной службе, а переменный числился на учете, периодически призывался для учебных сборов и обязан был систематически проходить занятия, не лишаясь своей повседневной службы в учреждениях и предприятиях.

По состоянию на 1 июня 1922 года в частях особого назначения Крыма насчитывалось 1 075 членов РКП(б), 89 кандидатов в члены РКП(б), 185 членов РКСМ, общее число «бойцов, готовых к выступлению», составило 983 человека [42, л. 11–12].

На вооружении находилось 2 429 винтовок и карабинов, 120 револьверов, 311 гранат, 100 ручных бомб, 31 пулемет, 2 легких орудия, 230 шрапнелей, 4 тачанки и т. д. (В этих данных не учтен боевой состав Евпаторийской отдельной роты) [42, л. 12].

Следует отметить, что численный состав ЧОН Крымской АССР существенно возрастал. Так, в марте 1923 года насчитывалось уже 2899 бойцов, а в марте 1924 года – 4030 [6, л. 9].

Начиная с 1924 года, ввиду общей стабилизации оперативной и политической обстановки на полуострове, деятельность штаба ЧОН Крымской АССР и советов ЧОН сводится преимущественно к организации обучения командного состава и бойцов. Это хорошо видно из доклада штабу ЧОН УВО начальника штаба ЧОН Крымской АССР от 4 февраля 1924 года. «Сообщаю, что из всех вопросов, обсуждаемых в заседаниях СОВЧОН, доминирующим вопросом является учебный – подготовка коммунаров, все остальные вопросы тесно связаны с этим основным», – отмечалось в докладе [8, л. 50]. Это было тем более актуально, что, согласно докладу о деятельности ЧОН Крыма (с 1 марта 1923 года по 1 марта 1924 года), кадровый состав ЧОН Крыма не удовлетворял «всем требованиям современного командира» [6, л. 7]. С ноября 1923 года в ЧОН Крыма был введен новый вид обучения – подготовка специалистов. Специальные занятия велись по санитарии, по пулеметному и гранатометному делу, а в двадцать шестом отдельном Севастопольском батальоне еще и по авиации. К марту 1924 года в частях особого назначения Крымской АССР насчитывалось 1400 специалистов [6, л. 9].

Достаточно стабильная политическая обстановка на полуострове обусловила выход приказа командующего ЧОН Крымской АССР от 15 июля 1924 года, в котором содержалось предписание о расформировании частей особого назначения Крыма: «На основании приказа ЧОН УВО от 7 июля 1924 года за № 726/133 вверенные мне части особого назначения Крыма подлежат расформированию с передачей всего личного состава, имущества военведа и учетного материала 3-й Казанской дивизии... Приказываю: управление ЧОН Крыма и отд. ЧОН расформировать. Для ликвидации дел и подготовки к сдаче всего имущества назначаю центральную ликвидационную комиссию... коей немедленно приступить к работе, закончив ликвидацию не позднее 1 августа с. г.» [35, л. 70–70 об.; 34, л. 2–2 об.]. В соответствии с приведенным приказом ЧОН Крымской АССР были расформированы.

На основании имеющихся архивных данных можно прийти к заключению, что ЧОН Крыма сыграли значительную роль в борьбе с антибольшевистскими выступлениями. Бойцы-чоновцы добывали данные о состоянии оперативной обстановки по всему полуострову, отбивали нападения зеленых, совершали рейды с

целью ликвидации их формирований [45, л. 6]. Когда в ночь с 11 на 12 января 1922 года группировкой зеленых был захвачен Бахчисарай, взвод ЧОН под командованием Шамова уже на следующий день выбил их из города [108, с. 131].

В упрочении большевистской модели советской власти в Крыму важную роль сыграли также органы крымской милиции. Крымская рабоче-крестьянская милиция (КРКМ) была организована согласно решению Крымревкома 19 ноября 1920 года [108, с. 130]. В приказе Крымревкома № 69 от 2 декабря 1920 года, который касался задач милиции, отмечалось, что «милиция является вооруженным исполнительным органом центральной и местной власти» и наряду с «всесторонней защитой интересов трудящихся масс, борьбой со всякого рода общественными паразитами, охраной общественного и допускаемого законом частного достоинства, принуждением граждан к выполнению всех декретов и распоряжений власти» в обязанность ей вменялась «беззаветная защита установленного рабочими и крестьянами строя и порядка от покушений кого бы то ни было» [57, с. 34]. На практике это означало вовлечение органов милиции в борьбу с контрреволюцией.

В систему органов милиции входили: городская и уездная милиция, промышленная (фабрично-заводская, лесная и т. п.), железнодорожная, водная, розыскная милиция. Возглавлял систему НКВД РСФСР [86, с. 302]. Исходя из принципа двойного подчинения работу крымской милиции контролировал также Крымревком и его органы. Управления милиции действовали при всех уездных ревкомах. Было создано также Главное управление милиции. По постановлению I Всекрымского съезда Советов 11 ноября 1921 года был образован Народный комиссариат внутренних дел Крымской АССР, принявший в свое ведение Главное управление милиции Крыма [93, с. 176]. После ликвидации НКВД Крымской АССР 11 января 1924 года общее руководство крымской милицией стало осуществлять Центральное административное управление (ЦАУ) Крымской АССР.

С целью успешного преследования вооруженных групп противника при управлениях милиции создавались специальные конно-пулеметные отряды [108, с. 130]. По словам председателя Государственного политического управления Крыма Торопкина, «работа милиции по ликвидации уголовно-политического бан-

дитизма в Крыму доказала достаточную слаженность аппарата милиции» [48. – 1925, 12 ноября]. Определенные результаты в борьбе с контрреволюцией приносили также массовые облавы, обыски, проводимые в неблагополучных в криминальном отношении местах [112, с. 85].

Осенью 1921 года на базе уездных управлений Крымской милиции было образовано семь окружных управлений. В начале января 1922 года начальник Главного управления милиции дал указание всем окружным управлениям КРКМ организовать участки в своих районах. Каждый район делился на четыре участка, во главе каждого из которых стоял старший участковый милиционер [112, с. 84].

В период с момента образования и до конца 1923 года в органах крымской милиции сложилась чрезвычайно сложная ситуация. Как отмечалось в газете «Красный Крым», «материальная необеспеченность состава, отсутствие средств на содержание аппарата, частая смена руководящего и низшего состава, полное отсутствие подготовки и квалификации среди работников – все это затрудняло работу милиции. Среди работников развивались преступления, и авторитет милиции в таких условиях не мог быть высок» [48. – 1925, 12 ноября]. Вследствие последнего обстоятельства в КРКМ была проведена «генеральная чистка», в результате которой кадровый состав значительно обновился.

В отношении личного состава нужно заметить, что его стремились комплектовать за счет коммунистов, демобилизованных красноармейцев, бывших партизан [108, с. 130]. Численность работников крымской милиции 3 сентября 1921 года была утверждена «в количестве 2 138 едоков», причем в приказе отмечалось, что «к числу лиц, состоящих на пайке, т. е. едоков, причислены начальствующие лица, агенты Уголовного розыска, следователи и милиционеры» [17, л. 462]. К ноябрю 1925 года число крымских милиционеров составило уже 505 человек, из которых 200 было «из рабочих», 224 «из крестьян» и 81 «из прочих». 159 милиционеров являлись членами партии большевиков [48. – 1925, 12 ноября].

В фондах Государственного архива Республики Крым нам удалось обнаружить Схему дислокации крымской милиции по состоянию на 1-е января 1924 года (см.: Приложение Д).

Несмотря на завершение фронтовых операций периода Гражданской войны, важное внутривластное значение в Крыму

сохраняли подразделения Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

В апреле 1921 года в Симферополе был создан штаб войск Крымского района, которому подчинялись части РККА, насчитывавшие 41 тысячу человек. В июне 1921 года, в связи с начавшимся сокращением армии, штаб был расформирован, а оборону Крыма стали нести части 3-й Казанской стрелковой дивизии. В 1922 году приказом командующего войсками Украины и Крыма был создан Военный совет – высший орган военной власти на полуострове. Туда входило 7 человек, в числе которых были: командующий войсками Крыма, секретарь Крымского обкома партии, председатель Совнаркома Крымской АССР, начальник Морских сил Черного моря и др. [92, с. 112].

Участие подразделений РККА в борьбе с повстанческими отрядами бело-зеленых осуществлялось в различных формах. Так, из войсковых частей создавались заградительные отряды. В их обязанности входила охрана определенных территорий, на которых могли появиться зеленые [60, с. 89, 96]. Кроме этого, для непосредственной ликвидации вооруженных антибольшевистских групп выделялись специальные «отряды по борьбе с бандитами» [2, л. 10; 45, л. 1], бронев автомобили и даже корабли Черноморского флота [128, с. 33].

О значении участия подразделений РККА в борьбе с повстанцами свидетельствует тот факт, что заместителем председателя Совещания по борьбе с бандитизмом, действовавшего при Крымревкоме, был утвержден командующий войсками Крыма [108, с. 131].

Следует отметить, что части РККА, органы милиции и ЧОН, так же как и ЧК, оказались в Крыму в очень тяжелом экономическом положении. Об этом свидетельствует протокол заседания Военного Совета ЧОН в Алуште от 10 ноября 1921 года. При обсуждении вопроса об обмундировании красноармейских частей, отряда особого назначения и органов милиции было отмечено, что «красноармейцы, милиция и другие части... находятся в самом бедственном положении, так как они раздеты, разуты, не имеют ни белья, ни одежды, ни обуви, даже не имеют постельных принадлежностей» [41, л. 2].

Власти полуострова стремились использовать в борьбе с антибольшевистскими повстанческими отрядами, наряду с вышеуказанными государственными органами, также силы рабочих и сельского местного населения.

Рабочие «летучие отряды» в 1921 году были сформированы в Феодосии, Судаке, Симферополе. Они были направлены для борьбы с бело-зелеными в район Алушты и Ялты [128, с. 33].

При волостных и сельских ревкомах создавались отряды сельской самообороны [108, с. 130]. Так, например, общее собрание жителей села Демерджи (ныне с. Лучистое) Алуштинской волости Красноармейского (т. е. Ялтинского) уезда 11 апреля 1921 года постановило: «Организовать из крестьян села Демерджи отряд в числе 50 человек по борьбе с бандитизмом. Обязать их быть ответственными в случае появления в окрестностях села бандитов. При появлении же таковых немедленно сообщить об этом в местный сельревком для срочного принятия необходимых мер» [57, с. 49–50]. Как явствует из сообщения председателя сельревкома, крестьянами была устроена облава, в результате которой некоторые из «бандитов» были убиты, а пойманные сданы властям [57, с. 49–50].

3.3. Органы юстиции

По словам Председателя Крымского Центрального Исполнительного Комитета В. Ибраимова, «самоотверженность, выдержанность, дисциплинированность, ленинская закалка работников ГПУ и *революционных трибуналов* (выделено нами. – А.И.) сломали упорство врагов, и внутренний порядок и спокойствие были восстановлены» [48. – 1926, 19 декабря]. Тем самым подчеркивалась значимая роль судебных органов.

Согласно «Отчету о деятельности Народного комиссариата юстиции Крымской АССР и подведомственных ему органов за период с ноября 1920 по ноябрь 1925 года», в деятельности крымских судебных органов «восстановительного периода» следует выделять четыре этапа. Первый – «организационный» – длился с ноября 1920-го по ноябрь 1921 года; второй – «период судебного дуализма» – с ноября 1921 года по январь 1923-го; третий – «период осуществления судебной реформы» – продолжался с января 1923-го по февраль 1924 года; четвертый – «период плановой ав-

тономной работы» – охватывал оставшийся временной отрезок рассматриваемого нами периода [20, л. 1].

С момента занятия Крымского полуострова Красной Армией при ее частях начали действовать революционные трибуналы. В соответствии с «Основным положением о революционных трибуналах», они учреждались «в целях объединения деятельности органов по борьбе с преступными деяниями, направленными против рабоче-крестьянской власти и устанавливаемых революцией порядков» [48. – 1921, 25 ноября]. 29 марта 1921 года вышел приказ Крымского революционного комитета об организации Крымского областного революционного трибунала [57, с. 49]. В его состав вошли Порецкий (председатель), Африканец и Бирзгал [48. – 1921, 10 апреля]. 1 августа 1921 года перечисленные ревтрибуналы были заменены Единым революционным трибуналом Крыма (ЕРТК) в составе четырех судебных отделений: военного, основного, налогового и выездного [20, л. 40]. Ведению ЕРТК подлежали дела «о контрреволюционных деяниях, о крупной спекуляции, о крупных должностных преступлениях и взяточничестве, о явном дискредитировании власти советскими работниками, дела о злостных дезертирах и укрывателях дезертиров и др.» [48. – 1921, 25 ноября]. Трибунал был также вправе принимать к своему производству и другие дела, если усмотрит в них признаки опасности для государства или существующих в нем порядков. Кассационной инстанцией для ЕРТК являлся Верховный трибунал РСФСР [48. – 1921, 25 ноября]. 24 февраля 1922 года взамен ЕРТК был образован Верховный трибунал при Крым ЦИКе с кассационными и надзорными функциями и при нем два отделения: в Симферополе и Севастополе. Симферопольскому окружному революционному трибуналу были подведомственны Симферопольский, Феодосийский, Керченский и Джанкойский округа, Севастопольскому ревтрибуналу – Севастопольский, Ялтинский, Евпаторийский и Бахчисарайский округа. Примечательно, что Верховный трибунал при Крым ЦИКе в кассационном порядке отменил 22 приговора, изменил – 19, а в порядке надзора было отменено 11 приговоров, а изменен всего 1 приговор. Эти цифры свидетельствуют о том, что грубых нарушений действовавшего законодательства в работе окружных революционных трибуналов было сравнительно мало [20, л. 40–41 об.]. В отчете Народного ко-

миссариата юстиции Крымской АССР отмечалось, что «условия работы этих трибуналов были весьма плачевны ввиду почти полного отсутствия средств и малой опытности личного состава. Это положение усугублялось голодом и сильно возросшей ввиду этого преступности. Тем не менее работа их протекала весьма интенсивно» [20, л. 40]. При этом нужно добавить, что «вплоть до сентября 1921 года в Крыму не имелось совершенно законодательного материала» [20, л. 1].

Существованию революционных трибуналов в Крыму сопутствовал институт правозаступников – советских служащих, находившихся на государственном снабжении. Коллегия правозаступников была образована на полуострове в начале 1921 года. Она руководствовалась положением о Народном суде 1920 года и постановлениями местной власти (приказ Крымревкома № 350, постановление СНК Крыма от 21 декабря 1921 года, 7 февраля и 6 апреля 1922 года). Эти акты предусматривали бесплатную юридическую помощь для «всех трудящихся» по уголовным делам и «не связанным с имущественным интересом» гражданским делам. «Нетрудовой элемент» мог рассчитывать на юридическую помощь только по гражданским делам, причем с выплатой вознаграждения [20, л. 47 об.–48].

Параллельно с революционными трибуналами в Крыму существовала система общих судов, возглавляемая Советским народным судом (отсюда понятие – «судебный дуализм»). Советский народный суд являлся кассационной инстанцией по гражданским и мелким уголовным делам, разбираемым судами общего назначения. Наряду с этим укажем также на наличие особых дорожно-транспортных трибуналов по борьбе с хищениями грузов, принявшими в начале 1920-х годов массовый характер. Обилие судебных органов влекло недостаточную ясность в разграничении подсудности и компетенции перечисленных структур, а также упоминаемой выше Крымской чрезвычайной комиссии (примечательно при этом, что ее представители входили в состав революционных трибуналов) [20, л. 1, 40–40 об.].

В соответствии с постановлением Президиума Крым ЦИК от 23 января 1923 года был учрежден Всекрымский суд, который 29 августа того же года был переименован в Главный суд Крыма. В его ведение перешли функции, осуществлявшиеся ранее рево-

люционными трибуналами и Советским народным судом. Главсуд являлся судебной инстанцией для уголовных дел, по которым наказание составляло не менее одного года лишения свободы, а по гражданским делам для тех исков, цена которых превышала 1000 рублей. Менее значительные дела рассматривались народными судами, находившимися в подчинении Главсуда. Всекрымсуд – Главсуд был разделен на два отдела – уголовный и гражданский с кассационным и судебным отделениями в каждом из них. В состав Главсуда входил председатель, два заместителя председателя (заведующие уголовным и гражданским отделами), 12 членов – по шесть в каждом отделе (коллегия отдела). Коллегия отдела образовывала по очереди коллегии судебного и кассационного отделения в составе трех человек. Разрешение общих вопросов деятельности как судебной, так и кассационной коллегий происходило на пленуме Главного суда, куда входили председатель, его заместители, все члены коллегий и старший секретарь. Пленум Главного суда издавал разъяснения, обязательные для народных судов, циркуляры и прочие акты, рассматривал протесты прокуратуры и давал по ним свои заключения. При Главном суде Крыма действовала также дисциплинарная коллегия, разбиравшая дела о нарушениях и проступках работников судебных органов [20, л. 40, 42–43].

Серьезным шагом в области судебной реформы в Крыму стало создание коллегии защитников, заменившей коллегиям правозащитников. Защитники определялись как «лица свободной профессии», они не могли одновременно работать в государственных организациях. Начало процессу создания коллегии защитников положило постановление СНК Крыма от 15 апреля 1922 года, согласно которому было образовано бюро коллегии в составе пяти человек, которое приступило к укомплектованию коллегии и разрешению вопросов внутреннего распорядка. Бюро просуществовало до первого Всекрымского съезда защитников (6 апреля 1923 года), избравшего постоянный президиум в количестве 11 человек. Была проведена «чистка и омоложение» состава адвокатуры, негодные властям защитники были «удалены». С изданием положения об адвокатуре от 25 августа 1923 года институт защитников в Крыму окончательно оформился. Органами коллегии защитников являлись: общие собрания (съезды) защитников, избираемый ими президиум коллегии и уполномоченные прези-

диума на местах. В функции президиума входили наблюдение и контроль за деятельностью защитников, наложение на них дисциплинарных взысканий, распоряжение денежными суммами, поступающими в фонд коллегии, назначение бесплатной защиты и защиты по таксе, а также организация консультационных бюро для оказания «бесплатной юридической помощи трудящимся». Содержался президиум на процентные отчисления, вносимые защитниками со своего гонорара. Согласно статистическим данным, личный состав Крымской коллегии защитников в конце 1925 года образовывали 135 беспартийных членов и 69 членов РКП(б). Из среды защитников-партийцев президиум избирал своих уполномоченных по районам и проводил «идейно-политическое руководство» работой коллегии. Важно также отметить, что коллегия защитников находилась под контролем Главного суда Крыма. Все это позволяло государственной машине значительно суживать свободу действий крымских адвокатов [20, л. 47 об.–49 об.].

Характеризуя судебную деятельность Главсуда Крыма, следует отметить, что из всех уголовных преступлений, рассмотренных в судебных заседаниях в 1923 году, контрреволюция занимала 3,5 %, в 1924 году – 6 %, в первой половине 1925 года – 3 %. На себя обращает внимание общая тенденция к смягчению наказаний. Так, в 1923 году расстрел составлял 2 % от общего числа наказаний, в 1924 году – 3 %, в первой половине 1925 года – 1 %. К концу 1925 года фактическое лишение свободы составляло лишь 49 % от общего числа наказаний, вынесенных судебной коллегией Главсуда [20, л. 43 об.–44].

В организации судопроизводства важную роль сыграли органы, в компетенцию которых входило административно-техническое обеспечение крымской юстиции. 27 ноября 1920 года Крымским революционным комитетом был образован юридический отдел. При юридическом отделе существовали следующие подотделы: судебный, юрисконсультский, финансово-хозяйственный, нотариальный, тюремно-карательный [84, с. 324]. Юридический отдел получил также наименование Центрального отдела юстиции [20, л. 1]. Крым был разделен на семь судебных округов, с образованием в каждом из них уездных бюро юстиции, в административном подчинении которых находились: участковые Народные суды, Народные следователи, пункты бесплатной юридической помощи

и места заключения. В ноябре 1921 года, в связи с избранием пришедшему на смену Крымскому революционному комитету Совета Народных Комиссаров Крыма, вместо Центрального отдела юстиции стал функционировать Народный комиссариат юстиции Крыма. Его структура включала в себя семь отделов: организационно-инструкторский; законодательных предположений и кодификации; управления делами; высшего судебного контроля; исправительно-трудовой; прокуратуры; государственный нотариат (последние два отдела были образованы только в конце 1922 года). До этого времени функции прокуратуры – наблюдение за законностью действий судебных и административных органов и опротестование их, а так же пересмотр в порядке надзора судебных приговоров и решений – принадлежали отделу высшего судебного контроля, имевшему право объявлять приговоры и решения народных судов «не имеющими законной силы» [20, л. 2].

В Крыму прокуратура была введена Положением «О прокурорском надзоре» от 25 августа 1922 года [20, л. 21 об.]. В отчете Наркомата юстиции Крымской АССР отмечается, что «институт прокуратуры создал увязку между общей юстицией и юстицией трибунальской» [20, л. 2]. Структура этого института была такова. В Евпаторийском, Керченском, Феодосийском, Джанкойском, Симферопольском, Севастопольском и Ялтинском округах вводились должности окружных прокуроров, при Симферопольском и Севастопольском отделениях Революционного трибунала – должности прокуроров при этих отделениях. Окружные прокуроры и прокуроры революционных трибуналов были подчинены народному комиссару юстиции (он же прокурор Крымской АССР) и его помощникам – старшему, являющемуся также заместителем народного комиссара юстиции, и младшему – прокурору по наблюдению за органами ГПУ и местами заключения. В 1923 году должности прокуроров революционных трибуналов и прокурора Симферопольского округа были упразднены, а вместо них создана должность прокурора Главсуда, являвшегося также младшим помощником прокурора Республики. Здесь следует отметить, что лишь в конце 1923 года удалось заместить должности Керченского и Джанкойского прокуроров, а Ялтинского – в начале 1925 года. До этого «фактически эти округа оставались вне поля зре-

ния прокуратуры, так как отсутствие средств не позволяло соседним прокурорам посещать эти округа чаще одного-двух раз в год» [20, л. 2, 22]. В начале 1925 года произошло реформирование структуры Крымской прокуратуры. Прокуратура Главсуда была упразднена, и вместо нее были созданы должности так называемых камерных прокуроров – при уголовно-судебной и уголовно-кассационной коллегиях Главсуда, при гражданском отделе Главсуда и по общему надзору – за административно-хозяйственной деятельностью государственных и общественных органов. Окружные прокуроры получили наименование районных. Была создана должность районного прокурора Бахчисарайского района, на которую назначался «татарский работник» [20, л. 22]. По мнению Наркомата юстиции, на конец 1925 года «организационную структуру аппарата еще нельзя считать вполне установившейся» [20, л. 21 об.].

К концу 1925 года штат Прокуратуры Крыма состоял из 45 человек, из них 34 человека на местах и 11 – в центральном аппарате. Прокуроров всего было 13, секретарей – 10, следователей по важнейшим делам – 1, технических работников – 21 [20, л. 21 об.].

В функции этой структуры входило осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования постановлений, нарушающих закон; непосредственное наблюдение за деятельностью Государственного политического управления и других следственных органов; поддержание обвинения на суде; наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей [20, л. 21–21 об.].

В число методов надзора за следственными органами входили: личный надзор и наблюдение прокурора за следственной работой; инструктирование по применению законодательства и вопросам текущей практики; организация совещаний работников дознания и следствия, проработка на них ведомственных вопросов и планов работ; контроль над выполнением следственной работы путем просмотра и направления составляемых следователями обвинительных заключений [20, л. 24].

К числу методов судебной работы Прокуратуры относились принесение протестов на решения и приговоры судебных органов; поддержание обвинения в суде лично или через других пред-

ставителей – например, народных следователей; организация и наблюдение за деятельностью общественных обвинителей; наблюдение за своевременным и точным исполнением приговоров и решений судебных органов; контроль за правильностью судебной деятельности путем участия в распорядительных заседаниях суда и просмотра копий приговоров, решений и кассационных определений [20, л. 24 об.].

Общая загруженность органов Прокуратуры Крымской АССР была достаточно велика: в среднем на всю Прокуратуру приходилось в месяц 630 направляемых дел [20, л. 24 об.].

Характеризуя личный состав крымских органов юстиции, следует отметить, что Народный комиссариат юстиции Крымской АССР проводил «неуклонную линию к полнейшей пролетаризации» аппарата, что к концу 1925 года в значительной мере было реализовано. Постоянно повышался процент работников – членов РКП(б) [20, л. 5 об.–6], что полностью подтверждается Сравнительными данными (на 1-е января 1924-го и 1-е января 1925 года) по личному составу центрального аппарата юстиции Крыма, которые нам удалось обнаружить в фондах Государственного архива Республики Крым (см.: Приложение Ж).

Следует отметить серьезные материальные и продовольственные трудности, которые испытывали сотрудники органов юстиции, особенно до 1924 года [20, л. 4 об.–5]. Даже в 1925 году, согласно докладу тогдашнего наркома юстиции Ногаева на Всекрымском совещании работников юстиции 5 мая 1925 года, НКЮ постоянно испытывал недостаток средств [48. – 1925, 7 мая].

3.4. Система руководящих и координирующих учреждений

Для проведения в жизнь указаний ЦК РКП(б) и Совнаркома в Крыму был создан Крымский областной комитет РКП(б). Его состав был утвержден Центральным Комитетом партии большевиков 15 ноября 1920 года [87, с. 37]. Президиум Обкома состоял из пяти членов, работу партийной организации возглавлял секретарь. В Севастополе, Керчи, Симферополе, Ялте, Феодосии, Джанкое, Евпатории были созданы уездные партийные комитеты [69, с. 266]. Партийные комитеты в той или иной степени должны

были направлять деятельность всех органов, утверждавших вооруженным путем «диктатуру пролетариата» на Крымском полуострове. Так, ЧК – главный орган борьбы с контрреволюцией – обязана была держать Областком в курсе своей работы и строго согласовывать всю деятельность с директивными указаниями ЦК РКП(б) [117, с. 222].

При экспедиционных отрядах по борьбе с «политическим бандитизмом» Областным комитетом РКП(б) создавались политгруппы, оказавшие заметное влияние на внутреннюю организованность и дисциплину в этих отрядах, а также на характер их взаимоотношений с местным населением. С целью детального раскрытия роли и функций политгрупп приведем полностью инструкцию Областкома от 17 июня 1921 года.

«1. На политгруппу возлагается обязанность политической работы среди русского и татарского населения: разъяснения ему всех распоряжений, как центральной, так и местной Советской власти, устройства с этой целью собраний, митингов, бесед и контроля над деятельностью сельских ревкомов и должностных лиц.

2. Политгруппа ведет свою работу вполне самостоятельно, не состоя в прямом подчинении комиссару отряда, но согласуя всю свою деятельность с [руководством] отряда для достижения максимального успеха.

3. Особенное внимание политгруппа уделяет работе среди татарского населения, разъясняя ему отношение Советской власти к национальным меньшинствам, популяризируя постановления Крымской област[ной] конференции РКП и тех начал, на которых Крым входит в состав Российской Федерации.

4. Политгруппа имеет в виду, что экспедиционные отряды посылаются для борьбы не с татарским малосознательным населением, а с белогвардейским бандитским офицерством, что всякого рода репрессии в отношении татар, даже при наличии с их стороны злого умысла, должны применяться с сугубой остротностью.

5. Политгруппа подотчетна непосредственно Областному комитету РКП.

6. Руководство политгруппой возлагается на тов... который и отвечает перед ОК за всю работу политгруппы.

7. Тов. ... входит, как представитель ОК, в чрезвычайную тройку по борьбе с бандитизмом при отряде №... как равноправный член ее.

8. Тов. ... вменяется в обязанность помнить, что чрезвычайная тройка, имеющая право вынесения в отношении бандитов высшей меры наказания, на месте пользуется этим правом лишь в исключительных случаях, а именно: вооруженного сопротивления бандита, поимки его с оружием в руках при явных доказательствах, предполагавшегося нападения с его стороны на кого-либо, случаях явного сознательного предательства бандитам партийных, советских работников и красноармейцев. Все остальные случаи бандитизма, как правило, – на месте не рассматриваются, а по снятии предварительных показаний – передаются в Крымскую чрезвычайную комиссию.

ОК подчеркивает еще раз, что если в деле расправы с белогвардейским офицерством применимы самые суровые меры, то в отношении татар суровые репрессии допускаются лишь как исключение. Коллективные репрессии (по отношению к селам, к целым группам) безусловно не допускаются» [7, л. 52].

Как явствует из доклада Крымобласткому начальника политчасти экспедиционных отрядов по борьбе с бандитизмом в Крыму Попандопуло, «политгруппе приходится день и ночь работать одновременно среди населения и внутри отряда. Комсостав штаба смотрит на политгруппу как на шпионов, зорко следящих за их поведением» [7, л. 55].

Партийные организации Крыма в конце 1920-го и на протяжении большей части 1921 года проводили свою политику через систему уездных, волостных, сельских ревкомов, которую возглавлял Крымский революционный комитет. В историографии имеются две различные точки зрения в отношении даты его образования: 1) 14 ноября [71, с. 70], 2) 16 ноября 1920 года [115, с. 132]. Наряду с организацией восстановления экономики основными задачами Крымревкома являлись «установление революционного порядка» и «искоренение очагов контрреволюции» [57, с. 5]. Этот орган состоял из председателя, заместителя председателя и четырех членов. В состав Крымревкома вошли представители Реввоенсовета Южного фронта и члены Областного комитета РКП(б) [115, с. 132]. Приказ № 1 Крымревкома от 16 ноября

1920 года гласил: «Впредь до избрания рабочими и крестьянами Крыма Советов вся власть на территории Крыма принадлежит Крымскому революционному комитету» [57, с. 21]. 27 ноября 1920 года Крымревкомом были образованы следующие отделы: управления, совнархоза, социального обеспечения, здравоохранения, упоминавшийся выше юридический отдел, труда, земельный, народного образования, продовольствия, финансов и Особый отдел Крыма [84, с. 324].

В отношении Особого отдела Крыма следует заметить, что, согласно приказу № 7 Крымревкома от 18 ноября 1920 года, временно все его права и полномочия были предоставлены Особому отделу шестой армии во главе с Быстрых [33, л. 59]. Вскоре, уже в конце 1920 года, полномочия Особого отдела Крыма были переданы Особому отделу четвертой армии во главе с Михельсоном [33, л. 103 об.].

По нашему мнению, несмотря на то обстоятельство, что в деятельности Крымского революционного комитета еще много неясного, уже на основании имеющихся источников можно прийти к заключению, что его роль не была столь всеобъемлющей, как принято было думать до недавнего времени. Так, Крымревком, по существу, не контролировал деятельность особых отделов (как указывалось выше, в конце 1920-го и начале 1921 года они были практически бесконтрольны, а затем вошли в структуру КОЧК), не являлся координирующим центром работы ЧК, равно как и других «вооруженных органов диктатуры пролетариата». «Никакого разграничения их компетенций на деле не существует. Каждый действует по своему усмотрению», – читаем в докладной записке М.Х.Султан-Галиева [60, с. 87].

На наш взгляд, в деле борьбы с оппонентами большевизма в Крыму функции Крымревкома, так же как и Областкома, сводились к идеологическому и общеполитическому руководству.

Важной вехой в государственном строительстве на полуострове явилось создание постоянных органов власти, пришедших на смену системе ревкомов. В июле 1921 года состоялись выборы в городские Советы, а в августе и сентябре – в сельские. В конце октября – начале ноября на уездных съездах Советов были избраны делегаты на первый Всекрымский съезд Советов, который открылся 7 ноября 1921 года [87, с. 38].

Первый Всекрымский Учредительный съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и флотских депутатов длился с 7 по 11 ноября.

10 ноября делегаты съезда единогласно приняли Конституцию Крымской Социалистической Советской Республики [71, с. 23]. В Конституции говорилось, что «КрымССР заявляет о своей твердой решимости остаться одной из составных частей общей федерации великой Российской Республики на началах теснейшего политического и экономического объединения» [71, с. 122].

Съезд завершил свою работу выборами Крымского Центрального Исполнительного Комитета (Крым ЦИК) – высшего законодательного и контролирующего органа власти на полуострове в период между съездами Советов, который пришел на смену Крымревкому [71, с. 24–25].

В ходе первой сессии Крым ЦИКа из 15 человек был создан Совет Народных Комиссаров, который возглавил С.Саид-Галиев. В состав Совнаркома также вошли: заместитель председателя СНК и нарком внутренних дел М.Поляков, нарком финансов Я.Каменский, нарком юстиции М.Порецкий, нарком РКИ Вели Ибраимов, председатель Крымской ЧК А.Ротенберг, нарком здравоохранения Х. Чапчакчи, нарком просвещения К.Хамзин и др. [71, с. 25]

Во главе Крымского Центрального Исполнительного Комитета встал Ю.Гавен.

Важно отметить, что применительно к борьбе с антисоветскими организациями, система постоянных органов государственной власти в Крыму выполняла те же функции, что и ранее система ревкомов, а именно общеполитическое руководство.

Необходимость объединения усилий и координации действий различных органов, ведущих борьбу с антибольшевистскими организациями, привела к тому, что на объединенном заседании Крымревкома, Областка РКП(б) и Реввоенсовета 4-й армии 23 марта 1921 года по предложению М.В.Фрунзе было решено создать при Крымревкоме постоянно действующее Совещание по борьбе с бандитизмом. В его состав вошли представители Крымревкома, Областка РКП(б), ЧК и военного командования. Председателем Совещания был утвержден председатель Крымревкома М.Х.Поляков, а его заместителем – командующий войсками

Крыма И.Э.Якир [108, с. 131]. Совещание осуществило ряд мероприятий, направленных на усиление отрядов ВЧК и гарнизонов в районах активных действий повстанцев, были приняты меры к достижению большей согласованности в работе между различными органами советской власти [108, с. 131]. В то же время следует отметить, что функции Совещания ограничивались лишь общим руководством, а «техническое проведение мероприятий» оставалось главным образом в ведении органов ЧК [40, л. 40 об.].

Деятельность Областного совещания при Крымревкоме контролировалась Постоянным совещанием по борьбе с бандитизмом при СНК УССР [119, с. 224]. Так, командующий войсками Украины М.В.Фрунзе, входивший в его состав, 13 июня 1921 года направил в Крым телеграмму следующего содержания: «Предлагается немедленно принять все необходимые меры и поставить борьбу с бандитизмом на должную высоту, для чего в первую очередь оживить и усилить работу Особого совещания по борьбе с бандитизмом» [57, с. 50]. В свою очередь, Постоянное совещание при СНК УССР было подчинено Центральной междуведомственной комиссии по борьбе с бандитизмом, работавшей под непосредственным руководством ЦК РКП(б), Совнаркома и ВЦИК [119, с. 210, 213].

Начало 1922 года в Крыму отмечено появлением нового органа, координировавшего борьбу с вооруженной контрреволюцией на территории полуострова. 30 января 1922 года Президиум Крымского областного комитета РКП(б) принял постановление о создании Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом: «Кр. ЦИК предложить утвердить... Чрезвычайную тройку в составе: товарищей Вели Ибрагимова, Бузова и одного представителя от ЧК» [40, л. 106 об.]. В начале февраля 1922 года тройка была создана [102, с. 138]. Ее возглавил В.Ибраимов [81, с. 9]. По инициативе Чрезвычайной тройки на местах были созданы «комиссии», которые население именovalo «самосудными комиссиями», так как они зачастую вместо борьбы с бандитизмом расправлялись с голодающей беднотой [102, с. 138].

Приведем несколько архивных документов – свидетельских показаний, данных по делу бывшего председателя комиссии по борьбе с бандитизмом деревни Кучук-Узень (ныне с. Малореченское, находится в 25 км от Алушты) Тахтара Муслимова, ярко характеризующих деятельность «самосудных комиссий». Так, кре-

стьянин названной деревни Музофар Амет показал следующее: «Тахтар Муслюмов... вызвал меня в комиссию и объявил, что я как будто бы украл где-то 20 штук барашков и приказывал мне отдать этих барашков. Я ответил, что... у меня было 20 барашков, и я их имею сейчас. Спустя несколько дней я был в Алуште. З[е]вай Мустафа пришел к чабану... с винтовкой и приказал выделить из стада моих 20 барашков. Чабан отделил и пригнал в деревню Кучук-Узень... Когда они моих барашков забрали, я никому не жаловался и вообще я боялся, так как все равно меня бы убили, потому я язык держал за зубами» [16, л. 22]. Согласно показаниям крестьянки деревни Кучук-Узень Сарбе-Таку Каршут, Тахтар Муслюмов, «имея в руках винтовку, сильным ударом приклада ударил меня по спине, я упала ему под ноги, а он еще ударил меня несколько раз. Потом меня бросили в подвал и держали больше суток. Когда я сидела арестованная в комиссии, они пришли в мой дом и забрали все мои вещи, после меня выпустили. Я пришла домой и на второй день родила мертвого ребенка от побоев Тахтара Муслюмова» [16, л. 23].

Деревня Кучук-Узень была далеко не единственной, где имели место самовольные расправы и даже убийства со стороны «самосудных комиссий» [16, л. 35, 47].

Как отметил в октябре 1925 года прокурор Крыма Р. Ногаев, «каждая деревня начала сама расправляться с пойманными преступниками. Дело дошло до того, что во всех сельсоветах и крупных деревнях организовывались тройки для расправы с преступниками. Тогда мы молча согласились с действиями этих чрезвычайных троек во всех сельсоветах, т. е. первичных ячейках Советской власти на селе. Таким молчаливым соглашением санкционировались действия этих чрезвычайных судов при сельсоветах, или, как тогда они назывались, – «сельских военных трибуналов», – действовавших наподобие нашей Центральной Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом... Если теперь мы захотим подойти к этим явлениям с другой меркой, то найдем многие беззакония со стороны этих троек при сельсоветах, и со стороны Центральной Чрезвычайной тройки, действия которых всеми органами Советской власти тогда поощрялись» [78, с. 327].

При Чрезвычайной тройке по борьбе с бандитизмом действовали специальные вооруженные отряды, которым с февраля

по июнь 1922 года удалось разгромить 14 крупных вооруженных групп и захватить 280 их участников, не считая убитых [102, с. 138]. Для борьбы с «политическим бандитизмом» В. Ибраимов также широко использовал переговорный путь и обещания амнистии, что приносило ощутимые результаты [81, с. 9].

С ликвидацией организованного «политического бандитизма» к концу 1922 года отпала и необходимость в чрезвычайных координирующих органах. Возможности для координации действий обеспечивались Советом Народных Комиссаров Крымской АССР, в состав которого входил председатель ГПУ, нарком юстиции, нарком внутренних дел.

3.5. Характер взаимоотношений между военно-революционными структурами

В особом рассмотрении нуждается вопрос о характере взаимоотношений между партийными, советскими и репрессивными органами. Эти взаимоотношения были отмечены как продуктивным взаимодействием (обмен ценной информацией, совместные боевые действия, коллегиальное разрешение острых проблем), так и борьбой за сферы влияния, за доминантное положение в системе властно-распорядительных структур полуострова.

Стремление к последнему в особенности было характерно для органов ЧК, чему в немалой степени способствовал их исключительный статус своего рода «государства в государстве». Как отмечают исследователи Ю.Шаповал, В.Пристайко и В.Золотарев, «тісний альянс з партійними органами і навіть готовність підняти їх у певних ситуаціях, ореол секретності, створення іміджу органу, що працює винятково у державних інтересах, нарешті реальна можливість використовувати важелі насильства (яке завжди можна було виправдати все тими ж самими “державними інтересами”) підштовхували чекістів до того, щоб відігравати дедалі більшу, помітнішу і впливовішу роль у суспільно-політичному житті, дедалі вагоміше впливати на процес прийняття важливих рішень керівними партійними органами» [124, с. 11].

Подобные претензии на функции партийных органов в Крыму приводили к серьезным трениям между ними и Крымской ЧК, что хорошо видно на примере «отзыва» с занимаемых должностей

председателей Крымской областной чрезвычайной комиссии Вихмана и Смирнова.

Решение об отстранении Вихмана было принято на объединенном заседании Областкома и Крымревкома 25 апреля 1921 года. В вину ему вменялись «аресты ответственных парттоварищей, абсолютное нежелание считаться с партийными и советскими органами, сознательное лганье перед ответственными руководящими учреждениями: Областкомом и Крымревкомом» [38, л. 55]. Стремление Вихмана к политической власти в Крыму особенно ярко характеризует зашифрованная телеграмма, разосланная им по подчиненным учреждениям 20 апреля 1921 года. Приведем ее текст: «Ввиду предстоящих... выборов в Областком, поднятия в престиже органов Чeka и вовлечения широких чекистских слоев в партийную работу предлагаю под ответственностью начальников соответствующих особотделений, завполитбюро, предчека принять самое деятельное активное участие в выборах, как на уездные, так и на областную партконференцию, *принимая все меры к проведению своих делегатов* (выделено нами. – А.И.) на областную конференцию Крымской организации РКП. Немедленно же зарегистрируйте всех своих членов и кандидатов РКП, дабы не один голос не был утерян. Для участия в выборах сотрудники особотделения [,] Чeka [идут] в один список и дружно проводят заранее намеченных своих кандидатов, сговорившись при необходимости с другими ячейками» [25, л. 41].

8 июня 1921 года Президиум Крымского областного комитета РКП(б) постановил отстранить от должности другого председателя КОЧК – Смирнова. Он обвинялся в «неподписании» приказа Особого совещания по борьбе с бандитизмом, а также в изменении без ведома Областкома состава Коллегии КОЧК [38, л. 70]. 11 июня 1921 года Президиум Областкома вынужден был вернуться к вопросу об отстранении Смирнова в связи с тем, что тот отказался сдать дела. Было постановлено: «Предложить крымревкому вызвать т. Смирнова и предложить немедленно сдать дела, при отказе арестовать» [38, л. 74–74 об.]. В конечном итоге Смирнову пришлось оставить пост председателя, и 20 июня 1921 года его место занял начальник Особого отдела КОЧК Фомин [26, л. 158].

Серьезные противоречия существовали также между органами ЧК и Крымским областным революционным трибуналом. В приказе Крымревкома об организации этого трибунала от 29 марта 1921 года говорилось, что наряду с делами о таких преступлениях, как «злостное дезертирство», «явное дискредитирование власти советскими работниками», «крупная спекуляция», «крупные должностные преступления», ведению Крымского областного революционного трибунала должны подлежать дела «о контрреволюционных деяниях» [57, с. 49], а это существенно ограничивало права органов ЧК на применение особых репрессивных мер, с чем они мириться не желали. Так, на заседании Президиума Обкома РКП (б) 8 июня 1921 года отмечалось, что КОЧК «сплошь и рядом разбирает дела, подсудные Ревтрибуналу, не желая передавать их по назначению» [38, л. 72].

Имеются также примеры конфликтов между представителями системы ВЧК и РККА. Так, в телеграмме, адресованной председателю Крымревкома Бела Куну от 14 декабря 1920 года, командующий 138-й бригады Козырь жаловался на действия представителей Особого отдела Черного и Азовского морей. Приведем отрывок из этой телеграммы: «13 декабря около 19 часов, возвращаясь с начснабарм 4 (начальником снабжения 4-й армии. – *А.И.*)... догнали команду, находящуюся при ударной тройке морского Особого отдела. Команда следовала в полном беспорядке. Я приказал как начгар (начальник гарнизона. – *А.И.*) привести команду в порядок и следовать к месту назначения в головном порядке. На мое приказание последовал ответ: “Мы никаких начгарнизонов не признаем”, – и объявили меня арестованным, чему я не подчинился и уехал в штаб... начособотдел (начальник Особого отдела. – *А.И.*) приказывает мне явиться к нему для допроса...» [14, л. 130].

Примечательно, что уже 21 апреля 1921 года на совместном заседании Областного комитета РКП(б) и Крымского революционного комитета был заслушан вопрос о деятельности Чрезвычайной комиссии. Принятое постановление гласило: «Признать положение относительно методов работы Крым ЧК не нормальным. Необходимо принять меры к упорядочению ее, считаясь с условиями момента... Принимая во внимание то громадное политическое значение, которое имеют органы ЧК, считаясь с тем

нежелательным настроением, которое наблюдается среди партийных товарищей по отношению к Крым ЧК, предлагается председателю последней строго следить за соблюдением тех директив в работе ЧК, которые изданы» [25, л. 40].

В телеграмме, адресованной Революционному военному совету Черного и Азовского морей, содержится жалоба уже на действия представителя военной власти. В телеграмме говорится о том, что секретарь Реввоенсовета вместе с шоферами «путем угроз арестом, также другими репрессивными мерами» отобрали в автосекции автомобиль, который мог быть выдан только по наряду. «Зававтосекцией, уступая грубой силе, принужден был выдать автомобиль» [29, л. 267].

На наш взгляд, все эти примеры являются свидетельством того, что борьба с крымской контрреволюцией явилась своеобразным катализатором, усилившим противоречия из-за сфер влияния между различными партийными, советскими и репрессивными органами власти, имевшими непосредственное отношение к установлению военно-революционного режима на полуострове.

Выводы

Итак, в отношении деятельности органов, осуществлявших борьбу с антибольшевистским подпольем и повстанчеством в Крыму, мы можем заключить, что основной силой в этой борьбе были органы ВЧК, юстиции, милиции, ЧОН, отряды РККА. В 1921 году их действия координировались Особым совещанием по борьбе с бандитизмом, в 1922 году – Чрезвычайной тройкой по борьбе с бандитизмом, а позднее – Советом Народных Комиссаров Крымской АССР. Взаимоотношения между военно-революционными структурами были отмечены как продуктивным взаимодействием, так и борьбой за сферы влияния, выразившейся в ряде конфликтов. В деятельности указанных органов процесс укрепления законности шел достаточно медленно, отчего серьезно страдало мирное население.

Вместо послесловия

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКОЙ АССР

Период 1921–1941 годов, справедливо именуемый «предвоенным», является одним из наиболее драматичных и вместе с тем крайне сложных и противоречивых в новейшей истории Крыма.

Вместе с тем, учитывая, что в период Первой мировой войны, Гражданской войны и интервенции на территорию Крымского полуострова последовательно претендовали Турция, Германия, Гетманат П.Скоропадского, а Франция и Англия пытались реализовать здесь собственные политические проекты, образование Крымской Автономной Социалистической Советской Республики в составе Советской России, осуществленное с соблюдением всех необходимых демократических процедур того непростого времени, приобретало не только важнейшее политико-административное, но и международно-правовое значение.

Рассматривая политическую ситуацию в Крыму в данный период, немаловажно учитывать и то обстоятельство, что на полуострове в это время активно работали эмиссары британской и германской разведок, то есть тех сил, которые ранее приложили немалые усилия для свержения монархии и развязывания Гражданской войны на пространстве Российской империи. Не вызывает сомнений, что образование Крымской АССР в составе Советской России в ноябре 1921 года, а также создание нового мощного государства СССР со своим социальным проектом в декабре 1922 года отнюдь не входило в их планы. Поэтому западные оппоненты пытались использовать инерцию Гражданской войны для дестабилизации одного из ключевых регионов РСФСР.

Важно подчеркнуть, что Крымская АССР была образована как территориальная автономная республика в составе РСФСР. Она состояла из семи округов: Симферопольского, Севастопольского, Ялтинского, Феодосийского, Керченского, Джанкойского и Евпаторийского. Округа делились на 20 районов. Состав республики был многонациональным: в 1921 году здесь проживали представители 59 национальностей. 51,5% ее населения составляли русские и украинцы, 25,9% – татары (в статистических документах того

периода не употреблялось слово «крымские»), 6,8% – евреи, 5,9% – немцы, 3,3% – греки, 1,7% – армяне, 1,5% – болгары...

В предвоенный период своеобразным лейтмотивом политики крымских властей стали административно-территориальные преобразования. В ноябре 1923 года произошел отказ от системы деления на округа и принята система районов, число которых к началу Великой Отечественной войны составило уже 26.

Политика «коренизации» Республики дала весьма противоречивые результаты по двум основным причинам. Во-первых, ставка делалась на сугубо административные меры ее осуществления. Во-вторых, в первые годы формирования большевистской диктатуры де-факто была подорвана сама основа жизни национальных общин полуострова, что было обусловлено репрессивным характером социальной политики советской власти. Последнее обстоятельство также отнюдь не способствовало подлинной гармонизации межнациональных отношений. В последующие годы эта политика постепенно стала сворачиваться. Определенную роль здесь сыграли и репрессивные меры в отношении ряда руководителей Крымской АССР. В 1928 году в Крыму состоялся судебный процесс над бывшим Председателем Крым ЦИК В.Ибраимовым и 15 другими подсудимыми, обвиненными, в частности, в «антисоветской контрреволюционной деятельности» и «татарском буржуазном национализме». В.Ибраимов был расстрелян, остальные получили длительные сроки заключения. Подлинные причины этого процесса не до конца исследованы историками, но они знаменовали определенный перелом в политике советской власти, связанный с отказом от НЭПа, корректировкой курса в национальном вопросе, усилением репрессивных начал в преддверии кардинальных реконструкций народнохозяйственного комплекса.

Следующей крупной вехой государственного строительства в Крыму стал IX Чрезвычайный съезд Советов Крымской АССР, который проходил с 1 по 4 июня 1937 года. Съезд принял проект новой Конституции автономии, подготовленный на основе Конституции СССР 1936 года и Конституции РСФСР 1937-го. Глава II «Государственное устройство» утверждала вхождение Крымской АССР в состав РСФСР, с правом осуществления государственной власти на автономных началах, деление региона на 26 районов и

шесть городов особого подчинения: Симферополь, Севастополь, Керчь, Евпатория, Феодосия, Ялта.

Политические преобразования в конечном итоге призваны были создать условия для реализации основных направлений внутренней политики ВКП(б): сплошной коллективизации и индустриализации в максимально сжатые сроки.

Несмотря на сложное материальное положение, усилиями крымчан постепенно восстанавливалось хозяйство полуострова. В Севастополе началось возрождение Черноморского флота. Начал работу Севастопольский морской завод. Летом 1922 года корабли Черноморского флота вышли в первое после Гражданской войны учебное плавание, посетив с дружественным визитом ряд портов Турции. В сентябре-октябре 1923 году отряд кораблей совершил первый послевоенный поход вдоль Крымского и Кавказского побережья. В дальнейшем была осуществлена техническая реконструкция Севморзавода. В 1925 года между Севастополем и Балаклавой была открыта первая в СССР междугородняя трамвайная линия.

Во второй половине 1920-х годов началось восстановление Керченского металлургического завода, стал выпускать продукцию Сакский бромный завод. В Симферополе заработали швейная фабрика и предприятия по производству строительных материалов. В 1928 году на дорогах Южного берега Крыма были проведены первые работы по гудрированию полотна, которые продолжились в последующий период. Успешно развивались на полуострове работавшие на местном сырье пищевая и перерабатывающая промышленность. К концу десятилетия восстановление промышленности в республике было в целом завершено. В ходе его осуществления все больше проявлялся процесс ускоренной национализации предприятий.

11 февраля 1929 года правительством РСФСР было утверждено «Положение о земельной реформе и сплошном обязательном землеустройстве в Крымской АССР». Согласно этому положению в Крыму упразднялись повышенные нормы землевладения, а земельные «излишки» изымались у зажиточных крестьян, теперь именуемых «кулаками», и передавались бедноте и батрачеству. Следующим шагом стало осуществление «сплошной» коллективизации, проводившейся в соответствии с решениями XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.).

Под коллективизацией следует понимать повсеместное образование коллективных хозяйств (колхозов), осуществлявшееся в СССР на рубеже 1920 – 1930-х годов. Она проводилась форсированными темпами с широким применением репрессивных механизмов.

В итоге к концу 1931 года колхозы объединяли уже 85 % крестьянских хозяйств и занимали 94 % площадей зерновых культур, 98 % площадей табака, 95,5 % садов, 98 % огородов и 86 % виноградников.

Вместе с тем к 1 марта 1930 года на полуострове было «раскулачено» 2682 крестьянских хозяйства, что составляло примерно 10 тысяч человек. Большинство из них были высланы на территорию Архангельской области, Урала и Восточной Сибири. Многие спецпереселенцы умирали от голода, холода и болезней, так и не достигнув мест ссылки.

Получение тотального контроля над сельскохозяйственным сектором позволило государству быстрыми темпами осуществить индустриализацию страны, в том числе и в Крыму.

Индустриализация – это процесс создания крупного машинного производства во всех отраслях экономики СССР. Проводилась форсированными темпами в ходе первых пятилеток: 1928 – 1932 годов, 1933 – 1937 годов и 1938 – 1942 годов (последняя пятилетка была прервана началом Великой Отечественной войны). Сопровождалась существенным ограничением уровня жизни большинства населения СССР, прежде всего крестьянства. Привела к ликвидации отставания в промышленном развитии Советского государства от ведущих индустриальных держав мира.

С 1926 по 1933 год бюджет Крымской АССР увеличился на 800 %, при этом 138 млн руб. было направлено на капитальное строительство в промышленности. В соответствии с пятилетним планом развития народного хозяйства, утвержденном в апреле 1929 года на шестом Всекрымском съезде Советов, основной упор делался на развитие предприятий тяжелой промышленности в Керчи и Севастополе. Согласно официальной статистике тех лет, плановые показатели первой пятилетки были выполнены уже в 1933 году. В следующем году Крымская АССР была награждена орденом Ленина.

За годы первых пятилеток в Крыму было построено несколько электростанций, в т.ч. Севастопольская и Керченская. Выработка электроэнергии в 1940 году, по сравнению с 1913 годом, увеличилась в 72 раза, достигнув 309 млн киловатт-часов.

Немаловажно, что к 1930 году на полуострове было покончено с безработицей, а в 1940 году количество рабочих, занятых в крупной промышленности, на транспорте и стройках, достигло 90 тыс. человек. По сравнению с 1913 годом, их число возросло в 5 раз.

Сельское хозяйство, испытывавшее недостаток в квалифицированных кадрах и финансировании, развивалось в целом менее высокими темпами, хотя к 1940 году здесь была восстановлена численность поголовья скота – 244,8 тыс. голов. Для сравнения: в 1916 году в Крыму насчитывалось 204,6 тыс. голов крупного рогатого скота. Аналогичное соотношение имело место и в других областях сельхозпроизводства, кроме коневодства, ситуация в котором откровенно удручала. Так, если в 1916 году в Крыму насчитывалось 192,6 тыс. лошадей, то к 1940 году их поголовье снизилось до 101,2 тыс. Отметим также, что рост численности крупного рогатого скота, а также овец и свиней не сопровождался повышением их продуктивности вследствие низкого уровня кормовой базы и содержания животных в условиях нарождавшегося колхозного строя.

Важной вехой государственного строительства на полуострове стало превращение Крымской АССР во всесоюзную здравницу. 21 декабря 1920 года В.И. Ленин подписал Декрет «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». К 1940 году здесь располагалось 164 санатория и дома отдыха с количеством мест 35,5 тысяч. В период с 1921 по 1940 год в Крыму отдохнуло 3,5 млн человек. С 1925 года стал принимать на отдых детей первый пионерский лагерь «Артек», основанный у подножия горы Аю-Даг. Крым становился базой для отдыха и лечения советских граждан, а курортное хозяйство рассматривалось в качестве одной из важнейших отраслей экономики края.

Получили дальнейшее развитие крымское образование и культура.

Накануне войны в Крымской АССР функционировали 5 высших учебных заведений, 19 научно-исследовательских институтов и их филиалов, 15 научных станций. Кроме того, в Крыму было 1255 школ, 9 рабочих факультетов, 41 техникум. Завершился процесс преодоления неграмотности, что было особенно важным в свете надвигающегося мирового военного конфликта.

К июню 1941 года в крымских селах и городах действовало 22 районных дома культуры, 793 клуба, 452 избы-читальни, 758 мас-

совых библиотек, 637 киноустановок, 8 театров, 25 музеев и картинных галерей. Большой популярностью пользовалась Феодосийская картинная галерея им. И.К.Айвазовского. В Крыму творили выдающиеся литераторы А.М.Горький, В.В.Маяковский, М.А.Волошин, С.Н.Сергеев-Ценский, К.А.Тренев, художник-баталист академик Н.С.Самокиш, заслуженный деятель искусств РСФСР художник К.Ф.Богаевский и многие другие деятели культуры.

По-прежнему на полуострове создавались художественные произведения мирового масштаба. К их числу мы по праву можем отнести монументальную эпопею «Жизнь Климса Самгина» А.М.Горького, подолгу жившего на своей даче Тессели близ Фороса, роман А.С.Грина «Бегущая по волнам», эпопею С.Н.Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», поэтические творения М.А.Волошина, вслед за Гомером воспевавшего крымскую «Киммерию», многофигурные батальные композиции Н.С.Самокиша, возвышенные пейзажи К.Ф.Богаевского...

Особое значение придавалось укреплению государственных морских границ СССР в районе Крымского полуострова, наращиванию мощи Черноморского флота, превращению Крыма в «непотопляемый авианосец СССР», чему в немалой степени способствовал визит главы Советского государства И.В.Сталина в Севастополь в 1929 году. Важный импульс для дальнейшего развития получило военное судостроение и морская авиация, сыгравшая важную роль в период героической обороны Севастополя.

В этой связи глубоко примечательно, что здесь, в 1934 году, на территории Качинской летной школы, легендарный пилот В.П.Чкалов испытывал советские скоростные самолёты, в числе которых был знаменитый И-16 конструкции «короля истребителей» – Н.Н.Поликарпова. Именно И-16 стали основными истребителями советских ВВС в начальный период Великой Отечественной войны, на них наши летчики встретили первые удары воздушных пиратов Геринга.

Отметим также, что выпускниками Качинской летной школы стали 250 Героев Советского Союза, в их числе трижды Герой Советского Союза А.И.Покрышкин, двенадцать дважды Героев – мет-Хан Султан, М.З.Бондаренко, Д.Б.Глинка, А.Т.Карпов, А.И.Колдунов, Г.П.Кравченко, Б.Ф.Сафонов, Я.В.Смушкевич, И.Н.Степаненко, С.П.Супрун, П.А.Таран, В.А.Шаталов.

Вместе с тем необходимо отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода в Крыму утверждался политический режим тоталитарного типа, велась борьба с инакомыслием, религией, в 1930-е годы полуостров охватила новая волна репрессий, именуемая в литературе «большим террором».

Людей арестовывали по обвинениям в «троцкизме», «контрреволюции», «буржуазном национализме», «вредительстве» и т.п. При этом органами НКВД широко практиковались незаконные методы следствия, физическое принуждение к даче признательных показаний. В результате в Крымской АССР полностью изменился персональный состав управленцев высшего звена, репрессиям подвергся партийный, хозяйственный аппарат, военнослужащие, религиозные организации, национальная интеллигенция, пострадало немало рядовых тружеников. Согласно архивным данным, только с января по декабрь 1937 года Тройкой НКВД было осуждено 4000 человек. Многие из них были расстреляны.

В числе жертв «большого террора» – председатель Совета Народных Комиссаров Крымской АССР А.А.Самединов, председатель ЦИК Крымской АССР И.У.Тархан, командующий Черноморским флотом И.К.Кожанов, крымский епископ Порфирий (Гулевич), впоследствии канонизированный Православной Церковью...

Если к началу 1920-х годов в Крыму «сошли с арены» все политические силы, кроме большевистской партии, то к 1939 году были ликвидированы все религиозные общины, закрывались и уничтожались храмы и монастыри, являвшиеся уникальным историко-культурным достоянием...

Важной характеристикой довоенного этапа развития Крымской АССР являются демографические показатели. По данным переписи 1939 года, население полуострова составляло 1 123 806 человек. Из них в городах проживало 585 581 и в сельской местности – 538 225 человек. (Для сравнения: в конце 1921 года в Республике насчитывалось 832 тыс. жителей). В 1940 году в Крыму трудились 278 тысяч рабочих и служащих, 7650 учителей, 4655 фельдшеров и акушеров, 1975 врачей, 4700 инженеров и техников. Но этот мирный созидательный труд был прерван вероломной агрессией со стороны фашистской Германии против нашей страны, едва восставшей из руин Гражданской войны...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ВОЗЗВАНИЙ «КРЫМСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ»

I

«Граждане! Льется рекой братская кровь... Это коммунисты не поделили ленинского наследства и грызутся между собой. Гибнут наши лучшие силы, гибнет надежда будущей России, увеличивая собой число обреченных в жертву красному Ваалу – Интернационалу.

И в это время вы безучастны. Страх перед системой ГПУ сковал вас.

Встряхнитесь же! Настал момент, везде восстания.

Объединяйтесь и помогайте нам.

Вперед же за правду, право и поруганную страдалицу-мать» (Очевидно, что данное воззвание в известной мере было рассчитано на несведущих в политическом отношении людей, так как повсеместных восстаний в 1923 – 1924 годы уже не было. – *А.И.*).

II

«Мы должны:

Объявить комиссарскую власть низложенной, а членов Совнаркома – вне закона.

Удалить из армии всех коммунистов, комсомольцев и безбожников.

Сообщить за границу по радио о перевороте, призывая генерала Врангеля и Великого Князя Николая Николаевича срочно вернуться в Россию.

По свержении комиссарской власти на местах призвать в воинские части священников, не продавшихся красной церкви, очистить храмы, отговорить, приобщиться и исповедаться во грехах.

Группа военспецов».

III

«Дни пролетарской власти сочтены. Земля дрожит под ногами комиссаров и весь воздух накален всеобщей ненавистью.

Когда комиссарская власть падет, и народ поставит на русской земле не власть рабочих, не власть крестьян, а Хозяина – тогда мы будем счастливы сознанием, что здесь есть и наша работа».

IV

«...Мертвая вода, которой социал-коммунизм окропил нашу землю – классовая ненависть. В воздухе, пропитанном лозунгами классовой вражды, не может быть ни честности, ни справедливости... Честный фабрикант, создавший дело, всю жизнь неотступно проработавший над его развитием, вынужден удирать за границу обруганным “бездельником и тунеядцем”.

V

«Великий Князь решительно заявил, что он готов отдать себя целиком на служение Родине и не поколеблется исполнить свой долг перед ней.

От самих русских людей зависит дать Великому Князю уверенность, что для него настал час выступить для спасения России.

И если русские люди внутри красной России хотят ускорить этот час, им следует всеми путями, всеми способами направлять к Великому Князю делегатов, ходоков и призывы стать на защиту Родины, терзаемой чужаками» [48. – 1925, 15 февраля].

Приложение Б
АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ

Секретно

ИМЕННОЙ СПИСОК
Членов Совета ЧОН Крыма
(по состоянию на 7 февраля 1924 года. – А.И.)

<i>Фамилия, имя, отчество члена Совета ЧОН</i>	<i>Место службы</i>	<i>Занимаемая должность</i>
Саид-Галиев	Совнарком Крымской АССР	председатель Совнаркома Крымской АССР
Уфимцев Николай Иванович	ОК РКП(б)	секретарь ОК РКП(б)
Коган Исаак Ефимович	ОК РКСМ	секретарь ОК РКСМ
Лимберг Мартын Карлович	ЧОН Крыма	командующий ЧОН Крыма
Реденс Станислав Францевич	КПУ	Председатель КПУ
Деза Григорий Антонович	Крымский военкомат	крымвоенком
<i>Фамилия, имя, отчество заместителя члена Совета ЧОН</i>	<i>Место службы</i>	<i>Занимаемая должность</i>
Гончаров Иван Васильевич	Совнарком Крымской АССР	заместитель председателя Совнаркома Крымской АССР
Берсен Георгий Адамович	ОК РКП(б)	начоргот[дела] ОК РКП(б)
Рутановский Георгий Владимирович	ОК РКСМ	заместитель секретаря ОК РКСМ
Кичатов Михаил Матвеевич	ЧОН Крыма	начальник штаба ЧОН
Корженко Василий Саввич	КПУ	заместитель председателя КПУ
Старчай Василий Николаевич	Крымский военкомат	помощник крымвоенкома

*Пп. врид. начальника штаба /Карпушкин/
1-й помначштаба /Кишилов/ [8, л. 66]*

Приложение В
АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ

Секретно

ИМЕННОЙ СПИСОК
Членов Совещания при 25 особого назначения
Симферопольском батальоне
(по состоянию на 7 февраля 1924 года. – А.И.)

<i>Фамилия, имя, отчество члена Совещания</i>	<i>Место службы</i>	<i>Занимаемая должность</i>
Кичатов Михаил Матвеевич	управление ЧОН Крыма	начальник штаба
Хасман Мир Вениаминович	окружком РКП(б)	секретарь Окружкома РКП(б)
Кампф Адольф Иосифович	25 ОН Симфери- польский батальон	командир батальона

*Пи. врид. начштаба /Карпушкин/
1-й помначштаба /Кишилов/ [8, л. 66]*

Приложение Г
АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ

Секретно

ИМЕННОЙ СПИСОК

Членов Советов частей особого назначения Севастопольского, Евпаторийского, Джанкойского, Ялтинского, Феодосийского, Керченского и Алуштинского районов
(по состоянию на 7 февраля 1924 года. – А.И.)

<i>Фамилия, имя, отчество</i>	<i>Место службы</i>	<i>Занимаемая должность</i>	<i>Примечание</i>
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН			
Овчаренко Леонид Георгиевич	26 ОН Севастопольский батальон	командир батальона	
Богданов Иван Андреевич	исполком	председатель исполкома	утвержден как член СОВЧОНа в заседании СОВЧОН Крыма п/г протокол № 14
Носов Иван Петрович	райком РКП(б)	секретарь райкома РКП(б)	
Карга Самуил Абрамович	Севастопольский округ ОГПУ	уполномоченный ОГПУ	
Глушков Филипп Алексеевич	районный военкомат	райвоенком	
Богданов Михаил Сергеевич	штаб крепости	комендант крепости	утвержден как член СОВЧОНа в заседании СОВЧОН Крыма п/г протокол № 14
Лу[н]ин Николай Ефимович	райком РКСМ	секретарь райкома РКСМ	
ЕВПАТОРИЙСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН			
[Ф]едоренко Лев Лаврентиевич	35 ОН Евпаторийская отдельная рота	комроты	

Касилов Георгий Федорович	райком РКП(б)	секретарь райкома РКП(б)	
Ищенко Яков Андреевич	райвоенкомат	райвоенком	тов. Варнаков его помощник
Старосельцев Николай Дмитриевич	пограничное отделение ГПУ	начальник погранично отделения ГПУ	
Март[ы]нов Захарий	райком РКСМ	секретарь райкома РКСМ	
ДЖАНКОЙСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН			
Самохвалов Никита Сергеевич	36 ОН Джанкойская отдельная рота	комроты	
Варлен Наум Иосифович	райком РКП(б)	секретарь райкома РКП(б)	
Немену[щ]ий Израил Романович	райвоенкомат	райвоенком	его помощник т. Яковлев
Розенфельд Альфред Иванович	пограничное отделение ГПУ	уполномоченный ГПУ	
Глузман Аарон	райком РКСМ	секретарь райкома РКСМ	
ЯЛТИНСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН			
Яковлев Федор Григорьевич	37 ОН Ялтинская отдельная рота	комроты	
Мастынь Карл Леонардович	райком РКП(б)	секретарь райкома РКП(б)	
Смирнов Петр	райвоенкомат	райвоенком	
Кудрявцев	пограничное отделение ГПУ	начальник пограничного отделения ГПУ	
Умеров Бекир	райком РКСМ	секретарь райкома РКСМ	
ФЕОДОСИЙСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН			
Андро[н]ов Иван Иванович	38 ОН Феодосийская отдельная рота	комроты	
Николос Иван	райком РКП(б)	секретарь райкома РКП(б)	
Козлов Василий Петрович	райисполком	председатель исполкома	

Федоров Сергей	райвоенкомат	райвоенком	его помощник Степанов Николай
Константиновских	пограничное отделение ГПУ	председатель пограничного отделения ГПУ	его замести- тель Молецкий Иосиф
Сигналов Наум	райком РКСМ	секретарь райко- ма РКСМ	
КЕРЧЕНСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН			
Л[ы]марь Михаил Ефимович	39 ОН Керчен- ская отдельная рота	комроты	
Волгин	райком РКП(б)	секретарь райко- ма РКП(б)	
Басов Григорий Гаврилович	райвоенкомат	райвоенком	
Лев Александр Петрович	пограничное отделение ГПУ	начальник погра- ничного отделе- ния ГПУ	
Конаевич	райком РКСМ	секретарь райко- ма РКСМ	
АЛУШТИНСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН			
[Щ]енснович Ар- кадий Иванович	40 ОН Алуштин- ская отдельная рота	комроты	
Муртазин Ахмет	райком РКП(б)	секретарь райко- ма РКП(б)	
Нагаев	райисполком	предрайиспол- кома	
Алиев	райком РКСМ	секретарь райко- ма РКСМ	
Слесаренко	пограничный пост ГПУ	начальник погра- ничного поста ГПУ	

*Пп. врид. начальника штаба /Карпушкин/
1-й помначштаба /Кишилов/ [8, л. 67–67 об.]*

Приложение Д
АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ

Схема дислокации крымской милиции
по состоянию на 1-е января 1924 года

<i>№ по порядку управлений милиции</i>	<i>Наименование управлений, рай-гормилиций и их участков</i>	<i>Местонахождение управлений и участков</i>	<i>Примечание</i>
1.	Центральное Административное Управление (ЦАУ)	г. Симферополь, Советская № 11	
2.	Симферопольская рай-гормилиция 1-й гор. участок 2-ой... 3-й... 4-й... 5-й... 6-й... 7-й рай-участок 8-й...	там же Кладбищенская № 54 М.- Базарная № 16 там же Феодосийская № 7 Екатерининская № 25 там же дер. Булганак село Зуи	
3.	Севастопольская рай-гормилиция 1-й гор-участок 2-й... 3-й... 4-й... 5-й... 6-й... 7-й рай-участок 8-й... 9-й...	г. Севастополь, Чесменская ул. № 34 г. Севастополь г. Балаклава Чаргунь Байдары	

4.	<p>Ялтинская рай-гормилиция</p> <p>1-й гор-участок 2-й... 3-й... 4-й... 5-й рай-участок 6-й...</p>	<p>г. Ялта, Гоголевская № 10</p> <p>г. Ялта</p> <p>г. Алупка Гурзуф</p>	
5.	<p>Евпаторийская рай-гормилиция</p> <p>1-й гор-участок 2-й... 3-й... 4-й рай-участок 5-й...</p>	<p>г. Евпатория, ул. Революции</p> <p>г. Евпатория</p> <p>село Саки дер. Джелал</p>	
6.	<p>Феодосийская рай-гормилиция</p> <p>1-й гор-участок 2-й... 3-й... 4-й... 5-й рай-участок 6-й... 7-й... 8-й... 9-й...</p>	<p>г. Феодосия</p> <p>г. Феодосия Владиславовка Ко[ш]ан (Акманайский участок) Счастливецво (Арбатская стрелка) Ички Андреевка Емельяновка</p>	
7.	<p>Керченская рай-гормилиция</p> <p>1-й гор-участок 2-й... 3-й... 4-й рай-участок 5-й... 6-й... 7-й... 8-й... 9-й...</p>	<p>г. Керчь</p> <p>г. Керчь</p> <p>Сараймин Эни-Кале и Спасное Маяк-Салын с. Ленинское Ташлыяр Джапар-Берды</p>	

8.	Джанкойская районная милиция 1-й рай-участок 2-й... 3-й... 4-й... 5-й...	г. Джанкой Ак-Шеих Курман-Кемельчи А[к]чета Марьино Таганаш	
9.	Бахчисарайская районная милиция 1-й рай-участок 2-й... 3-й...	г. Бахчисарай с. Мангуш с. Калынтай Фоти-Салы	Качинский участок Кокозский участок
10.	Карасубазарская районная милиция 1-й рай-участок 2-й... 3-й...	г. Карасубазар (ныне Белогорск. – <i>А.И.</i>) Арчин Бахчи-Эли Ново-Царицыно	
11.	Алуштинская районная милиция 1-й рай-участок 2-й... 3-й...	г. Алушта дер. Шуша дер. Биюк-Ломбат Кучук-Узет	
12.	Сарабузская районная милиция 1-й рай-участок 2-й... 3-й... 4-й...	Сарабуз (ныне пос. Гвардейское Симф. района. – <i>А.И.</i>) Село Шулук Нижне-[О]сман Дер. Кинчак Чен-граф	Кам-барский участок Биюк-Он-ларский участок

13.	Армянская районная милиция 1-й рай-участок 2-й... 3-й...	Армянск Карпова Балка Воронцовка Воинка	
14.	Ак-Мечетская районная милиция 1-й рай-участок 2-й... 3-й... 4-й...	Ак-Мечеть (ныне райцентр Черноморское. – <i>А.И.</i>) Огоджа-Немецкая Дер. Купон Бии-Орлюкск село Стай	
15.	Судакская районная милиция 1-й рай-участок 2-й...	г. Судак Капсиюр Таракташ	
16.	Старо-Крымская районная милиция 1-й рай-участок 2-й...	г. Старый Крым Кишлав Изюмовка	

[21, л. 11–12]

Приложение Ж
АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ

Сравнительные данные
(на 1-е января 1924 и 1-е января 1925 годов)
по личному составу центрального аппарата юстиции Крыма

Года	Все- го	Партийность		Классы			Образование		
		член РКП(б) и РЛК- СМ	беспар- тийн.	ра- боч.	крест.	служ.	низш.	сред.	высш.
1924 г. НКЮ	46	3	43	4	17	25	18	17	11
Проку- ратура	10	4	6	1	3	6	4	4	2
Глав-суд	70	15	55	19	31	20	32	32	6
итого	126	22	104	24	51	51	54	53	19
1925 г. НКЮ	50	10	40	15	14	21	15	24	10
Проку- ратура	12	8	4	3	3	6	6	1	5
Глав-суд	61	13	48	14	15	32	27	20	14
итого	123	31	92	32	32	59	49	45	29

[20, л. 6 об.]

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

1. Виписки із протоколів засідань колегії Харківської губернської надзвичайної комісії та списки членів РКП та КПУ, НДК, які притягувались до відповідальності ревтрибуналами Харківського військового округу, та ін. (31.01.1921–10.12.1921) // ЦДАВО України, ф. 3361 (Всеукраїнська надзвичайна комісія у боротьбі з контрреволюцією, спекуляцією, саботажем і злочинством за посадою), оп. 1, д. 8. – 45 л.
2. Выписка из протоколов заседаний президиума Крымского областного комитета РКП(б). Приказы коменданта города Симферополя. Телеграммы и переписка с отделами о снабжении продовольствием, топливом и фуражем, о сборе продналога, борьбе с бандитизмом, административно-хозяйственным вопросам (22.06.1921–01.12.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 3, д. 72. – 258 л.
3. Выписки из журнала военных действий и табели срочных донесений частей особого назначения Крыма (01.01.1924–16.06.1924) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 1, д. 663. – 86 л.
4. Выписки из протоколов заседаний коллегий по рассмотрению дел на лиц, служивших в Белой армии, обвиняемых в спекуляции и других преступлениях (09.03.1921–04.04.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1881 (Симферопольская городская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности), оп. 1, д. 1. – 27 л.
5. Годовой отчет Крымской ЧК за 1921 год // Центральный архив ФСБ России в Республике Крым, ф. 1, оп. 1. – 155 столб.
6. Доклад о деятельности ЧОН Крымской АССР за период с 1-го марта 1923 года по 1-е марта 1924 года // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 2, д. 71а. – 12 л.
7. Доклады, отчеты, политсводки экспедиционных отрядов Особармии 4, Крым ЧК по борьбе с бандитизмом (13.01.1921–25.10.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. 1 (Крымский обком РКП(б)), оп. 1, д. 69. – 130 л.
8. Доклады, сводки и переписка о Совете ЧОН (02.01.1924–16.06.1924) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 1, д. 667. – 195 л.
9. Доповідна начальника таємно-оперативного управління та начальника особливого відділу ВУНДК про положення на Україні (липень 1921) // ЦДАВО України, ф. 3361 (Всеукраїнська надзвичайна комісія у боротьбі з контрреволюцією, спекуляцією, саботажем і злочинством за посадою), оп. 1, д. 10. – 14 л.
10. Журналы, выписки из журналов и сообщения о военных действиях частей особого назначения Крыма (03.01.1923–12.12.1923) // Государственный архив

- Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 1, д. 507. – 159 л.
11. Информационные сводки и отчеты о деятельности управления и отделов Народного комиссариата внутренних дел и мест заключения (14.07.1923 – 05.01.1924) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-702 (Помощник прокурора республики по наблюдению за органами Крымского политического управления и местами заключения Крымской АССР), оп. 1, д. 8. – 25 л.
 12. История частей особого назначения Крыма (25.10.1922–26.10.1922) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 1, д. 229. – 4 л.
 13. Копии декретов, постановлений и циркуляры ВЦИК, СНК РСФСР и СТО. Выписка из протокола заседания пленума Крымревкома от 26 мая 1921 года об организации областного комитета по перевозкам. Протоколы заседания заведующих подотделами отдела соцобеспечения от 31 мая 1921 года. Копии приказов главного инспектора военно-учебных заведений Крыма. Докладные записки отделов об улучшении внешней торговли, работе госиздата, санитарном состоянии городов, распределении реквизированного у буржуазии имущества. Телеграммы и переписка с уполномоченным СТО, командующим войсками Украины и Крыма, особоуполномоченным Центрэвака, Центрсоюзом и другими учреждениями о мероприятиях по улучшению рыбных промыслов и производства консервных фабрик, охране соляных промыслов, торговле и порядке вывоза соли из Крыма, борьбе с бандитизмом, материальной помощи Севастопольской биологической станции, перевозке в Москву архивов белых контрразведок, снабжении топливом и продовольствием, правилах перевозки продовольственных грузов по железным дорогам (5.03.1921–30.06.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 3, д. 65. – 876 л.
 14. Копия постановления Крымревкома и Реввоенсовета Южного фронта об учете трофейного имущества, переданного по телеграфу 22 ноября 1920 года. Доклад губвоенкома о возможности организации и размещении военных курсов в Крыму. Телеграммы Наркомпрода, командующего Южным фронтом, начальника оперативного отдела ВЧК, уездных и городских ревкомов о формировании заградительных отрядов для борьбы с контрреволюционными выступлениями, о розыске и доставке в Москву архива белых, вывезенного из Одессы, о снабжении топливом, продовольствием, фуражом, борьбе с бандитизмом, дезертизмом и туеядством, об охране имущества и сотрудников метеорологической станции. Выписки из журналов Симферопольской местной радиостанции. Правительственная телеграмма 16-й рабочей конференции профсоюзов В.И.Ленину (19.11.1921 – 30.12.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 3, д. 70. – 216 л.

15. Материалы IX Крымской областной партийной конференции, протоколы и доклад мандатной комиссии (травень 1924) // Государственный архив Республики Крым, ф. 1 (Крымский обком РКП(б)), оп. 1, д. 312. – 61 л.
16. Материалы о борьбе с татарским буржуазным национализмом и бандитизмом (25.08.1925 – 26.10.1925) // Государственный архив Республики Крым, ф. 1 (Крымский обком РКП(б)), оп. 1, д. 382. – 233 л.
17. Материалы о деятельности Крымской милиции (28.12.1920 – 03.11.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 3, д. 93. – 477 л.
18. Оперативно-інформаційні зведення про боротьбу з бандитизмом на Україні (13.05.1921 – 22.08.1921) // ЦДАВО України, ф. 3361 (Всеукраїнська надзвичайна комісія у боротьбі з контрреволюцією, спекуляцією, саботажем і злочинством за посадою), оп. 1, д. 1. – 11 л.
19. Оперразведсводки, оперприказы, расписание банд и контрреволюционных отрядов, весь материал о бандитизме и контрреволюционных выступлениях (04.01.1923 – 06.12.1923) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 2, д. 91. – 18 л.
20. Отчет о деятельности Наркомюста и подведомственных ему органов за период с ноября 1920 по ноябрь 1925 года // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1108 (Верховный суд Крымской АССР), оп. 1, д. 10. – 51 л.
21. Отчеты, доклады о работе Главного суда Крыма, его выездной сессии в Севастополе, деятельности народных судов Евпаторийского района. Переписка с уполномоченным Наркомюста, ГПУ по следственным делам. Сведения о прекращенных уголовных делах (с фамилиями) (02.01.1924 – 30.12.1924) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1108 (Верховный суд Крымской АССР), оп. 1, д. 7. – 352 л.
22. Отчеты помощника прокурора Крымской ССР по наблюдению за органами Государственного политического управления (01.01.1924 – 01.10.1924) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-702 (Помощник прокурора республики по наблюдению за органами Крымского политического управления и местами заключения Крымской АССР), оп. 1, д. 16. – 15 л.
23. Переписка с ГПУ, прокуратурой, народными судами, партийными организациями по судебным делам: список судебных дел, находящихся на рассмотрении в Главном суде Крыма. Выписки из протоколов распорядительных заседаний Главного суда (07.01.1924 – 22.11.1926) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1108 (Верховный суд Крымской АССР), оп. 1, д. 9. – 388 л.
24. Переписка с Крымской чрезвычайной комиссией и революционным трибуналом (оперативно-разведывательные сводки КрымЧК, протокол областного совещания коммунистов Госполитуправления Крыма) (5.01.1922 – 23.11.1922) // Государственный архив Республики Крым, ф. 1 (Крымский обком РКП(б)), оп. 1, д. 135. – 67 л.

25. Переписка с Крымской чрезвычайной комиссией по вопросам распределения кадров (3.01.1921–31.12.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. 1 (Крымский обком РКП(б)), оп. 1, д. 91. – 157 л.
26. Переписка с Крымчека о составе коллегии Крымчека, об аресте разных лиц, о проведении первомайской амнистии, по административно-хозяйственным вопросам (05.01.1921–28.06.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 3, д. 217. – 165 л.
27. Переписка с политотделом войск ГПУ, Крымским политуправлением и Главмилицией по вопросам административной работы (10.11.1923–29.12.1923) // Государственный архив Республики Крым, ф. 1 (Крымский обком РКП(б)), оп. 1, д. 253. – 52 л.
28. Переписка с Реввоенсоветом 4-й армии о порядке проведения реквизиции военными ведомствами, о выдаче пропусков, освобождении из-под ареста, по организационным вопросам (21.11.1920–31.12.1920) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 3, д. 230. – 116 л.
29. Переписка с Чусоснабармом, штабом и Реввоенсоветом 4-й армии о привлечении к охране морской границы Крыма военных частей, учете автоимущества гражданским учреждениям, снабжении обмундированием, горючим, бумагой и др. (1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 3, д. 224. – 269 л.
30. Положение о советах ЧОН (копия). Протоколы заседаний Совета ЧОН Евпаторийского округа (16.09.1921–11.08.1923) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 2, д. 9. – 68 л.
31. Приветственные телеграммы от 7 ноября 1921 года I Всекрымского учредительного съезда Советов В.И.Ленину, М.И.Калинину, Исполкому Коминтерна. Переписка с уездными исполкомами об объявлении и порядке проведения амнистии в честь IV годовщины Октября, о прибытии делегатов на партийную конференцию и I Съезд Советов (18.10.1921–12.11.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 3, д. 218. – 55 л.
32. Приказы командования частей особого назначения Крыма частям ОН (30.06.1922–10.12.1922) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 1, д. 105. – 97 л.
33. Приказы Крымского и уездного ревкомов (24.11.1920–26.07.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1024 (Керченский уездный революционный комитет), оп. 1, д. 10. – 399 л.
34. Приказы частям особого назначения Крыма о ликвидации ЧОН (16.06.1924–28.07.1924) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 1, д. 623. – 16 л.

35. Приказы ЧОН Крыма (08.01.1924–18.07.1924) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 1, д. 659. – 70 л.
36. Приказы штаба частям особого назначения Крыма (01.01.1923–31.12.1923) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 1, д. 394. – 215 л.
37. Протоколы заседаний коллегии отдела народного образования. Переписка с ректором Таврического университета, отделом народного образования о помещениях университета, создании условий для работы преподавателей и сотрудников университета (16.11.1920–21.12.1920) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 3, д. 163. – 71 л.
38. Протоколы заседаний Обкома, объединенных заседаний Обкома и Крымревкома (02.01.1921–31.12.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. 1 (Крымский обком РКП(б)), оп. 1, д. 60. – 121 л.
39. Протоколы заседаний Областного комитета РКП(б) (16.11.1920–25.12.1920) // Государственный архив Республики Крым, ф. 1 (Крымский обком РКП(б)), оп. 1, д. 23. – 36 л.
40. Протоколы заседаний президиума Крымского обкома РКП(б) (3.08.1921–27.12.1922) // Государственный архив Республики Крым, ф. 1 (Крымский обком РКП(б)), оп. 1, д. 59. – 254 л.
41. Протоколы заседаний Совета ЧОН Алуштинского района (01.11.1921–26.11.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 2, д. 8. – 5 л.
42. Сведения о боевом и численном составе ЧОН Крымской АССР (22.04.1922–27.06.1922) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 2, д. 24. – 41 л.
43. Сводки об экономическом и политическом состоянии Крыма. Материалы следственных и судебных дел, перестройка работы адвокатуры. Список членов коллегии защитников (03.03.1924–20.10.1925) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1108 (Верховный суд Крымской АССР), оп. 1, д. 8. – 114 л.
44. Секретно (1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1202 (Ялтинский уездный революционный комитет), оп. 2, д. 8. – 11 л.
45. Телеграммы штаба 6-й Отдельной Крымской коммунистической бригады особого назначения командирам батальонов о состоянии оперативной обстановки в Крыму (1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 2, д. 6. – 36 л.
46. Циркуляры и инструкции Крымского областного комитета РКП(б). Приказы Крымского и уездных ревкомов и их отделов, Крымской советской милиции, коменданта города Севастополя и Морской севастопольской крепости (печатные) (15.12.1920–29.11.1921) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет), оп. 2, д. 1. – 143 л.

47. Штатные расписания, дислокации частей особого назначения Крыма, приказы Харьковского военного округа и другие руководящие материалы частям особого назначения Крыма (16.01.1923 – 15.12.1923) // Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР), оп. 1, д. 383. – 141 л.

Периодические издания

48. Газета «Красный Крым» (орган Крымского революционного комитета, Крымского обкома РКП(б) и Крым ЦИКа) – 1921–1927 гг.

Опубликованные источники

49. *Вересаев В.* Сочинения: В четырех томах. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – 606 с.
50. В Крыму после Врангеля (заметки очевидца) / Предисловие и подготовка текста В.В.Лаврова, комментарии А.В.Мальгина // Крымский Архив. – 1996. – № 2. – С. 59–63.
51. ВЧК – ГПУ. Документы и материалы / Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. – М.: Из-во гуманитарной литературы, 1995. – 272 с.
52. *Гауфлер Г.* Тревожные дни. Дневник феоdosийского гимназиста (апрель 1919 г. – декабрь 1924 г.) // Крымский альбом 1999. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. [Выпуск 4] / Сост., предисловие к публ. Д.А. Лосева. – Феодосия – М.: Коктебель, 2000. – С. 195–257.
53. *Ибраимов В.* Пять лет Советской власти в Крыму // Весь Крым, 1920–1925 (За пять лет): Юбилейный сборник. – Симферополь: Из-во Крым ЦИКа, 1926. – С. I–XIX.
54. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сборник документов / Под ред. Г.А.Белова, А.Н.Куренкова, А.И.Логиновой и др. – М.: Из-во политической литературы, 1958. – 512 с.
55. *Ленин В.И.* Доклад о концессиях // Полное собрание сочинений. (Ноябрь 1920 – март 1921). – 5-е изд. – М.: Из-во политической литературы, 1974. – Т. 42 – С. 55–78.
56. *Ленин В.И.* Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) // Полное собрание сочинений. (Март – июнь 1921). – 5-е изд. – М.: Из-во политической литературы, 1974. – Т. 43 – С. 7–33.
57. Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Л.Д.Солодовник. – Симферополь: Крым, 1968. – 244 с.
58. *Сергий Булгаков.* Ялтинский дневник // Крымский Архив. – 1999. – № 5. – С. 137–162.
59. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 864 с.

60. *Султан-Галиев М.Х.* О положении в Крыму / Предисловие, подготовка текста и комментарии С.А.Усова // Крымский Архив. – 1996. – № 2. – С. 83–97.
61. *Фомин Ф.Т.* Записки старого чекиста. М.: Госполитиздат, 1962. – 205 с.
62. *Шмелев И.* Солнце мертвых. Эпопея // Пути небесные. Избранные произведения. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 23–152.
63. *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920 год. – М.: Новости, 1990. – 832 с.

Литература

64. *Абраменко Л.М.* Київ: жертви репресій. Т. I. – К.: Логос, 1997. – 496 с.
65. *Барихновский Г.Ф.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). – Л.: Из-во Ленинградского университета, 1978. – 160 с.
66. *Белоглазов Р.Н.* Осуществление декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Крыму (1921–1923 г.г.) // Крымский Архив. – 1999. – № 5. – С. 122–133.
67. *Белоглазов Р.Н.* Изъятие церковных ценностей в Крыму в 1922 г. // Арсений Иванович Маркевич. I Таврические международные научные чтения. – Симферополь, 2000. – С. 31–34.
68. *Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Крым. Географические названия: Краткий словарь. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. – 160 с.
69. Борьба большевиков за власть Советов в Крыму / Отв. ред. И.С. Чирва. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 295 с.
70. *Брошеван В.* Крым. Армянский базар. 1920–1924 гг. Документы и материалы об истории образования, деятельности и ликвидации Армяно-Базарского (Армянского) района. – Симферополь, б. м., б. г. – 118 с.
71. *Брошеван В.М., Форманчук А.А.* Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. – Симферополь: Таврия, 1992. – 127 с.
72. *Брошеван В.М., Черная В.Г.* Крым в составе Украины. Книга 1. Крым. 1921–1991 гг. Историко-документальный очерк. – Симферополь, б. и., 1999. – 110 с.
73. *Видоменко В.А.* Всегда на посту // Орлов Г.С. Тревожные будни: Очерки о чекистах. – Симферополь: Таврия, 1987. – С. 3–20.
74. *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 304 с.
75. Годы борьбы и побед. Крым в боях и труде. Воспоминания, статьи, очерки, стихи, цифры и факты. 50-летию Советской власти посвящается / Отв. ред. Л.Д. Солодовник. – Симферополь: Крым, 1967. – 560 с.
76. *Голинков Д.А.* Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917–1924 гг.). – М.: Из-во политической литературы, 1971. – 368 с.
77. *Голинков Д.А.* Крушение антисоветского подполья в СССР. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1978. – Кн. 2. – 399 с.

78. Горюнова Е.А. О политических настроениях крымского крестьянства в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 324–327.
79. Господаренко Н.М. Государственное устройство Крыма, национальный и социальный состав населения полуострова в 1920-е годы // Крымский Архив. – 2000. – № 6. – С. 265–270.
80. Дементьев Н.Е., Бойко В.В. О формах и нормах крестьянского землепользования в Крыму на протяжении 20-х годов XX века // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 20. – С. 72–75.
81. Дементьев Н.Е., Зарубин А.Г. История Крыма. – Симферополь: РИЦ «Атлас», 1993. – 16 с.
82. Десять лет Советского Крыма. Сборник, посвященный десятилетию советизации Крыма. 1920–1930 / Под ред. т.т. Козлова, Антонока, Кудрявцева и др. – Симферополь: Крымское государственное из-во, 1930. – 559 с.
83. Зарубин А.Г. Террор в Крыму (1920–1921 гг.) // И.С.Шмелев. Мир ушедший – мир грядущий: Тезисы докладов II Крымской международной научной конференции. – Алушта, 1993. – С. 49–51.
84. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1997. – 352 с.
85. Змерзлый Б.В. Обновленческое движение в Крыму: 1922–1929 гг. // Крымский Архив. – 1999. – № 4. – С. 164–177.
86. Исаев И.А. История государства и права России: Полный курс лекций. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1994. – 448 с.
87. История городов и сел Украинской ССР. Крымская область / Пред. ред. колл. Л.Д.Солодовник. – К.: Институт истории АН УССР, 1974. – 624 с.
88. Когонашвили К. Краткий словарь истории Крыма. – Симферополь: Бизнес-Информ, 1995. – 336 с.
89. Колонтаев К.В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. – октябрь 1921 г.) // Революция и Гражданская война 1917 – 1920 годов: новое осмысление. Крым. Ялта. 10–18 ноября 1995: Материалы. – Симферополь: Крымский Архив, 1995. – С. 60–62.
90. Коржихина Т.П. История государственных учреждений ССРСР. – М.: Высшая школа, 1986. – 399 с.
91. Крымская АССР: 20-е – 30-е годы: Исторический очерк / Гл. ред. И.М.Хворостяный. – К.: Институт истории АН УССР, 1989. – 17 с.
92. Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / Сост. Ю.И.Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – Вып. 3. – 320 с.
93. Крымский областной государственный архив. Путеводитель / Под общ. ред. А.Д.Беликовой, А.А.Степановой. – Симферополь: Крымиздат, 1961. – 325 с.
94. Купченко В.П. Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1994. – № 6. – С. 58–61.

95. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии: Пер. с фр. – М.: Три века истории, 1999. – 767 с.
96. Ленин нам путь озарил. Сборник / Отв. ред. А.Д.Солодовник. – Симферополь: Крым, 1971. – 240 с.
97. Литвин А.А. Красный и белый террор в России. 1917–1922 // Отечественная история. – 1993. – № 6. – С. 46–62.
98. Маковский В.В. Политика властных органов Крымской АССР по отношению к различным слоям крестьянства в 1920-е годы // Крымский Архив. – 2000. – № 6. – С. 271–275.
99. Марков К.А. Махно и Гражданская война в Крыму // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. Крым. Ялта. 10–18 ноября 1995: Материалы. – Симферополь: Крымский Архив, 1995. – С. 71–73.
100. Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918–1923. – М.: СП «РУСО»; «Р.С.», 1990. – 208 с.
101. Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М.: Мысль, 1982. – 269 с.
102. Надинский П.Н. Борьба крымской парторганизации за восстановление народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма: Сборник статей / Отв. ред. И.С.Чирва. – Симферополь: Крымиздат, 1958. – С. 123–155.
103. Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму. Права голоса лишены / Пред. ред. колл. И.В.Иванченко. – Симферополь: Таврия, 1997. – 104 с. (Серия: «Реабилитированные историей»).
104. Овеяны знаменем Октября: Сб. очерков, воспоминаний, документов / Сост. Б.П.Кияшко, Л.П.Кравцова, Л.А.Сергиенко. – Симферополь: Таврия, 1987. – 208 с.
105. Орлов Г.С. Тревожные будни: Очерки о чекистах. – Симферополь: Таврия, 1987. – 192 с.
106. Очерки истории Крымской областной партийной организации / Пред. ред. колл. Н.В.Багров. – Симферополь: Таврия, 1981. – 376 с.
107. Очерки по истории Крыма. – Часть III. Крым в период социалистического строительства (1921–1941 гг.) / Под общ. ред. И.С.Чирвы. – Симферополь: Крым, 1964. – 222 с.
108. Петров В.А. Боротьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920–1921 рр. // Український історичний журнал. – 1970. – № 11. – С. 128–132.
109. Петров В.П. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920–1921 годах // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов научной конференции. – Симферополь, 1991. – Вып. 2. – С. 91–92.

110. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М.: Звенья, 1999. – 504 с.
111. *Протоиерей Николай Доненко.* Наследники Царства. – Симферополь: Таврида, 2000. – 464 с.
112. *Прохоров В.В.* Деятельность Симферопольской окружной милиции в начальный период НЭПа // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 8. – С. 83–87.
113. *Резниченко Г.А.* Состояние питания населения Крыма в 20-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 20. – С. 110–113.
114. *Семененко В.И.* Слепая верность: из истории Всеукраинской ЧК // Провинциальная ЧК: Сборник статей и материалов. – Харьков, 1994. – С. 3–31.
115. *Семин А.С., Горчаков А.А.* Революционный комитет Крыма и его роль в упрочении Советской власти (ноябрь 1920 г. – ноябрь 1921 г.) // Известия Крымского государственного педагогического института им. М.В.Фрунзе. – Симферополь, 1957. – Т. XXVIII. – С. 129–145.
116. *Сонищева Н.Е.* На чужом берегу (К истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). – М.: Знание, 1991. – 64 с.
117. *Софинов П.Г.* Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). – М.: Из-во политической литературы, 1960. – 248 с.
118. *Тимощук А.В.* Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 – август 1921 гг.). – Симферополь: Таврия, 1996. – 190 с.
119. *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921–1923 гг.). – Часть 1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. – Л.: Из-во Ленинградского университета, 1964. – 311 с.
120. *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Белый юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. – М.: АИРО-XX, 1997. – 104 с.
121. *Филимонов С.Б.* Тайны судебно-следственных дел. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – 128 с.
122. *Филимонов С.Б.* Дела прототипов эпопеи И.С.Шмелева «Солнце мертвых» в архиве ГУ СБУ в АРК // С места происшествия (еженедельник криминальных новостей). – 2001. – № 43, 44, 45, 46.
123. *Чебанова А.В.* Политическая обстановка в Крыму в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 267–270.
124. *Шановал Ю., Пристайко В., Золотарьев В.* ЧК – ГПУ – НКВД в Україні: особи, факти, документи. – К.: Абрис, 1997. – 608 с.

Рукописи и авторефераты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук

125. *Архирейський Д.В.* Діяльність воєнних нарад України в 1920–1924 роках (на матеріалах південних губерній): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Запоріжжя, 2000. – 17 с.

126. Білокінь С.І. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.). Джерелознавче дослідження: Автореф. дис. ... окт. іст. наук. – К., 2000. – 29 с.
127. Горюнова Є.О. Соціально-політичні процеси в селі Кримської АРСР 1920-х років: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Запоріжжя, 1999. – 21 с.
128. Иванова З.Н. Севастополь в восстановительный период (1921–1925 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Симферополь, 1954. – 237 с.
129. Кукель Э.М. Части особого назначения (ЧОН) Украины в борьбе с вооруженной кулацкой контрреволюцией (1920–1924 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Днепропетровск, 1975. – 27 с.
130. Кучер А.Е. Разгром вооруженной внутренней контрреволюции на Украине в 1921–1923 годах: Дис. ... докт. ист. наук. – Харьков, 1973. – 494 с.
131. Мона Ж.Н. Развитие сельского хозяйства в Крымской АССР (1920–1940 гг.): особенности, трудности, просчеты: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Днепропетровск, 1992. – 20 с.
132. Подкур Р.Ю. Документи радянських спецслужб як джерело до вивчення політичних, соціально-економічних, культурних процесів в Україні (20–30-ті рр. ХХ ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 1999. – 18 с.
133. Семенов В.О. Здійснення національної політики в Криму в 1921–1925 рр.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 1993. – 18 с.
134. Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2000. – 38 с.
135. Шкляев И.Н. Деятельность ВЧК на юге Украины в период революции и гражданской войны. 1917–1922 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Одесса, 1998. – 163 с.

Авторские публикации

136. Ишин А.В. В Крыму после Врангеля (по архивным материалам Крымской ЧК за 1921 год) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление: Материалы. – Симферополь: Крымский Архив, 1995. – С. 45–48.
137. Ишин А.В. Контрреволюционное движение в Крыму и борьба с ним в 1921 году // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времен до наших дней: Материалы I научных чтений. – Симферополь, 1996. – С. 47–48.
138. Ишин А.В. Красный террор в Крыму в 1920–1921 годах и его последствия // Культура народов Причерноморья: Материалы II научных чтений. – 1997. – № 1. – С. 112–113.
139. Ишин А.В. Из истории развития вооруженной контрреволюции в Крыму в конце 1921–1922 гг. // Культура народов Причерноморья: Материалы IV научных чтений. – 1998. – № 3. – С. 336–338.
140. Ишин А.В. Организация и деятельность органов советской власти, осуществлявших борьбу с вооруженным антибольшевистским движением на

- Крымском полуострове в 1920–1922 годах // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 158–165.
141. *Ишин А.В.* Из истории военного коммунизма в Крыму: конец 1920 года // Крымский Архив. – 1999. – № 4. – С. 155–157.
142. *Ишин А.В.* Характер и динамика развития вооруженного антибольшевистского движения на Крымском полуострове в конце 1920–1922 годах // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. – 1999. – Т. 12 (51). – № 1. – С. 83–89.
143. *Ишин А.В.* Политико-экономическое положение Крымского полуострова в конце 1920 – первой половине 1921 г. // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 8. – С. 45–49.
144. *Ишин А.В.* Деятельность антибольшевистских организаций в Крыму в 1923–1925 гг. // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 20. – С. 89–93.
145. *Ишин А.В.* Становление системы органов ВЧК в Крыму (конец 1920–1921 годы) // Крымский Архив. – 2001 – № 7. – С. 13–23.
146. *Ишин А.В.* Здійснення судочинства в Криму в першій половині 1920-х років // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 26. – С. 84–88.
147. *Ишин А.В.* Частины особливого призначення (ЧОП) Криму: організація і діяльність // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. – 2001. – № 1. – Т. 14 (53) : история. – С. 95–98.
148. *Ишин А.В.* Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму: год 1921-й // Крымский Архив. – 2002. – № 8. – С. 11–25.
149. *Ишин А.В.* Из истории подпольной контрреволюции в Крыму. Деятельность монархического «Крымского крестьянского объединения» (1923 – 1924 г.) // Пилигримы Крыма: Сборник научных статей и материалов. – Симферополь : Крымский Архив, 2003. – Вып. 2 (7). – С. 41–50.
150. *Ишин А.В.* К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов // Историческое Наследие Крыма. – Симферополь, 2004. – № 5. – С. 45–57.
151. *Ишин А.В.* Из истории вооруженной контрреволюции в Крыму: 1923 год (По архивным материалам частей особого назначения Крыма) // В поисках утраченного единства: Сборник статей. – Симферополь : Крымский Архив, 2005. – С. 62–66.
152. *Ишин А.В.* Антибольшевистские выступления в 1920–25 гг.: причины и характер // История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). – Издание 3-е, исправленное и дополненное. – Симферополь: Атлас-компакт, 2006. – С. 319–328.
153. *Ишин А.В.* Крым в 1921 году: трагедия военного коммунизма // Крымские известия. – 2007. – № 238 (3957), 26 декабря. – С. 5.
154. *Ишин А.В.* К 90-летию окончания Гражданской войны: из истории повстанческого движения «бело-зеленых» в Крыму: конец 1920-го – 1-я половина

- 1921-го гг. // Черноморский Вестник. – 2010. – № 2 (13), апрель–июнь. – М.: ООО «Эдэль-М». – С. 60–66.
155. *Ишин А.В.* Из истории политического конфликта в Крыму после 16 ноября 1920 года // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 183. – Т. 2. – С. 135, 144–140.
156. *Ишин А.В.* «Расстрельные» протоколы Симферопольской городской чрезвычайной комиссии – уникальный источник по истории Гражданской войны // Крымский Архив. – 2010. – № 12. – С. 43–46.
157. *Ишин А.В.* Архівні матеріали Кримської надзвичайної комісії як важливе джерело з історії громадянської війни // Наукові праці Національної бібліотеки України імені В.І.Вернадського. – Вип. 30 / НАН України, Нац. б-ка України імені В.І.Вернадського, Асоц. б-к України. – К.: НБЦ Національної бібліотеки України імені В.І.Вернадського, 2011. – С. 270–276.
158. *Ишин А.В.* Об особенностях социокультурной деструкции в развитии Крыма начала 1920-х годов Таврійські студії. Історія. – 2012. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/tavst/2012_2/pdf/10.pdf.
159. *Ишин А.В.* Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917 – 1922 годах. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 384 с.
160. *Ишин А.В.* Хозяйственные аспекты политики военного коммунизма в Крыму // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 230. – С. 98–101.
161. *Ишин А.В.* Административно-управленческие аспекты «третьего большевизма» // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 245. – С. 122–125.
162. *Ишин А.В.* Інституціональний підхід як науково-теоретичний інструмент вивчення процесів державного будівництва на кримському просторі в 1917–1922 роках // Грані: науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. – 2013. – № 9 (101), вересень. – Дніпропетровськ: Грані. – С. 194–198.
163. *Ишин А.В.* О роли В.И.Вернадского в интеллектуальной оппозиции военному коммунизму // В.И.Вернадский и глобальные проблемы современной цивилизации: Международная конференция [тезисы]. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – С. 44.
164. *Ишин А.В.* Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2017. – № 12. – С. 13.
165. *Ишин А.В.* О научно-теоретическом измерении истории революционных потрясений в России (к 100-летию Февраля и Октября 1917 г.) // Проблемы постсоветского пространства. – 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 118–125.
166. *Ишин А.В.* На изломе эпох: документальные свидетельства о жизни и деятельности Е.В.Петухова // Е.В.Петухов (1863–1948): Материалы к биографии: коллективная монография / Сост. А.М. Борисова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 177–191.
167. *Ишин А.В.* Военно-стратегическое измерение образования Крымской АССР в 1921 г. // Материалы VIII Всероссийской научно-практической кон-

- ференции «Военно-исторические чтения» 26 февраля – 1 марта 2019 г. / Гл. ред. А.В.Ишин. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. – С. 203–207.
168. *Ишин А.В.* Общественно-политическая ситуация в Крыму накануне образования Крымской АССР (по материалам органов ВЧК) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Международной научно-практической конференции / ответственные редакторы А.В.Баранов, В.В.Касьянов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – С. 163–167.
169. *Ишин А.В.* Национальный фактор в политике РКП (б) в Крыму: 1921 год // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие: материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.В.Касьянов, А.В.Баранов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун -т, 2021. – С. 15–19.
170. *Ишин А.В.* Части особого назначения Крымской АССР (1921– 1924 гг.) // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 10 (90) – С. 30–35.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к Читателю	3
Перечень условных сокращений	4

Вместо предисловия

О научно-теоретическом измерении истории Великой российской революции.....	6
---	---

Глава 1

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО РЕЖИМА В КРЫМУ

1.1. Экономическое положение полуострова и политика военного коммунизма	15
1.2. Красный террор и партийный диктат как катализаторы развития крымской контрреволюции.....	23
Выводы	34

Глава 2

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В КРЫМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

2.1. Сопrotивление военно-партийному режиму РКП(б) на Крымском полуострове (конец 1920 – 1922 гг.)	35
2.2. Формы противодействия партийно-советской системе в Крыму (1923 – 1925 гг.)	60
Выводы	73

Глава 3

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАРТИЙНОЙ ДИКТАТУРЫ В КРЫМУ

3.1. Органы ВЧК – ГПУ	75
3.2. ЧОН, РККА, милиция, отряды рабочей и сельской самообороны	87
3.3. Органы юстиции.....	95
3.4. Система руководящих и координирующих учреждений.....	102
3.5. Характер взаимоотношений между военно-революционными структурами	109
Выводы	112

Вместо послесловия

Стратегические аспекты образования Крымской АССР..... 113

Приложения..... 120

Источники и литература..... 132

Научное издание

Ишин Андрей Вячеславович

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В
КРЫМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ:
к 100-летию образования Крымской АССР**

Монография

Подписано к печати с оригинал-макета 05.03.2022.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура «Warnock Pro». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,2. Тираж 500 экз. Заказ № ...

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.